

*Павшим и выжившим
морякам и пехотинцам
92-й отдельной морской бригады
посвящается*

**92-я МОРСКАЯ
БРИГАДА
В СТАЛИНГРАДЕ**

**Москва
Алгоритм
2017**

Об итогах первых дней боев

К исходу дня 18 сентября 1-й и 2-й стрелковые батальоны в ожесточенном бою преодолели сопротивление превосходящих сил врага и овладели улицами КИМ, Пугачевская, Циолковского, Рабоче-Крестьянская, Козловская, Бирская, Калинина, Балашовская, им. Кирова; уничтожили противника в районе элеватора, деблокировав окруженную в нем группу воинов 10-й стрелковой бригады. Для усиления обороны этого здания был сразу же направлен пулеметный взвод 2-го батальона во главе с младшим лейтенантом А. О. Хозяиновым, а потом им на помощь пришли моряки роты лейтенанта З.Г. Зозули...

Утром 19 сентября в Сталинград переправились

3-й и 4-й стрелковые батальоны с приданными им минометными и пулеметными подразделениями, батальоном автоматчиков, 5-й батареей артиллерийского дивизиона и саперной ротой. Вместе с этими частями в район реки Царицы прибыло командование бригады.

3-й стрелковый батальон сразу же был введен в бой в промежутке между 1-м и 2-м, а 4-й занял позиции во втором эшелоне. Батальон автоматчиков старшего лейтенанта Ивана Ивановича Мальцева составлял резерв.

К этому моменту стало очевидным стратегическое значение железобетонной громадины элеватора... Начштаба 92-й ОСБр майор Емельяненко вспоминал:

«19 сентября командиру пулеметного батальона майору Василию Егоровичу Яковлеву было приказано направить туда (к элеватору) одну роту. В полдень пулеметчики начали выдвижение к объекту. Они должны были занять оборону в здании зернохранилища и совместно с находящийся там гарнизоном прочно удерживать его. Едва пулеметчики ушли, как **гитлеровцы прорвались через боевые порядки наших подразделений и отрезали элеватор от главных сил бригады.**

В этом случае незамедлительно были приняты меры для восстановления положения. Роту, на участке которой прорвался враг, дополнительно усилили взводом автоматчиков, двумя 45-миллиметровыми орудиями, противотанковыми ружьями и станковыми пулеметами. Для огневой поддержки была выделена также рота минометного батальона.

Но все наши попытки прорваться к элеватору кон-

чились неудачей. Противник сосредоточил здесь до двух пехотных батальонов, усиленных танками и артиллерией.

Из пулеметной роты, отправленной к элеватору, вернулся боец, который вынес тяжелораненого командира — младшего лейтенанта Г. В. Дюльдена. Он рассказал, что, не доходя несколько сот метров до элеватора, рота попала под внезапный удар танков и пехоты фашистов. Заняв круговую оборону, пулеметчики героически отражают атаки врага. Они усеяли вражескими трупами все ближайшие улицы и подожгли два танка. Раненые не покидают своих позиций и сражаются до последней возможности. Элеватор обложен немцами со всех сторон, он окутан дымом, там тоже идет упорный бой. Вокруг здания курсируют вражеские танки.

Командир 2-го стрелкового батальона попытался снова деблокировать элеватор, но все атаки опять не принесли успеха. Противник обладал здесь многократным превосходством в живой силе и технике. Пулеметная рота, попавшая в окружение, сражалась до последнего. Никто оттуда не вернулся. Грохот боя в районе ее действий был слышен еще весь следующий день 20 сентября. Затем все стихло...

К полудню 19 сентября бригада выполнила поставленную задачу. Она вышла к рубежу железной дороги и закрепились там...

О количестве реальных потерь в батальонах 92-й бригады можно судить по сохранившемуся в ЦАМО РФ наградному листу на военврача 2-го батальона Жаркова Андрея Константиновича. Из этого документа следует, что уже **к вечеру 19 сентября** (т.е. на второй день после начала бригадой боевых действий) **на пристани под руководством военврача 3-го ранга было**

собрано 2230 легко- и 32 тяжело раненых. (Здесь, видимо, были раненые не только из 2-го ОСБ, но и из соседних с ним частей и подразделений 35-й гвардейской, 131-й стрелковых дивизий и 10-й стрелковой бригады).

Уже с этого дня - 19 сентября в 92-ю морскую бригаду с правого берега перестали поступать и боеприпасы, и продовольствие. Несколько тысяч убитых и умерших от ран морских пехотинцев и солдат ушли из этой жизни голодными...

Данные ЦАМО РФ подтверждают, что 19 сентября к утру прибыл на правый берег комбриг Тарасов и, не зная положения дел, не дождавшись появления начштаба майора Емельяненко, находящегося в боевых порядках, поспешил отчитаться в своей боевой деятельности:

**Боевое донесение № 02 штабриг 92 в штарм 62,
200 м сев. зап. устья р. Царица 19.9.42 на 9.00**

Бригада в ночь с 18 на 19.9.42 переправилась всеми подразделениями, за исключением артдивизиона и минометного дивизиона.

С утра 19.9.42 части бригады, ликвидируя отдельные группы автоматчиков, продвигаются, выполняя приказ № 75 штарма 62 для занятия обороны.

Части встречают упорное сопротивление со стороны огневых средств и автоматчиков пр-ка.

Захвачен пленный 94 пд пр-ка, который направлен в штарм.

К 9.00 19.9.42 части бр-ды вышли на рубеж:

1 отд. стр. б-н: продвигается на линию ж.д. Данные о его местонахождении отсутствуют. Точные данные дополнительно.

2 отд. стр. б-н: в теч ночи отбил 2 контратаки на элеватор и консервный завод. Ночью в 12.00 18.9. группа автоматчиков просочилась к Волге, но была ликвидирована.

2-й б-н потерял — 32 убитыми. Разбит 1 ст. пулемет.

3-й сб: подходит к линии ж.д. левее 1-го сб. Данные о потерях и точном положении уточняются.

4-й сб: во втором эшелоне за 3 отд. стр. б-ном.

4. Бригада нуждается в боеприпасах.

5. Трофеи уточняются.

Комбриг 92 подполковник /подпись/ Тарасов, военком ст. бат. комиссар /подпись/ Андреев.

При этом подписи начштаба майора Емельяненко нет. Сверху боевого донесения кем-то из штаба 62 армии синим карандашом написано: **«Это чепуха, а не донесение. Составлено человеком, не знающим положения частей!»** И роспись, начинающаяся на букву «К». Похоже — это начальник штаба 62-й армии генерал Крылов, которому, возможно, не понравились строчки донесения: «2 отд. стр. б-н: в теч ночи отбил 2 контратаки на элеватор и консервный завод» противоречащие информации штарма 62, посланной ранее в штаб фронта о занятии элеватора противником, который 16 сентября поспешил послать в Москву донесение:

«ВЧ» из Сталинграда
тов. Берия, тов. Абакумову

По состоянию на 24.00 15 сентября противник в Сталинграде занимал элеватор, куда проникло до 40 танков и группы мотопехоты противника, дом специ-

Военврач 2-го ОСБ Жарков
Андрей Константинович.
Послевоенное фото

алистов, расположенный в непосредственной близости у Волги - 150-180 м от переправы. Сюда противник подтянул до 20 танков, группы автоматчиков и минометчиков.

Селивановский

(ЦА ФСБ РФ, ф.14, оп. 4, д.326, лл. 220-223)».

Прочитав оценку своему творчеству, Тарасов был расстроен: в штаме 62 поняли главное - комбриг 92 не удосужился вникнуть в детали боев. Он даже не знал (и потому не написал), что накануне его 92-я бригада своими атаками помогла выйти из окружения подразделениям моряков 42-й ОСБр, ведущих в течение 4-х суток бои в Ворошиловском районе, а достигнув полотна железной дороги, выбила немцев из вокзала Сталинград-II.

К сожалению, за все время сталинградских боев ни комбриг Тарасов, ни начштаба бригады Емельяненко так и не узнали про пулеметный взвод мл. лейтенанта Хозяинова, который вместе с остатками роты автоматчиков из 10-й стрелковой бригады под командованием лейтенанта Бориса Аркадьевича Степанова в течение четырех дней вел в элеваторе жесточайший бой с противником.

А штаб 62-й армии, сам посылающий «наверх» неконкретные донесения, с первого же донесения уличил подполковника Тарасова в попытке обмана штаба армии подачей неконкретных непроверенных сведений. Генерал-майор Крылов, зная за собой такой грешок, не позволял штабам своих соединений допускать подобные вольности.

Так получилось, что все оперсводки и боевые донесения 62 армии в штаб фронта содержали приведенную выше, до конца не проверенную информацию. Например, оперсводка штама 62 за 18 сентября гласила:

«Ночью противник активности не проявлял. 35-я гв. СД с остатками 131-й СД, 10-й СБр на прежнем рубеже, противник удерживает элеватор и консервный завод.

35-я гв. СД и 133-я ТБр с остатками 131-й СД и 10-й СБр в течение дня отразили четыре атаки противника и продолжают удерживать рубеж: железная дорога 1 км севернее элеватор и до ВДКЧ (восточнее Львовский переулок)».

На самом деле все боевые сводки и карты немецкой армии за 15 сентября говорят лишь о взятии под контроль вокзала Сталинград II и всего участка железной дороги вплоть до железнодорожного моста через Царицу и ничего не сообщают о занятии элеватора.

Лишь 16 сентября немецкое подразделение без боя вошло в сталинградское зернохранилище. После чего вся обороняемая русскими территория от проходящей через Ворошиловский район железной дороги до берега Волги оказалась под прицелами немецких снайперов.

Поэтому сразу же началась атака автоматной роты лейтенанта Бориса Аркадьевича Степанова из 10-й стрелковой бригады на железобетонную громадину...

Теперь здание элеватора стало камнем преткновения для командира 48-го танкового корпуса генерала Вернера Кемпфа. Несмотря на все усилия, выбить упрямых русских из здания никак не удавалось. Подходы к элеватору были блокированы немецкими солдатами из 267-го и 274-го полков, но все попытки пехотинцев 94-й дивизии ворваться в здание встречались пулеметным огнем из глубины.

Русские стрелки в многочисленных окнах-бойницах на верхних этажах сеяли смерть в рядах атакую-

щих. Генерал Кемпф решил применить по зданию артиллерию.

Судя по немецким данным, приведенным в книге австралийского писателя Джейсона Марка «Об истории немецкой 24 танковой дивизии» 50 выстрелов 88-мм зенитных орудий 24-го тк по элеватору были проведены 18 сентября в 15.00 по берлинскому времени.

«Пушки стреляли по лифту с позиций всего в 800 метрах от здания. Это не дало большой эффект. Помимо 44 круглых отверстий на фасаде и на хранилище не было более ощутимых результатов, и сопротивление русских не ослабло».

Поэтому в этот же день зернохранилище было обстреляно еще 4-й батареей 105-мм орудий 89-го артиллерийского полка 29-й мд с гораздо лучшими результатами. Южный фасад элеватора заволокло пылью, фугасные снаряды после многочисленных попаданий разворотили стену здания, рухнула часть перекрытий. На момент обстрела части 94-й пехотной дивизии были отведены от стен элеватора.

По окончании обстрела оставшиеся в живых бойцы *автоматной роты лейтенанта Бориса Аркадьевича Степанова* на верхних этажах здания, пересчитывая последние патроны, приготовились дорого отдать свои жизни. Но атаки противника не последовало: было видно, как немцы перегруппировываются и отходят к железнодорожным путям. Со стороны вокзала Сталинград-II слышались сильная стрельба, разрывы гранат, русская нецензурная речь и крики «полундра».

На помощь истекающим кровью бойцам 131-й СД, 35-й гв. СД и 10-й ОСБр подходил второй отдельный батальон североморцев из 92-й отдельной морской стрелковой бригады, прибывшей на помощь Сталинграду из подмосковного Ступино...

ИСТОРИЯ ЗАЩИТЫ И ЗАЩИТНИКОВ ЭЛЕВАТОРА

*Элеватор в сентябре 1942 г. во время боев в его окрестностях.
Фото с немецкого самолета-разведчика ФВ-189*

О записях в «Историческом формуляре 92 ОСБр»

Начнем с того, что в «Историческом формуляре 92-й бригады» при изложении сентябрьских боев 1942 года политрук-историк допустил ряд «неточностей». Его текст: *«21-го сентября бригада выполнила поставленную задачу и закрепилась на железной дороге, одновременно заняла элеватор, очистив его от противника.*

Противник, пытаясь вернуть потерянные позиции, в течение 21-23 сентября непрерывно контратаковал нашу оборону при поддержке танков и авиации.

Артиллерия бригады из-за халатного отношения начальника артиллерии находилась на левом берегу и никакой поддержки переправившимся батальонам не оказывала. Боеприпасы доставлялись через Волгу под сильным обстрелом противника и в совершенно недостаточном количестве. Река находилась под непрерывным воздействием авиации, артминогна и даже огня автоматчиков противника. Лишь немногим смельчакам удавалось доставить боеприпасы на правый берег Волги.

21 сентября противник при поддержке танков и авиации прорвал нашу оборону, направив свои два удара на элеватор с запада и вдоль железной дороги, что идет берегом Волги. В элеваторе оказались окружены две роты 2-го Особого батальона (ОСБ)...» — грешит мистификациями.

На самом деле бригада элеватор не занимала, поскольку еще 17 сентября там уже находилась рота автоматчиков лейтенанта Степанова Бориса Аркадьевича 11-го стрелкового полка 10-й отдельной стрелковой бригады и, возможно, разрозненные остатки каких-то других соединений. Об этом говорят ниже приведенные строки из послевоенного письма командира 1-го пулеметного взвода пулеметной роты

2-го батальона 92-й отдельной стрелковой бригады
Андрея Хозяинова бывшему командарму 62-й армии
Василию Чуйкову.

**Письмо Чуйкову Василию Ивановичу
от Хозяинова Андрея Осиповича**

«Недавно по радио читали главы из Вашей книги "Армия массового героизма". Когда Вы в своих воспоминаниях перечисляли героические подвиги частей, подразделений и отдельных воинов 62-й армии, я вместе с семьей сидел у радио и слушал. Я очень волновался при этом. Мой десятилетний сынишка сразу заметил мое волнение и спросил: «Папа, почему ты так волнуешься?» — «Потому, ответил я, — что эти сентябрьские дни 1942 года навсегда останутся в моей памяти».

Я помню, как в Нижней Ахтубе нас встретил представитель штаба 62-й армии и указал рукой на пылающий правый берег Волги. Наша бригада североморцев переправлялась через реку в ночь на 17 сентября и уже на рассвете вступила в бой с фашистскими захватчиками. Каждый из нас понимал и знал ясно свои задачи. Работниками штаба и политотдела 62-й армии мы были хорошо информированы о создавшейся обстановке.

Помню, как в ночь на 18 сентября, после жаркого боя, меня вызвали на командный пункт батальона и дали приказ добраться с пулеметным взводом до элеватора и вместе с оборонявшимся там подразделением удержать его в своих руках во что бы то ни стало. Той же ночью мы достигли указанного нам пункта и представились начальнику гарнизона. В это время элеватор оборонялся батальоном гвардейцев численностью не более 30-35 человек вместе с тяжело и легко ранеными, которых не успели еще отпра-

вить в тыл. (*Видимо, А.О. Хозяинов называет обороняющихся гвардейцами потому, что на следующий день соседней 35-й гвардейской дивизии был дан приказ передать позиции в этом районе 92-й морской бригаде и десантники стали эвакуировать из элеватора находящихся там раненых. — В.Ш.*)

Гвардейцы были очень рады нашему прибытию, сразу посыпались веселые боевые шутки и реплики. В прибывшем взводе было 18 человек при хорошем вооружении. У нас имелось два станковых и один ручной пулемет, два противотанковых ружья, три автомата и радиостанция.

18-го на рассвете с южной стороны элеватора появился фашистский танк с белым флагом. «Что случилось?» — подумали мы. Из танка показались двое: один фашистский офицер, другой переводчик. Офицер через переводчика начал уговаривать нас, чтобы мы сдались «доблестной» немецкой армии, так как оборона бесполезна и нам больше не следует тут сидеть. «Освободите скорее элеватор, увещевал нас гитлеровец. — В случае отказа пощады не будет. Через час начнем бомбить и раздавим вас». «Вот так нахалы!» — подумали мы и тут же дали короткий ответ фашистскому лейтенанту: «Передай по радио всем фашистам, чтобы катились на легком катере... к боговой матери... А парламентареры могут отправиться обратно, но только пешком».

Фашистский танк попытался, было, ретироваться, но тут же залпом двух наших противотанковых ружей был остановлен.

Вскоре с южной и западной сторон в атаку на элеватор пошли танки и пехота противника численностью примерно раз в десять сильнее нас. За первой отбитой атакой последовала вторая, за ней третья, а над элеватором висела «рама» — самолет-разведчик.

22. Служба в Советской Армии				
Наименование должности	Наименование части	Чей приказ	№ приказа	Дата
Красноармеец Ком. артиллерии	62 влд. райо Северн. флота			8.34
	Зеленый взвод Сев. фр.			9.38
Командир взвода Красноармеец	3-ий артиллерийский морской отд. Северного флота			11.40
	Вост.-морякский госпиталь № 18			8.41
Ком. пулеметного взвода Красноармеец	Курск. фронт. командный пункт			10.41
	8-й влд. арт. морской пехоты			4.42
Ком. пулеметного взвода Красноармеец	Восточно-фронт. арт.			7.42
	З. П. № 4639			11.42
Ком. пулеметного взвода Красноармеец	4-й стр. полк 112 стр. дивиз			11.43
	З. П. № 4662			1.44
Командир пул. взвода Красноармеец	3-й артиллерийский отд.			5.44
	6-й артиллерийский отд. Вост.-моряк.			3.45
Командир пул. взвода Красноармеец	З. П. № 3646			2.45
	4-й влд. арт. морской пехоты			2.45
23. Уволен в запас	2-й влд. арт. морской пехоты		0390	5.7.1945
24. Уволен в запас	2-й влд. арт. морской пехоты		0390	5.7.1945
По какой должности	Начальник штаба			Дата
	Капитан артиллерии			

Фрагмент учетно-послужной карты лейтенанта Хозяинова Андрея Осиповича 1916 года рождения из Коми АССР, где четко видны записи четырех ранений командира взвода Северного флота мл. лейтенанта Хозяинова: 1) в ноябре 1941 года, 2) в ноябре 1942 года после освобождения из немецкого плена, куда командир пулеметного взвода 2-го ОСБ 92-й ОСБр морской пехоты попал при попытке прорыва группы защитников из горящего элеватора в ночь на 22 сентября 1942 года (после этого ранения Андрей Хозяинов целый год пролежал в эвакуогоспитале № 4639 и выйдя оттуда в ноябре 1943 года, опять стал воевать на передовой командиром пулеметного взвода), 3) в январе 1944 года, 4) в марте 1945 года. Но о подвиге Андрея Хозяинова и его боевых товарищей из 2-го батальона и 35-й гвардейской стрелковой дивизии мы узнали лишь после того, как его рассказ о защите и безымянных защитниках элеватора был напечатан в книге бывшего командарма 62-й армии генерала Чуйкова «От Сталинграда до Берлина». При прочтении УПК Хозяинова поражает факт - у него, воевавшего с августа 1941 года по май 1945 года всего одна награда - медаль «За Победу над Германией». Явно заслуженная медаль «За защиту Сталинграда», видимо, ушла какому-то «защитнику» или «защитнице» с левого берега Волги. После письма Чуйкову Андрей Осипович был реабилитирован по всем статьям: оказалось, что кроме медали «За защиту Сталинграда» в апреле 1945 г. он был представлен еще к ордену «Красной Звезды» в апреле 1945 года

1. Фамилия, имя, отчество <u>Хозяинов Андрей Осипович В.671408</u>			
2. Время и место рождения <u>Восемь 1916, Село Досе 1 км южнее р. С. Москва, г. Сиб</u>			
3. Национальность <u>русский</u>	4. Знание иностранных языков и степень владения ими <u>не владеет</u>		
5. Социальное положение и происхождение <u>служащий</u>			
Член ВКП(б) с _____ г., п/б. № _____ канд. ВКП(б) с _____ г.			
Член ВЛКСМ с _____ г. _____ Беспартийный			
Партийская и измененная партийности _____			
Общие <u>9 классов (Финляндия) 1938</u>			
Военное (указывается полное наименование всех военно-учебных заведений, месяц и год их окончания, полный или ускор. курс окончания) <u>Курси уевоккомсостава (4 мес) в Финляндии</u>			
8. Политическое <u>не имеет</u>			
8. Участие на фронтах <u>Восточный фронт, фронт Восточной Финляндии</u>			
<u>1. Удольский фронт 9.42.43</u>			
<u>2. Восточный фронт 11.43.44</u>			
<u>3. Восточный фронт 11.44.45</u>			
9. Ранения и контузы <u>травма в правое плечо от осколка в августе 1944 г. контузы в лев. плече в правое плечо 47.08.44 в результате снаряда</u>			
10. Награды (ордена и медали) <u>За победу над германцами 9.5.45</u>			
11. Был ли в плену, окружении — когда, где и сколько времени (на выходящих в окружении графа заполняется только на выходящих из окружения но в составе части) <u>нет</u>			
12. Прип. № _____ № _____ № _____		13. Где на учете (наименование РВК, области) <u>ИВСО</u>	
14. Присв. офицер. зван. <u>мл. лейтенант</u>		Чей приказ <u>Овб. Фр.</u>	№ приказа <u>0216</u>
		Дата <u>20.12.48</u>	
15. Состав <u>командир</u> запас „1“ разряда			
16. Род войск <u>Артиллерия</u>		ВУС № <u>2</u>	
17. Состояние здоровья <u>хорошо, но с некоторыми ограничениями</u>			
18. Прохождение сборов <u>огонь и стрельба</u>			
19 г. — дп. (вд его)		19 г. — дп. (вд его)	
19 г. — дп.		19 г. — дп.	
19 г. — дп.		19 г. — дп.	
19. Место службы и должность (или род занятий вне В. вел.) <u>Инженер-восстановитель в отделе восстановления и наладки (Финляндия)</u>			
20. Семейное положение и домашний адрес <u>женат Хозяинов Павел Осипович, г. Москва, Бердский пр.</u>			
21. Особые отметки <u>в отделе восстановления 116</u>			
<u>ВН № 08083 08.01.49</u>			

Оборотная сторона учетно-послужной карты ЦАМО РФ лейтенанта запаса Хозяинова Андрея Осиповича

Он корректировал огонь и сообщал обстановку в нашем районе.

Всего 18 сентября было отбито девять атак. Мы очень берегли боеприпасы, так как подносить их было трудно и далеко.

В элеваторе горела пшеница, в пулеметах вода испарялась, раненные просили пить, но воды близко не было. Так мы отбивались трое суток — день и ночь. Жара, дым, жажда, у всех потрескались губы. Днем многие из нас забирались на верхние точки элеватора и оттуда вели огонь по фашистам, а на ночь спускались и занимали круговую оборону. Наша радиостанция в первый же день вышла из строя. Мы лишились связи со своими частями.

Но вот наступило 20 сентября. В полдень с южной стороны подошло 12 вражеских танков. Противотанковые ружья у нас были уже без боеприпасов, гранат

также не осталось ни одной. Танки подошли к элеватору с двух сторон и начали почти в упор расстреливать наш гарнизон. Однако никто не дрогнул. Из пулеметов и автоматов мы били по пехоте, не давая ей ворваться внутрь элеватора. Но вот снарядом разорвало «максим» вместе с пулеметчиком, а в другом отсеке осколком пробило кожух второго «максима» и погнуло ствол. Оставался один ручной пулемет.

Лейтенант запаса Хозяинов Андрей Осипович. Фото с УПК ЦАМО РФ

От взрыва в куски разлетелся бетон, пшеница горела. В пыли и дыму мы не видели друг друга, но ободряли криками: «Ура! Полундра!»

Вскоре из-за танков появились фашистские автоматчики. Их было около 150-200. В атаку шли они очень осторожно, бросая впереди себя гранаты. Нам удавалось подхватывать гранаты на лету и швырять их обратно. При каждом приближении фашистов к стенам элеватора мы по уговору все кричали: «Ура! Вперед! За Родину!»

В западной стороне элеватора фашистам все же удалось проникнуть внутрь здания, но отсеки, занятые ими, были тут же блокированы нашим огнем.

Бой разгорался внутри здания. Мы чувствовали и слышали шаги и дыхание вражеских солдат, но из-за дыма видеть их не могли. Бились на слух.

Вечером при короткой передышке подсчитали боеприпасы. Их оказалось немного: патронов на ручной пулемет — полтора диска, на каждый автомат — по 20-25 и на винтовку по 8-10 штук.

Обороняться с таким количеством боеприпасов было невозможно. Мы были окружены. Решили пробиваться на южный участок, в район Бекетовки, так как с восточной и северной сторон элеватора курсировали танки противника.

В ночь на 21 сентября под прикрытием одного ручного пулемета мы двинулись в путь. Первое время дело шло успешно, фашисты тут нас не ожидали. Миновав балку и железнодорожное полотно, мы наткнулись на минометную батарею противника, которая только что под покровом темноты начала устриваться на позиции.

Помню, мы с ходу опрокинули три миномета и вагонетку с минами. Фашисты разбежались, оставив на месте семь убитых минометчиков, побросав не только оружие, но и хлеб, и воду. А мы изнемогали от жажды. «Пить! Пить!» — только и было на уме. В темноте напились досыта. Потом закусили захваченным у немцев хлебом и двинулись дальше. Но, увы, дальнейшей судьбы своих товарищей я не знаю, ибо сам пришел в память только 25 или 26 сентября в темном сыром подвале, точно облитый каким-то мазутом. Без гимнастерки, правая нога без сапога. Руки и ноги совершенно не слушались, в голове шумело...»

Сразу заметим, что все события в рассказе А.О. Хозяинова сдвинуты на один день — то есть высадка двух батальонов 92-й бригады на правый берег произошла в ночь с 17 на 18 сентября (у А.О. Хозяинова написано с 16 на 17 сентября), значит, и выход из

элеватора происходил в ночь с 21 на 22 сентября (у А.О. Хозяинова написано с 20 на 21 сентября).

Согласно карте расположения на 20-21.9.42 частей и соединений 62-й армии, составленной штабистом ст. лейтенантом Барановским (см. схему 1), видно, что уже 20 сентября элеватор был со всех сторон окружен противником — нижняя красная черта обозначает линию обороны на 20 сентября, а черта чуть повыше — линию обороны на 21 сентября. На карте также прекрасно видно, что улицы Иловлинская, Львовская и элеватор, (по этим улицам по сводкам штаба 62-й армии за 19 сентября проходила линия обороны — В.Ш.), 20 сентября уже находились в немецком тылу.

В приказах по 92-й ОСБр за 3 сентября 1942 г. относительно назначений во 2-м ОСБ написано (ф. 1904, оп.2, д.1, л.42): «309. мл. л-т Хозяинов Андрей Осипович — командиром 1-го взвода пулеметной роты, 2-го отд стр. батальона».

Есть фамилия Хозяинов и в списках пропавших без вести (д. 31, л.130): «8. Командир пулеметного взвода 2-го отд. стр. бат. 92-й отд. стр. бригады мл. л-т Хозяинов Андрей Осипович пропал без вести 27.09.42 г.

1916 г.р., коми, уроженец села Мокша-Коми Ижемского р-на Коми АССР. Рабочий, кандидат ВКП (б) с 1939 г. В Красной Армии с 1937 г. Образование военное: 3-х месячные курсы переподготовки комсостава в г. Архангельске.

Семья — мать Хозяинова Анна Андреевна прож. Коми АССР Ижемский р-н, с. Мохичи, д. Ель».

Почему-то почти у всех моряков и пехотинцев 92-й морской бригады «пропавших без вести» написана дата с 25 по 27 сентября, хотя из рассказа мл. л-та Хозяинова мы знаем, что он «пропал без вести» еще

в ночь на 22 сентября при попытке их группы про-
рваться из элеватора.

В свете приведенного письма А.О. Хозяинова бро-
сается в глаза предвзятость составителя истории 92-й
бригады. Ведь на самом деле:

1) не было 21-23 сентября двух рот из 2-го От-
дельного батальона в элеваторе — с 18 по 21 сентяб-
ря там из 2-го ОСБ находился только пулеметный
взвод лейтенанта Хозяинова.

2) 21 сентября подразделения бригады не занима-
ли элеватор — наоборот последние остатки 92-й и
10-й СБр, (и, возможно, отдельные бойцы 131-й СД)
в ночь на 22 сентября покинули окруженное немца-
ми бетонное сооружение.

Говоря: «2-й ОСБ, по 10-12 раз в сутки контрата-
куя противника в тельняшках, сумел занять оборону
у цементной дамбы, где и укрепился по линии же-
лезной дороги.

2-й батальон был грозой немцев. Они боялись
здесь наступать и шли в атаку под офицерскими пи-
столетами...» — увлекшийся красочными эпитетами
составитель истории бригады, сам того не замечая,
показал реальный район боевых действий 2-го бата-
льона 20 сентября — район цементной дамбы на
берегу Волги рядом с грузовым портом, уже на до-
вольно большом расстоянии от зернохранилища.
(См. схемы 1,2,3).

Видимо, ожесточенные бои за элеватор требуют бо-
лее подробного рассмотрения. Ведь неспроста это бе-
тонное сооружение в южной части города было выбра-
но Паулусом в качестве эмблемы Сталинграда и в даль-
нейшем красовалось на немецких нарукавных нашив-
ках, специально разработанных в штабе 6-й армии.

Кое-что говорит о защите Сталинградского зерно-
хранилища текст из интернета: *«Во время Сталинг-
радской битвы, высотное здание городского элевато-*

Немецкое 88-мм орудие у пожарной части на улице Баррикадная севернее элеватора. Осень 1942 г.

ра имело стратегическое значение. С его высоты простреливалась центральная часть Ворошиловского района, и контролировались подходы к Волге. В сентябре 1942 года, немцы бросили значительные силы на его взятие. 18 сентября на помощь защитникам Сталинграда к элеватору прибыла 92-я отдельная стрелковая бригада, сформированная из моряков— североморцев. На следующий день элеватор был окружен немецкими частями и начался массированный штурм при поддержке артиллерии и авиации. За три дня советскими бойцами было отбито десятки атак, враг понес большие потери. 22 сентября израсходовав боеприпасы, гарнизон элеватора ночью вышел из окружения. В честь подвига североморцев, в 1977 году перед зданием элеватора открыт памятник в виде семиметровой фигуры моряка из монолитного железобетона».

На сегодня ясно, что пулеметный взвод Андрея Хозяинова в количестве 18 бойцов, пришедший на помощь трем десяткам бойцов из 10-й ОСБр и представлял всю 92-ю морскую бригаду.

А теперь приведем письма бойцов и командиров 92-й морской бригады и соседних с ней соединений Хозяинову Андрею Осиповичу.

Эти письма были расшифрованы, напечатаны и выставлены в интернете Сеним Ольгой Владимировной — племянницей А.О. Хозяинова. А Ольге Владимировне письма были любезно предоставлены Леонидом Андреевичем Хозяиновым — сыном Андрея Осиповича.

Письма Степанова Бориса Аркадьевича — командира роты 11-го СП 10-й ОСБр

г. Алма-Ата, 8.12.67.

Здравствуйте, Андрей Осипович!

Мне случайно попала в руки книга В.И.Чуйкова «Начало пути». Читая ее, я вычитал на 106 стр. Ваше письмо к В.И.Чуйкову о воспоминаниях, как оборонялся Сталинградский элеватор. Меня это сильно растревожило, т.к. я участвовал в обороне города еще до подступа к нему, а затем в самом городе, и в частности командовал ротой, которая обороняла Сталинградский элеватор. Хорошо помню приход вашего взвода в элеватор.

Не откладывая в долгий ящик, я написал два письма, одно В.И.Чуйкову, и второе в горвоенкомат гор. Орла, таким образом я хотел получить ваш адрес.

Лично от В.И.Чуйкова ответа не получил, но мне ответил нач. секретариата начальника ГО СССР подполковник Солодовник. Ответ отрицательный, адреса сообщить не может.

Второе письмо пришло из г. Орла от военкома РВК

полковника Чукаренкова, где он сообщил мне Ваш адрес. г. Орел, ул.Пушкина, 116, кв.10, и я взялся за письмо. Интересно вспомнить обо всем, но я не знаю, с чего начать. Первоначально написал большое письмо, и оно получилось как бы частью моей биографии периода боев за Сталинград, затем раздумал и решил написать это письмо.

Очень много оставалось в памяти, но и немало позабыто. Вот Вас вспомнить никак не могу, туманно отдельные эпизоды наших с Вами разговоров и действий, а вот отдельных Ваших бойцов помню, и кажется, узнал бы при первой встрече. Хорошо помню раненого снайпера-матроса и его снайперскую винтовку с разбитым прикладом. Он был ранен в лицо, кажется, на третий или четвертый день после Вашего прихода.

Как сейчас помню высокого русоволосого матроса-пулеметчика, который все старался побольше отвернуть лацканы армейской шинели, чтобы было видно тельняшку, а бескозырку держал на груди под шинелью. Умирать собирался матросом — форма парадная. Вспоминается станковый пулемет на втором этаже, и кажется, мы с вами стояли у окна, через которое он вел огонь по НП фрицев на водокачке.

Прорываться из элеватора мне с Вами не пришлось, т.к. за несколько дней до этого меня вызвали в штаб полка. Из штаба вшестером мы хотели вернуться в эlevator ночью, наткнулись на танки, в перестрелке меня ранило в руку, решили обойти их по берегу Волги, зашли в Ставропольский Яр, что между Волгой и элеватором. По выходу из Яра попали под сильный пулеметный огонь, меня тяжело ранило в спину, повредило два сустава позвоночника, очнулся в блиндаже, верней — подвале сгоревшего дома. Туда меня затянули жители, которые там сидели. Где ос-

тальные, не знаю, может, они все же дошли к Вам в эlevator?

На этом я пока кончаю. Прошу Вас подробнее писать о боях за эlevator и прорыве. Думаю, что постепенно (неразборчиво.... ...) более точней вспомним былые дни. Может быть, еще кто-нибудь есть в живых? Я буду ждать ваше письмо. Привет вашей семье. До свидания. Жму Вашу руку.

Мой адрес: г. Алма-Ата 13, ул.Космонавтов, дом 169, кв.25, Степанову Борису Аркадьевичу.

8.12.67. /подпись/

28.12.67.

Здравствуйте, Андрей Осипович!

Привет вашей семье и примите мои наилучшие поздравления в честь наступающего нового 1968 года. Желаю Вам счастья, здоровья, хорошего труда и много лет жизни. (Правда, письмо это придет к Вам в 1968 г. Вы меня извините, в силу ряда сложившихся обстоятельств я не смог написать Вам ответ на Ваше письмо в день его получения).

Большое спасибо за поздравления в честь 1968 г.

В Сталинграде мне пришлось побывать проездом в 1946 г. но я за 20 минут стоянки поезда ничего толком не смог увидеть. Теперь же, вероятно, ничего не узнаешь и не найдшь.

Писать в Сталинградский музей я не собираюсь. Мне кажется, там об этом клочке земли ничего нет, и никто не интересуется. Если бы было обратное, то давно бы нашли кого надо.

Вот читаю Ваше письмо, и перед глазами в тумане вспоминаются те дни. По «Раме» из ПТР стреляли через окно первого этажа (обращенного к Волге).

Мне вспомнились бои за водокачкой (это до отхода к эlevatorу), там ночью к нам траншею забрался взвод, одетый в нашу форму, и случайно связной

наткнулся на них (они залегли все в блиндаж) и услышал немецкую речь, прибежал, докладывает, а сам побелел и заикается.

Этот же взвод, после короткого ночного боя пленили. Оказалось, что часть в нем немцев, а часть наших пленных. Командир взвода был фельдфебель, награжден немецким крестом. Его взяли в плен только после броска гранаты, она ему разворотила

*Степанов Борис Аркадьевич,
командир роты 11-го сп 10-й Сбр
(1921-1976)*

ногу, и он потерял сознание. Когда его потащили в штаб, он очухался и давай вырываться, кусаться.

Да, пройти по городу и посмотреть места, где пришлось воевать — это хорошая мечта.

Мне кажется все же, я туда в 1968 г. попаду.

По работе на этот год запланирована туда командировка, если ничего не изменится, то я смогу попасть. Надежда большая, вероятность маленькая.

Андрей Осипович, я начал служить в армии с 1939 г. В 1941г. по окончании училища служил в Киеве в отдельном саперном батальоне, там начал воевать, там же получил первое ранение, затем пошло Харьков, Воронеж, Сталинград. Оттуда попал в «болота смерти» под Ленинградом, по болотам дошел до р. Нарва, оттуда госпиталь, и опять фронт 3-й Белорусский. Освобождение Бобруйска, Бреста (легендарной крепости на Буге), дошли до Вислы, затем были пе-

реброшены в направлении Вильнюс, и бои на территории Пруссии за города Ио...нен (неразборчиво) — Кенигсберг, и на этом опять конец. Госпиталь — победа. С 1947 по 1951г. служил в Германии в оккупационных войсках, в 1953г. демобилизовался, прижал(?) от нас справки (о назначении пенсии), не хватило для получения пенсии 2 месяца до 20 лет. Я на нее и не рассчитывал. Руки есть, голова есть. Сейчас работаю начальником прибороремонтного цеха на Прибороремонтном заводе. Начал свою гражданскую деятельность, как говорят, с азов. Поступил учеником, и вот дошел до начальника. Окончил техникум без отрыва от производства.

Вот такие дела. Прожито и пережито очень много. Во многих событиях начинаешь разбираться только сейчас, когда прочтешь книги с воспоминаниями. Все-таки, тяжелое было время, и мы победили.

Пока до свидания, еще раз большой привет семье.

Жду ответа. Может быть, судьба нас сведет когда-нибудь в одно место, и мы сможем увидеть друг друга? А чем черт не шутит?

С Новым наступающим 1968 г. С новым счастьем. Жму руку. /подпись/ 28.12.67.

19.01.68.

Уважаемый Андрей Осипович!

Письмо Ваше получил. Прочел и спешу ответить.

Да, незавидная доля под старость лет. Славу поем погибшим героям, им, отдавшим жизнь, сейчас все внимание и забота. Вот поэтому-то я и писал в предыдущем письме, что не хочу и не буду писать в музей Сталинградской обороны. Не хочется тревожить старые раны и тревожить свою душу.

Вот Вы пишете, что в путеводителе исторических мест Волгограда есть и «Элеватор» и фамилия. Ну, я

Немецкие зенитные 88 мм орудия на Дар-горе. Именно отсюда 18 сентября в 15.00 по берлинскому времени эти зенитки беспрепятственно обстреливали видимый вдали элеватор

долго вспоминал эти фамилии и не могу припомнить. Кажется знакомым фамилия Назаров, Михайлов, но не могу утверждать, т.к. это может быть обман, т.к. эти фамилии встречаются часто. В самом Элеваторе с первого дня как мы его заняли и до Вашего прихода, а моего ухода, этих фамилий не было, там всего было два офицера. ком. взвод фамилия его была украинская, начиналось на «По». Мы с ним были еще под Воронежом (орфография письма), но память мне стала изменять, и я не могу точно вспомнить его фамилию.

Что касается фамилий, указанных в путеводителе, то по всей вероятности, часть из них были из войск МВД. Я помню, мы совместно с батальоном МВД предпринимали контратаку на вокзал, верней между Элеватором и институтом в направлении ж.дороги. Продвинулись мы почти до ж.д. насыпи,

и там наткнулись на крупнокалиберный пулемет и несколько МГА. Они нас прижали к земле, я очутился за каким-то бугорком, сзади была воронка от тонной бомбы. За ней каркасный домик полуразрушен, и дальше институт, полуразрушенное здание. Фрицы усилили огонь по лежащим на чистом поле, мы начали отползать в воронки. И когда я попал в воронку от тонной бомбы, загорелся каркасный домик, от этого костра невозможно было сидеть даже на дне воронки. К этому времени туда, в воронку, сползли еще двое с ПТР, и мы перебежали, ушли в здание института, а оттуда открыли огонь из ПТР по пулемету. Когда попали из ПТР в немца-пулеметчика, а он обнаглел, приподнялся и кричал «Волка, Волка!», там он подпрыгнул на полметра и рухнул наземь.

Я помню очень хорошо фамилию Фарбер — это в Воронеже был у меня политруком, когда пришли в Сталинград и заняли оборону, то он ушел в тыл проверять старшину, и через недели две я его увидел, он уже был в командирской роте политруком и предлагал мне пойти в эту роту командовать взводом комendantским при военном трибунале. Конечно, я отверг все его предложения. И мне сейчас кажется, что этот герой жив (подчеркнуто) (конечно, если случайно за спиной не погиб).

У Вас есть много писанины о Сталинграде, может, там фигурирует эта фамилия.

Ну, пока все о прошедшей войне. Работа пока идет, очень много забирает времени и нервов, но это все терпимо, ибо каждый день видишь плоды своего труда.

Дома пока все в порядке, дети учатся хорошо, мы с супругой работаем.

До свидания, большой привет семье.

С приветом, жму руку. /Подпись/. 19.01.68.

10.03.70.

Здравствуй, дорогой Андрей Осипович!

Получил твое письмо и открытки для женщин, большое пребольшое спасибо за поздравления.

Да, Героем ты удивил, и откуда он взялся, от каких войск? Может быть, это герой из войск МВД, которые там действовали вокруг элеватора??

В элеваторе их не было. В элеватор первый с ротой попал я, а затем подошел ты с морячками.

Да в отношении наград тогда никто не думал, было не до этого; ну а когда вышли из боев, то награды получили те, кто стоял (в строю после боев). Остальным — вечная слава вам, русские богатыри, ваш героический подвиг во славу Родины останется на века в памяти народа — ... Никто не забыт, ничто не забыто... Вот так.

Андрей Осипович, ты пишешь, что... — ради правды истории написать — а стоит ли? Ведь, правда истории написана — мы победили фашизм — а эти частные случаи, кто, где был и что сделал? в данный момент не представляют никакой исторической ценности. Ты, может, скажешь, что на боевых традициях нужно воспитывать подрастающее поколение. Но мы это и делаем на идеализации преданности, мужества, отваги наших погибших друзей, товарищей. Мы воспеваем им славу и на их героизме (а отдать жизнь — это высший героизм) воспитываем подрастающее поколение.

Что касается частных случаев, кто где был и что делал и делает сейчас? Это ненужный вопрос.

Каждый живой свидетель, начиная рассказ, всегда приукрашивает его, допускает неточность. Это ведет к возмущению других участников событий. Даже В.И. Чуйков и тот не может сказать, кто был в элеваторе (правда, ты своим письмом немного помог ему).

Короче говоря, сейчас нет необходимости показывать и сводить вместе участников бов. Это и дорого, и не выгодно. По этой причине стремления Белоусова из Волгограда, да и других не нашли поддержки и остались мечтой. Да это и к лучшему.

Он может придумать любого героя и наделить его необходимыми качествами русского человека-воина.

Да, ну вот по этому вопросу все.

Я сейчас пишу это письмо из госпиталя инвалидов Отечественной войны, который находится за городом.

Попасть в этот госпиталь очень тяжело. Я попал по блату, и пришлось ходить почти полтора месяца. Ни звания, ни ордена, ни справки о ранениях, а у меня их семь, ничего не помогло. Вот дай инвалидную книжку, тогда пожалуйста. Правда, я сглупил при демобилизации, мне нужно было сразу оформить инвалидность (перебит позвоночник, выбита лучевая кость левой руки, перебиты кости и сухожилия правой руки и т.д.)

Но я посчитал ненужным, и рано лезть в инвалиды. И вот теперь расхлебывайся. Тебя считают со всеми наравне, и никаких привилегий, а ты говоришь — ради правды истории. Да она ему (глав. врачу госпиталя) во веки не нужна, и он ей не интересуется, его больше интересуют «деловые связи» — бизнес, а остальное трын-трава.

Короче — я лежу и лечусь от гипертонии. Поступил в госпиталь с давлением 190 на 110. После анализов — а они шли почти неделю — меня положили под луч лазера. Всего 15 секунд на одну точку, а их у меня определили семь по две на руках (между большим и указательным пальцем, и на запястье), над обеими бровями и затылок.

И представь себе, давление упало до 140 на 90, и вот держится почти сутки (я еще и курю). Таких се-

ансов у меня должно быть 20-25, затем перерыв на два месяца, и повторно 20-25 сеансов.

Говорят, излечивают полностью, по статистике с 1963 г. вылеченные люди еще не болели, т.е. давление у них в норме. Вот через 25 лет я попал в госпиталь, даже ... (не разборчиво)

Пока до свидания. Привет супруге и ребятам. Жду твоих писем.

С приветом (подпись).
10.03.70.

Больше писем Степанова Б.А. Ольга Владимировна Сеним не приводит.

Остается неясным вопрос Б.А. Степанова А.О. Хо-зяинову о «Герое»? Неужели кто задним числом получил за элеватор звание Героя Советского Союза? Обращает на себя внимание и фраза лейтенанта Степанова о бойцах НКВД: «В элеваторе их не было. В элеватор первый с ротой попал я, а затем подошел ты с морячками».

Письмо Смирнова Василия Васильевича

(1-й батальон, командир отделения, сержант, 92-я отдельная стрелковая бригада морской пехоты)
20.01.70.

Здравствуйте, уважаемый Андрей Осипович!

Пишет вам Смирнов Василий Васильевич, участник боев в Сталинграде в нашей беспутной 92-й. Я прибыл с Северного флота (неразборчиво) сначала в Ваенге за Мурманском, потом за Москвой г. Ступино (в лесу). Сейчас мне очень трудно вспоминать почему? Опишу позднее, ниже. Я был в 1 батальоне командиром отд. автоматчиков, когда высадили, наше направление было ближе к мосту, около трамвайного моста через границу (речку), здесь нас встретили

очень жарко. На второй день я был ранен, но еще давал жизни за наших погибших товарищей, да и бегать не мог быстро, ранен был в ногу. На следующие дни нас осталось из роты 15 чел., а немцы (неразборчиво) не помню, на 5 или 6 день нас окружили. Патронов оставалось очень мало, в одном месте еще можно было вырваться, меня ранило во второй раз. Но стрелять мог, я приказал остальным прорываться и ударить с фланга, и это у нас вышло удачно. Я из развалин ударил по немцам из автомата и бросил две гранаты. Больше ничего не осталось. Думал, все. Но в это время наши отбросили их, и меня ребята перетянули ближе к оврагу. Они снова пошли на нас в атаку. Живых осталось пять человек. Тут же был Хорьков(?), знаешь кто (шпана). Я уже не мог отходить, попросил патронов, мне бросили 3 диска к ППШ и 4 ф-1, и они ушли. Я все думал, что в плен в случае чего взорву себя. Сначала стрелял, потом бросил 3 гранаты, а больше не помню. Пришел в сознание в госпитале в Саратове, потом лежал за Ташкентом, гор. Коканд, после выписки из госпиталя попал на Черное море в 225 краснознамнную морскую бригаду, правда, голова и нога еще сильно болели, был контужен. А в феврале 1943 года был снова в госпитале, ранило и сильно контузило в Новороссийске (Малая земля).

Три месяца не слышал, два не говорил, раздроблено бедро (неразборчиво) был на вытяжении, вырван задний проход, вырвано яичко. По госпиталям объехал всю Грузию.

Сейчас инвалид 2-й группы пожизненно. Нигде не работаю. Врачи запретили физически и умственно, потому что была контузия головного мозга и нервов.

Вот так и живу. Приехал, женился, взял с ребенком, так как по моему ранению детей не будет. Сей-

*Краснофлотцы 92-й бригады 26 августа 1942 г.
в подмосковном Ступино.
Фото из музея 92-й ОСБр 4-й гимназии г. Волгограда*

час уже и сын женат, имею внука, но живут не дома. Мы только 2-е с женой, она еще работает.

Кажется, все о себе сообщил. Отпиши, как живешь. Какая семья? Как здоровье? Все-все мне интересно знать. Привет всей твоей семье от меня и моей жены Зои.

Извините, что плохо и нескладно написал, но с моей головой это считаю, что хорошо.

Пока и до свидания. Жду ответа. Адрес твой узнал у Зотова А-дра Георгиевича.

О военфельдшере 101-го гв. сп 35-й гв. сд Хмельницкой (Проворовой) Любви Петровне

Эту необыкновенную историю я узнал о время поездки в Орел от Леонида Андреевича Хозяинова - сына защитника элеватора.

«По воспоминаниям отца, днем 19 сентября, - начал рассказ Леонид Андреевич, - держащей оборону неподалеку от элеватора 35-й гвардейской дивизии был дан приказ передать свои позиции нашему второму батальону. Где-то ближе к обеду гвардейцы начали собирать своих раненых и эвакуировать на берег Волги для переправы на левый берег. Часть этих раненых находилась в нижнем этаже элеватора. Многие из покалеченных были уже мертвы. Санитары и их подручные еще раз посмотрели на усопших, повернулись и ушли. Я зашел в помещение, пригляделся и обратил внимание на эту медичку - мне показалось, что она жива. Я взял ее на руки и вынес на солнце. Точно, жива.

Я выругался и приказал своим братишкам отнести ее на носилках на берег. Что они и сделали. Потом вернулись назад... Через тридцать с лишним лет я встретил эту женщину, и мы оба заплакали...»

Из представленных данных получается, что правый фланг 35-й гв. СД с 16 по 19 сентября проходил к востоку от элеватора, в здание же зернохранилища сносили раненых дивизии. Об этом стало известно в 1977 г. от бывшего военфельдшера 35-й гв. дивизии Хмельницкой Любови Петровны.

В апреле 1977 года Любовь Петровна побывала в Волгограде на встрече однополчан, посетила школу, расположенную рядом с элеватором, в которой был открыт музей 92-й морской бригады. Здесь, в школьном музее Хмельницкая (Проворова) узнала, что ее, тяжело раненую, 19 сентября 1942 года спас мл. лейтенант 92-й морской бригады Хозяинов Андрей Осипович. Об этом говорят ее письма А.О. Хозяинову.

Письмо первое:

Дорогой тов. Андрей Хозяинов!

Я Хмельницкая Любовь Петровна (по мужу Проворова) служила в 35-й гв. СД в 101-м полку командиром санитарного взвода. В конце сентября 1942 г. в Сталинграде в боях районе элеватора была тяжело ранена и пришла в сознание спустя 40 дней в госпитале в г. Энгельсе. На протяжении 30 лет пыталась узнать подробности и найти человека, который спас меня, вынеся из пекла.

При встрече ветеранов 35-й гв. СД, которая произошла в конце апреля этого года, из рассказов оче-

*Военфельдшер 101 гв. сп 35 гв. СД
Хмельницкая Л.П., 1942 г.*

видцев дело происходило так. В районе элеватора были вынесены последние раненые. Кто-то из моряков спросил, кто еще остался? Последовал ответ: осталась девушка-фельдшер, она уже три дня без сознания.

Поднялся большого роста моряк и, отпустив несколько крепких эпитетов в адрес наших десантников, которые оставили меня, зашел в дом и вынес меня на руках. Это в гостинице рассказал ветеран дивизии Павленко Александр, с которым я выступала в школе в районе элеватора.

Дети повели нас в свою комнату-музей Вашей славной 92-й морской бригады. Там я оставила свое фото тех лет. Авьось отыщется мой спаситель.

И вот, наконец, я узнала, что этим большого роста моряком были Вы...

Письмо второе:

Здравствуй, дорогой мой Андрюша, уважаемая Раиса Яковлевна!

Получила сегодня ваше письмо, большое спасибо.

Живу еще впечатлениями от встречи, которая меня потрясла до глубины души. Без слез не могу вспомнить все события 42 года. Очень рада, что уже знаю до конца.

Спасибо Вам, мой родной Андрей, за спасение жизни. Если я живу, дышу, радуюсь всему прекрасному живому, то все это благодаря Вам! Страшно подумать, что меня могли не найти эти славные прекрасные люди – североморцы! Ведь я лежала, по Вашим рассказам, там куда мы (имеются в виду десантники 35-й гв. СД – В.Ш.) выносили мертвых.

Вы мой самый большой друг, товарищ, брат. Спасибо Вам за то, что Вы есть на свете!..

До свидания, пишите. Я всегда рада вашим письмам. Думаю, что еще встретимся.

Обнимаю, целую, Ваша сестра Люба.

*Краснофлотцы 92-й бригады 17 сентября 1942 г. под Сталинградом
перед переправой на правый берег Волги.
Фото из музея 92-й ОСБр 4-й гимназии г. Волгограда*

Рассказ племянницы Хозяинова Андрея Осиповича Сеним Ольги Владимировны

Добрый день. Хочу рассказать о своем дяде Хозяинове Андрее Осиповиче.

Командир пулеметного взвода 92-й морской стрелковой бригады. Он был непосредственным участником и свидетелем боев за Сталинград в сентябре 1942 года. В их задачу входила защита элеватора.

Немецкие войска вышли в этот район 14 сентября. 92-я отдельная стрелковая подошла на место 18 сентября, прорвались к своим с боями. Что происходило там, двумя словами не рассказать. Цитата из дневника рядового пехотной дивизии Вильгельма Гофмана: «Если все дома Сталинграда будут так обороняться, то никто из нас не вернется в Германию».

Обстрел проходил бесконечно, по наводке с неба, насквозь. Связи нет, воды нет. Единственный источник — под прицелом снайперов.

Когда боеприпасы оказались на исходе, было принято решение прорываться.

Снова цитата Гофмана: «22 сентября. Сопротивление в элеваторе сломлено. Мы нашли трупы сорока убитых русских. Половина из них в военно-морской форме — морские дьяволы. В плен взяли одного тяжелораненого, который не может говорить, или притворяется».

Речь — о моем дяде. Дальше — лагерь для военнопленных, освобождение в феврале 43-го, госпиталь, лишение наград и звания. В январе 44-го младший лейтенант и командир пулеметного взвода на 1-м Украинском фронте. Ранения, бои. Пятое, тяжелое — получено при штурме Данцига в апреле 45-го, и списание со службы.

Дядя Андрей родился 15 августа 1916 года, умер 20 мая 1996 г. В жизни своей был простым, скромным человеком. День Победы отмечал в семье, тихо, без красивых слов и речей.

Бывший военфельдшер 101 гв. сп 35 гв. СД Хмельницкая (Проворова) Любовь Петровна и командир пулеметного взвода 2-го батальона 92-й ОСБр Хозяинов Андрей Осипович в день открытия памятника морякам-североморцам у стен Сталинградского элеватора. 1977 год

Свидетелей сентябрьских дней 42-го осталось тогда совсем немного. И много было тех, кто приписал себе незаслуженную славу. Благодаря дяде мы имеем правдивую картину подвига тех ребят. Я пока не знаю точно, как это случилось, но говорить о них стали только в 60-х, когда создавался мемориал в Волгограде. Потом были воспоминания-книги с цитированием его слов,

документальный фильм. Памятник «Защитникам элеватора» делали по нему...

Исходя из процитированных писем, получается: если бы не публикация письма Андрея Хозяинова в книге генерала В.И. Чуйкова (честь ему за это и хвала!) героические действия 92-й морской бригады и соседних с ней соединений, которые сражались в середине сентября 1942 года в районе элеватора, остались бы неизвестными истории. Но публикация Чуйкова изменила ход послевоенных событий — началась деятельность оставшихся в живых моряков и пехотинцев по увековечению памяти погибших. В итоге в 1977 году на Рабоче-Крестьянской улице города около бывшего Сталинградского зернохранилища, которое действует и поныне, был открыт «Памятник морякам-североморцам — защитникам элеватора».

Однако деятельность инициативной группы 92-й морской бригады по увековечиванию памяти погибших и выживших защитников элеватора, освященная в советской печати, с конца 60-х годов получила неожиданное продолжение: огромная масса бывших бойцов и командиров других соединений 62 армии стала претендовать на участие в защите зернохранилища. В музей Сталинградской битвы и лично Хозяинову А.О. пошла масса писем.

Более того, некоторые ветераны 35-й гвардейской дивизии во главе с ее бывшим командиром полковником В.П. Дубянским стали предпринимать попытки задвинуть в тень славное имя 92-й морской бригады. Появились «научные труды», в которых утверждалось, что элеватор был взят штурмом бойцами 35-й гвардейской стрелковой дивизии, которая, якобы, в течение нескольких дней и защищала это бетонное сооружение, а 92-я морская бригада принимала в этих боях лишь опосредованное участие.

**НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ
О ДРУГИХ ЗАЩИТНИКАХ
СТАЛИНГРАДСКОГО ЭЛЕВАТОРА**

Для освещения этого вопроса приведем некоторые данные о 35-й гвардейской и 131-й дивизиях, а также о 10-й стрелковой, 20-й истребительной и 133-й танковой бригадах, ведущих бои в районе элеватора в период с 15 по 20 сентября 1942 года.

35 гвардейская дивизия в сентябре 1942 г.

(ф. 8 гв. А, оп. 5487, д.10)

С 8 сентября дивизией после гибели комдива генерала Глазкова стал командовать начальник штаба полковник Дубянский.

Дубянский Василий Павлович 1892 г.р. 11 января Смоленская обл. (Орден Красного Знамени 1.12.42 и медаль «За оборону Сталинграда» 12.12.42 г.) не написал никаких книг. Поэтому о действиях вверенной ему 35-й гвардейской дивизии в середине сентября 1942 г. мы можем судить только из дошедших до наших дней боевых донесений, оперсводок, а также воспоминаний командира 101-го гв. сп Герасимова Александра Акимовича и письмах писаря 100-го гв. полка Павленко Александра Андреевича участнику защиты элеватора Хозяинову Андрею Осиповичу.

Согласно оперсводке 24 к 16.00 7.9.42 г. штадива 35 гвардейской, посланной с выс. 144,9 1,5 км ю.-в. Верх. Ельшанки в штаб 62 армии (ф. 8 гв. А, оп. 5487, д. 10, лл.21-22) 35-я гв. СД с приданной 20 истр. бр. и 651 ИПТАП во взаимодействии с 502 ИПТАП занимали участок обороны к юго-востоку от участка железной дороги Воропоново-Максимовский разъезд (см. цв. схему 8).

101 гв. сп в составе 750 чел. /винтовок 1115, ппш — 520, РП-46, ст. пул. — 16, ПТР — 30, пуш. 45 мм -6, и 651 ИПТАП в составе 12-ти 76 мм пушек/ занимал оборону юго-зап. окраина Верх. Ель-

шанка, МТФ, развилка дорог 1,5 км ю.-з. Верх. Ельшанка, фронтом на Воропоново.

100 гсп в составе 368 чел. /винтовок — 212, ппш-119, РП -2, ПТР — 3, пушки 45 мм — 3/ занимал участок обороны: юго-западнее Верх. Ельшанка 1,5 км, пруд, (иск.) отм. 143,5 фронтом на Воропоново.

102 гсп в составе 324 чел. /винтовок — 213, ппш — 61, РП-9, станк. пул. -1, ПТР — 10, миномет 50 мм — 8/ занимает участок обороны: ю.-в. окр. Песковка фронтом на Алексеевка-Воропоново.

Резерв командира дивизии: разведрота — 45 чел., /ппш — 43, РПД — 2/; батарея отд. саперного батальона — 61 чел. /винт.-37, ппш — 23/; отд. связи — 78 чел. /винт. 63, ппш — 12/; коменд. взвод /винт. 15, ппш — 3, РП — 1/ — занимал оборону в районе выс. 144,9 по сев.-зап., западным и юго-западным скатам.

Отдельная рота химзащиты, авторота, медсанбат, ПХП и др. тыловые органы дивизии (до 850 чел.) в этот момент были отрезаны противником. Из разведисточников было известно, что эти подразделения вышли в район: Усть-Погостье. Для переброски их в это расположение дивизии был необходим автотранспорт.

Соседом справа была 38 МСБр, слева — 131 СД. Связь с соседями поддерживалась телефоном и делегатами связи.

Описание тяжелого боя 8 сентября, в котором погиб командир дивизии генерал Глазков, приведено в оперсводке № 26 к 16.00 9 сентября 1942 г. (см. схемы 9,10) уже с берега Волги из балки 700 м северо-восточнее лесопильного завода в пригороде Минина.

Исполняя боевое распоряжение штаба 62 от 8.9.42 г. остатки 35 гв. СД и 20 истребительной бригады, объединенные под командованием гв. полковника Дубянского к 5.00 9.9.42 заняли рубеж обороны: по зап. окраине Купоросное, Ельшанка, приг. Минина узла-

*Бой 20-й истребительной бригады на подступах к городу.
Сентябрь 1942 г.*

ми сопротивления побатальонно. Связь с соседом справа — 10 СД была установлена делегатами связи...

С 10 сентября 35-я гв. дивизия с приданной ей 20-й истребительной бригадой, 131 СД и 270 полк НКВД были атакованы немецкими танками при поддержке пехоты с направления ст. Воропоново.

Еще накануне 9 сентября к 22.00 противник сосредоточил в лесу 1 км западнее Бекетовка 50 танков, и до 35 танков лес западнее приг. Минина.

В течение дня 10.9 35-я гв. СД с приданной 20 истребительной бригадой отдельными узлами сопротивления удержала занимаемый район.

131-я СД и полк НКВД под действием отдельных групп автоматчиков и миногня противника были несколько потеснены.

В результате мощного напора противника 35-я гв. дивизия понесла большие потери. В донесении о

численном и боевом составе 35 гв. СД на 12.9.42 г., подписанном Трусовым, Некрасовым и Подсоцким сказано:

«Всего начсостава 112 чел., мл. начсостава — 92 чел., рядового состава 280 чел. Всего 484 человека».

Согласно оперсводке № 29 к 4.00 12.9.42 г. штадива 35 гвардейской (см. схему 12): «35 гв. СД с придаваемыми остатками 271, 272 сп, 20 МСБр, 52 ОПАП при взаимодействии с 133 ТБр, 85 ГАП, 362 дивизион (ГМП-80) прочно обороняет занятый рубеж. Изменений в схеме расположения частей нет...»

Согласно оперсводке № 30 к 3.00 13.9.42 г. остатки 35 гв. СД с приданной 20 истребит. бригадой, 52 ОПАБ — во взаимодействии с 133 ТБр, 362-м гв. мин. дивизионом ГАП прочно удерживает участок обороны. В составе дивизии боеспособными остаются только два полка: 100-й (силою 122 чел.) и 101 гв. сп (силою 215 чел.)

Резерв комдива: разведрота, комендантский взвод, рота связи, саперная рота.

131 СД к 3.00 13 сентября участок обороны пригород Минина, Ельшанка не заняла.

Оперсводка № 31 к 15.00 13.9.42 г. сообщает: «Район КП дивизии, не имея соприкосновения с пехотой противника, в течение дня подвергался воздействию авиации и артминогна. Во время бомбардировки КП погибли: зам. нач. ПО дивизии гв. ст. политрук Егоров, секр. парт. комиссии гв. ст. политрук Шестаков, ст. инструктор информации гв. политрук Моисеев, секретарь политотдела гв. мл. политрук Петров, писарь-машинист гв. красноармеец Максимов.

4. Прибыли остатки 131 СД в составе 368 чел. (винтовок — 220, ппш — 132, 5 орудий, 1 миномет 82 мм).

К 15.00 <131 СД> произвела рекогносцировку ме-

стности. Выдвижение подразделений на участок обороны задерживается вследствие сильной воздушной бомбардировки и артминогня.

К 12.00 из тыла прибыли бывшие ранее отрезанными от дивизии: рота пультата, рота учбата. Рекогносцировка местности участка обороны произведена, но вследствие сильной воздушной бомбардировки подразделения на передовые позиции не выдвинулись.

Связь с соседями: справа с 10 СБр — локтевая, слева с 126 СД — локтевая...» Сводку подписали: Трусов, Некрасов, Подсоцкий.

Оперсводка № 32 к 3.00 14.9.42 говорит, что 131-я СД заняла оборону: зап. окр. пригорода Минина, южная окраина Ельшанки, 101-й полк 35 гв. СД — к югу от пристани КУПОРОСНОЕ. Между 131-й СД и 35-й гвардейской расположилась жиденькая цепочка бойцов энкаведэшников из 271-го полка, которые потом в ночь на 15-е сентября исчезли с позиций.

Оперсводка № 33 к 3.00 15.9.42 (см. схему 14), посланная из балки вблизи лесопил. з-да пригорода Минина, гласит: «Остатки 35-й гв. СД и 131 СД в составе 356 активных штыков, 5 — 45-мм пушек при даваемыми 52 ОТАП, 20-й истребительной бригадой во взаимодействии с 2/133 ТБр, 271, 272 сп войск НКВД, при поддержке 3/85 ГАП, 362 гв. миндивизионом прочно удерживает оборону участка согласно прилагаемой схемы.

В расположение 52 ОПАТ, 100 гв. СП просочилась группа автоматчиков, к уничтожению которых приняты меры...»

Однако к полдню 15 сентября положение дивизии

*20-я истребительная бригада ведет бой в развалинах города.
Сентябрь 1942 г.*

обостряется и к командарму 62 летит **донесение** (ф. 8 гв. А, оп. 5487, д. 10, лл. 39,40):

«Доношу, что положение на занимаемом мной участке угрожающее. Группы людей разрознены на участке и не имеют огневого взаимодействия и глубины.

От приданных частей остались десятки.

Сдерживаю противника исключительно остатками командного состава. Нет боеприпасов и не получили продовольствия.

Потери велики и переходят за 50%.

Прошу оказать реальную помощь живой силой, артиллерией.

Танки помощь оказать не могут, так как не имеют моторесурса. Действия с места неэффективны.

И.д. к-ра 35 гсд полк. Дубянский. /Подпись./

ВНК полк. ком. Лисичкин. /Подпись./»

Далее в деле 35 гв. СД сразу два **крика о помощи генералу Чуйкову на 18.00 15.9.42 г.:** из 131-й СД и из 35-й гвардейской:

«15.9.42. 18.00 Военному Совету 62 армии

Прот. вклинился направление: элеватор, больница, кож. завод. Оборона представляет из себя решето, противник свободно просачивается.

Берег от водокачки простреливается пр-м от элеватора также.

Обороняются отдельные мелкие группки разрозненные. Сплошной линии и заграждений по узлам обороны нет.

Потери до 70%. Всего осталось не более 100 человек.

КП дивизии неоднократно бомбилось, находится под артогнем пр-ка. Боеприпасы на исходе.

Необходимо срочно прислать пополнение или свежие части, организовать эвакуацию раненых, обеспечить переправу боеприпасов, обеспечить артогнем!

О штабе дивизии. Его необходимо вывести, так как это работа в качестве рядовых стрелков, только трата людей. Дивизия небоеспособна. Жду срочно указаний.

К-р 131 сд полк. Песочин. /Подпись/. Военком див. ст. бат. комиссар Нестеров. /Подпись/».

«Кому Командарму 62 Время отпавл. 18.00

Откуда: Лесопил. з-д № 2 от 15.9.42

Части дивизии и приданные ей имеют потери ранеными и убитыми до 70 %. Остались единицы на рубеже обороны, которые под воздействием с воздуха, минометного огня и автоматчиков отходят. Остановить не представляется возможности за неимением сил. Боеприпасов и продовольствия не доставлено и люди уже двое суток не имеют питания.

Считаю удержать занимаемый участок личным составом 120-150 человек невозможным и прошу оказать реальную помощь для выполнения задачи.

Люди дивизии, оставшиеся налицо, ведут бои с 7.9 беспрерывно.

Немецкий танк 24-й тд на юго-западных подступах к Сталинграду. Вдали справа силуэт элеватора. 15 сентября 1942 г.

Связь телефонная нарушена, кабель выгорел, часть аппаратов повреждена. Радиостанция не работает — нет источника питания. Командный и политический состав в частях выбыл на 90%.

Раненых эвакуировать не на чем. Из наличного состава можно сформировать роту после отвода, отдыха и кормежки. Остатки штаба дивизии сохранить, вывести из боя.

И.о. к-ра полк. Дубянский. /Подпись./ ВНК полк. комисс. Лисичкин. /Подпись/».

Правда, спустя время полк. Дубянский пишет уже менее истеричное донесение:

Боевое донесение № 13 штадив 35 гвардейской. Бал-

ка 700 м ю.в. лесоп. з-да приг. Минина. 15.9.42 г. (без указания времени) (л.46)

Противник до двух бат-в пехоты при поддержке интенсивного арт. миногня ведет наступление с Ельшанки, Южнее Купоросное., потеснив части 35 гсд и 131 сд к больнице, восточн. окр. Ельшанки, северн. окр. Купоросное. Группы автоматчиков просочились на южную часть лесозавода им. Куйбышева.

Остатки 35 гв. СД — силою 303 чел. при 200 активных штыках (винтовок 208, ППШ-80, РПД-13, ст. пулеметов -5, 5 пушек 45 мм, 8 ПТР, 2 — зенбатарей) со 131 СД в составе 108 чел. при активных штыках 50 чел. и 4 орудия с расчетом, с приданными 52 ОПАБ, 20 истребительной бригадой во взаимодействии с группой 4 танка 133 ТБр, 271 сп войск НКВД ведут упорные бои с противником, пытающимся проникнуть к Сталинграду.

Решил: 1. Уничтожить группы прорвавшихся автоматчиков и оборонять участок: больница, вост. окр. Ельшанки, северн. окр. Купоросное, обращая внимание на правый берег р. Волга и дорогу из Бекетовки.

Прошу: 1. оказать помощь живой силой, артиллерией, боеприпасами всех видов;

2. включить в участок обороны 10 МСБр дорогу Песчанка-Сталинград.

3. сменить КП, так как находится под постоянным и сильным воздействием арт.мин.огня и авиации. Дубянский, Лисичкин, Трусов.

В ответ на крики о помощи начштарма 62 Крылов послал:

Боевое распоряжение № 149 ШТАРМ 62

16.9.42 «16.30»:

Командарм 62 ПРИКАЗАЛ:

1. Подчинить командиру 35 гв. сд: 131 сд, 10 сбр и находящиеся в полосе его действий части /б-н 270 сп НКВД/.

*15 сентября 1942 года немцы у ж.д. вокзала Сталинград-II.
Вдали еще никем не занятый элеватор*

*2. Задача: оборонять полосу: справа ж.д. /ст. Са-
довая, Сталинград 2-й/, слева: р. Волга.*

*3. Прибывающее пополнение использовать по соб-
ственному усмотрению.*

В это время по пути в штаб 62 находилось еще
одно донесение, отображающее подход противника к
элеватору:

Боевое донесение № 15 штадив 35 гвардейской, сев.-
восточн. водокачки 500 м. **16.00 16.9.42 г.** (ф. 345,
оп. 5487, д. 10, л. 47)

*1. Противник ведет наступление на всем участке
фронта дивизии.*

*2. У элеватора обороняют: 10 мстрбр и 131 сд ве-
дут упорный бой.*

Элеватор приспособлен к обороне.

Группа 35 гв. сд в количестве 75 активных штыков и группа 271 сп войск НКВД едва удерживают оборону на линии консервный завод.

Прикрыть промежуток между элеватором и ж.д., а также правый фланг — нечем.

В 15.30 16.9.42 был налет батареи 6-тиствольных минометов прот на КП 35 гв. сд, в результате чего выведены из строя последние командиры штаба дивизии. Нач. штаба гв. майор Трусов, нач. разведки гв. капитан Подсоцкий получили тяжелые ранения; начарт гв. майор Забельман — легкое ранение в голову. Я получил легкое воздушное контузии (так в подлиннике. — В.Ш.)

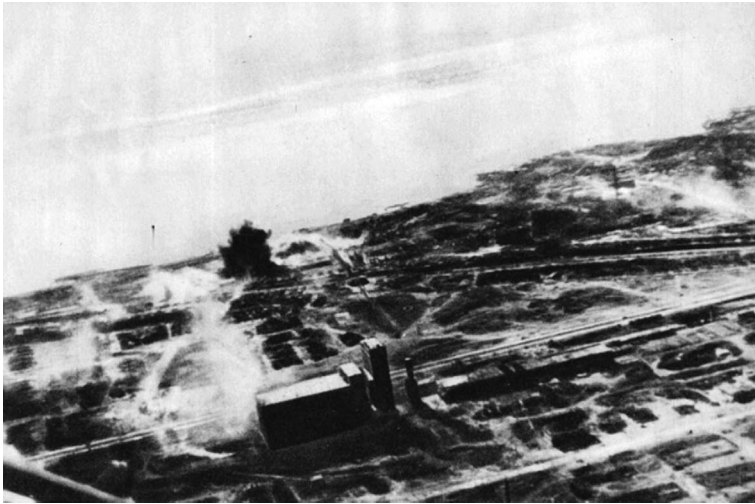
Пополнение не прибыло за исключением 70 человек, которые прибыли в 6.30 16.9.42.

3. Продолжаю удерживать наступление противника.

Данное донесение показывает, что 16 сентября в 16.00 элеватор и его окрестности были заняты 10-й СБр и 131-й СД, а 35-я гв. СД в это время защищала консервный завод.

Следующее **Боевое донесение № 16** 35-й гвардейской **от 17.9.42 г. на 14.20** говорит, что противник на участке дивизии, перейдя в решительное наступление, стремится овладеть элеватором, выйти и захватить переправы через Волгу, а дивизия не в состоянии удерживать занятую для обороны полосу, так как, несмотря на частичное пополнение, в течение 23 дней находится в непрерывных боях и требует немедленного усиления авиацией, артиллерией и танками.

18 сентября к 10.00 КП дивизии Дубянского переместился под мост ж.д. в одном километре восточнее консервного завода. В этой оперсводке № 31 Дубянский уже отчитывается за отражение атак противни-

Съемка элеватора с немецкого бомбардировщика. Справа труба в дыму консервного завода, на заднем фоне - водокачка на берегу Волги, где 19 сентября уже находился НП противника

ка на боевые порядки объединенной группы соединений и частей 35 гв. СД, 131 СД, 10 СБр: «10 СБр (активных винтовок 150) обороняла рубеж: элеватор и консервный завод в течение дня, начиная с 6.00 отразила 5 атак. Наши потери убитыми 8 человек, ранено 22 человека. Трофеи: 2 ручных пулемета, 1000 штук патронов, пленных 3 человека. Уничтожено офицеров и солдат 60 человек.

131 СД (65 активных винтовок) обороняла рубеж: консервный завод, элеватор, в течение дня отразила 3 атаки, имея 20 убитыми, пропавшими без вести и ранеными — 100 человек. Трофеи: 2 ручных пулемета, 1 автомат, уничтожено <...> офицеров и солдат 276 пп.

35 гв. СД (активных винтовок 200) обороняла рубеж: «консервный завод», правый берег р. Волга. В течение дня подверглась неоднократному артиллерийскому огню и бомбежке с воздуха.

Отразила 5 атак, имея потери: убитыми 35 чело-

век, пропавшими без вести 42 человека, раненых 48 человек. Трофеи: 3 ручных пулемета, 5 автоматов, 23 винтовки, патр. 3000, взято в плен 2 человека. Уничтожено офицеров и солдат около 200. <...>

133 ТБр в количестве 6 танков на участке «элеватор», консервный завод **17 сентября потеряла все 6 танков**. Судьба экипажей неизвестна. <...>

6. Остатки 271 сп ВНКВД в количестве 30 человек являются резервом ком. 35 гсд...»

Делается вывод, что противник на участке дивизии перешел в решительное наступление, стремится овладеть элеватором, выйти и захватить переправы на Волге. Объединенная группа соединений и частей 35 гв. СД, в дальнейшем не сможет удержать полосу обороны без немедленного усиления авиацией, артиллерией и танками.

В 7 часов утра 21 сентября Дубянский пишет историческое перед отправкой на левый берег **Боевое донесение № 36 из штолен на сев. берегу р. Царицы:** «Доношу, что боевое распоряжение № 005 ВПУ штарма 62 от 20.9.42 в срок не выполнено по следующим причинам:

1. Остатки 131 сд, занимавшие оборону в районе элеватора, к указанному сроку 6.00 21.9.42 г. в мое распоряжение не прибыли, а по имеющимся данным переправились на вост. берег р. Волга под командованием зам к-ра 131 сд подполк. т. Русина. (На самом деле части дивизии подп. Русинова совместно со 2-м батальоном 92-й морской бригады до вечера 22 сентября продолжали держать оборону. — В.Ш.)

2. Остатки 10 СБр — по докладу к-ра бригады майора т. Лотоцкого — частью находятся в боевых порядках 92 сбр, а частью разошлись по тылам. Матчасть также не сдали.

(На самом деле майор Лотоцкий, еще 20 сентября

уехавший на левый берег вместе с военкомом Хариным, в своем докладе сказал неправду. 160 человек пополнения, прибывшего к утру 18 сентября в 10-ю ОСБр и оставленного Лотоцким в качестве своего резерва, в выходящем к Волге овраге в этот момент при отсутствии командира продолжали вести бой с немецкими автоматчиками и, в итоге, через несколько дней были уничтожены противником. Здесь Лотоцкий, говоря об исчезнувшем на его глазах пополнении: *«частью разошлись по тылам»*, прямо-таки клеветает на новобранцев, которые не могли разойтись по тылам в принципе потому, что этих тылов, по сути, не существовало. Находящаяся за спиной полноводная река могла быть тылом только для людей типа Лотоцкого или Харина, которые имели доступ к лодкам. А для желторотых юнцов река была местом гибели, также как и кромка берега этой реки, по которой бродили люди из заградотрядов. — В.Ш.)

3. *Только остатки 35 гсд (4 бойца) под командованием к-ра и военкома 101 сп подполковника т. Герасимова и ст. бат. комиссара т. Назаренко — прорвались через цепь вражеских автоматчиков и прибыли в срок в указанное место сосредоточения. Причем к-р и военком полка были тяжело ранены и эвакуированы за р. Волга.*

4. *200 человек невооруженных красноармейцев, которые командование 131 сд получило 15-16.9.42 и о которых не ставило в известность, до сих пор не вооружены и не принято мер к доставке таковых на западный берег р. Волга, особенно в тяжелый для дивизии момент 17 сентября. (Уехавшие для этой цели на левый берег комдив 131-й Песочин и военком Нестеров ничего не сделали для вооружения и переправы на правый берег прибывшего пополнения. — В.Ш.)*

5. *Занять указанный участок обороны силами свя-*

Вид на квартал сталинградских домов к северо-востоку от элеватора. Трофейное фото, сделанное солдатом артполка 29 мд после взятия элеватора осенью 1942 г.

зистов, сапер, и вытребованных из тыла специалистов в общем составе 80 человек — не могу и с трудом обеспечиваю оборону, охрану КП и ведение разведки до линии частей 92 сбр.

6. Командование и штаб состоит из 5 человек.

То есть Дубянский сам спешил переправиться на левый берег и поэтому сделал вид, что поверил на слово майору Лотоцкому и не предпринял никаких усилий для поиска находящихся на правом берегу подразделений 10-й СБр. За него это 21 сентября пришлось делать заместителю начштаба 62 армии комбригу Елисееву Николаю Сергеевичу (1893-1976), который вместе с командармом Чуйковым не спешил покидать правый берег Волги. **В Боевом донесении № 08 от 21 сентября из Дворца Пионеров в штаб 62-й армии комбриг Елисеев написал:** *«Боевой состав 10-й бригады в количестве около 100 человек с вооружением*

под командой капитана Назарова и политрука Носорева (Назаров Яков Яковлевич и Носарев Александр Михайлович погибли при выходе с боем из элеватора в ночь на 22 сентября. — В.Ш.) остались в боевых порядках 92-й ОСБр в районе элеватора».

То есть комбриг Елисеев не поверил сбежавшему на левый берег майору Лотоцкому и сделал все, от него зависящее, чтобы остающиеся на гибель в элеваторе бойцы и командиры 10-й стрелковой бригады не чувствовали себя брошенными командованием.

А теперь дадим слово командиру 101-го гвардейского стрелкового полка 35-гв. СД Герасимову Александру Акимовичу. В декабре 1942 г. «по горячим следам» он написал академику И.И. Минцу историю выхода своего прижатого к Волге полка из окружения в районе консервного завода.

Стенограмма беседы академика И.И. Минца с подполковником Герасимовым Александром Акимовичем, командиром 101-го гвардейского полка 35-й гв. СД. 17.XII.1942 г.

<...> К вечеру 8-го числа <сентября 1942 г.> уже все части были отведены на окраину Сталинграда, где и был получен приказ командующего 62-й армией непосредственно перейти к обороне к самому гор<оду> Сталинграду. Тут нарушилась всякая связь, не было связи с подразделениями, нарушилось всякое взаимодействие с артиллерией. Здесь как раз погиб генерал-майор тов<ариц> Глазков, командир 35-й дивизии. Вначале он был ранен автоматчиком в ногу, затем, когда подали ему машину, положили на машину, с самолета его расстреляли. Это еще больше подействовало на руководство боем. Однако, несмотря на такое тяжелое положение, все же командованию

35-й дивизии удалось собрать и привести в порядок все свои части и перейти непосредственно к обороне города, главным образом южной его части, Купоросной. Был получен приказ командира 35-й дивизии занять район обороны южнее Купоросной, перерезать железную дорогу Сталинград-Бекетовка. 9 сентября были выведены остатки всех частей для обороны. Основные силы противника были направлены в разрез 62-й и 64-й армий, между населенным пунктом Бекетовка и Сталинградом. Он вышел с танками и живой силой в этот стык и начал наносить удар нашим частям, направляя его с юга на запад.

Наша дивизия с остатками личного состава, примерно немногим больше тысячи человек продолжала оборону Сталинграда с 9 по 21 сентября, ведя оборонительные бои непосредственно уже в населенном пункте Сталинград. Тут все время проходили сильные оборонительные бои. Остался один мой полк в дивизии. 8-го числа уже и 100-й и 102-й полки не существовали. Все остатки людей этого полка были собраны и объединены в мой 101-й гвардейский полк. Таким образом, в дивизии остался один объединенный 101-й гвардейский полк, которым командовал я, с 9 по 21 сентября ведя оборонительные бои непосредственно в Сталинграде.

Надо сказать, что на фронте в это время действовало в самом непосредственно Сталинграде до дивизии полнокровной немцев и частично были румыны. В Сталинграде младший лейтенант Панычкин уничтожил с отделением взвод румын, а самого офицера захватил в плен. Он сопротивлялся. Я ему приказал с одним отделением выдвинуться в район элеватора и расставить там один взвод для прикрытия моего фланга. Он два отделения оставил, с одним пошел в район элеватора. Идет взвод румын, впереди офицер. Он

Элеватор после обстрела 88-мм зенитными орудиями и 105 мм мортирами генерала В. Кемпфа. Сентябрь 1942 г.

скомандовал залповый огонь по ним. Красноармейцы открыли огонь, человек 10-12 побили, поранили, остатки побежали. Офицер спрятался за дом. Когда он подбежал к нему, тот не успел выхватить пистолет. Панычкин схватил его за руку, стал руку крутить. Тот начал кричать. Тот развернулся, ударил его по лицу. Офицер упал. Тут подбежали красноармейцы и схватили его. По ним мы установили, что здесь действуют румыны. Впереди были румыны, стреляли, а сзади шли немцы с пулеметами. Были такие случаи, когда румыны переходили в атаку. Они отдельными группами бросались в атаку, человек по 15-20. Бегут и кричат, пулемет их строчит, поддерживают огнем. Крик у них очень пискливый, причем свистит здорово. Подбегают к переднему краю. Наши бросаются, человек 10 или 15 против 30, они бегут, бросают все с себя, ремни расстегивают, фляжки бросают и бегут. Но в это время сильный ведут огонь, видимо, даже и по ним, немцы из пулеметов. Возвращали их. Они попадали в двойной переплет.

Мы с небольшим числом людей продолжали обо-

ронять Сталинград до 21-го числа. 21-го числа у меня всего осталось людей побольше сотни человек.

20-го вечером часа в 22 я получил письменное распоряжение командира 35-й дивизии, полковника товарища Дубянского, такого содержания: *«Командиру 101-го гвардейского стрелкового полка подполковнику Герасимову. Для смены в обороне к вам выходит два батальона 92-й стрелковой бригады. Произведите сдачу своего оборонительного участка, получите расписку и совместно продолжайте оборону своего оборонительного участка до особого распоряжения»*. <>

Вечером 21-го я получил второе распоряжение письменное....

На этом месте прервем на некоторое время изложение рассказа подполковника Герасимова и зададимся вопросом о датах получения первого и второго письменного распоряжения.

Из оперсводок 92-й ОСБр за 18-19 сентября мы знаем, что моряки во второй половине дня 18 сентября подошли и заняли позиции позади остатков 35-й гв., 131-й СД и 10-й СБр. (См. карту на схеме 1). Отсюда по логике вещей получается, что первое письмо от Дубянского Герасимов получил не 20-го, а 19-го сентября, а второе — 20-го сентября. Сей факт подтверждает и составленное полковником Дубянским приведенное выше боевое донесение № 36 на 7 часов утра 21-го сентября: «Доношу, что боевое распоряжение № 005 ВПУ штарма 62 от 20.9.42 в срок не выполнено по следующим причинам: <...>

3. Только остатки 35 гсд (4 бойца) под командованием к-ра и военкома 101 сп подполковника т. Герасимова и ст. бат. комиссара т. Назаренко — прорвались через цепь вражеских автоматчиков и прибыли в срок

Вид сверху на Ельшанский овраг, элеватор, железную дорогу, остров Голодный и левый берег Волги

в указанное место сосредоточения. Причем командир и военком полка были тяжело ранены и эвакуированы за р. Волга.»

Однако продолжим рассказ.

...Причем к этому времени уже противник от действующих частей на правом фланге меня отрезал и вышел к Волге. Таким образом, от командного пункта дивизии я был противником отрезан. Противник вышел с минометной батареей, со станковыми и ручными пулеметами. Всего было человек до 150-200. Он располагал сильной обороной от Волги вверх, отрезав нас от командного пункта и действующих частей справа.

Получил распоряжение через связного, который проскочил уже через боевые порядки немцев, ползком, уцелел. Он был только из пополнения, я даже его фамилии не запомнил. Он принес распоряжение от полковника Дубянского. Причем Дубянский прислал мне вина, водочки немного и две банки консервов, чтобы я немного подкрепился, поскольку в полку было плохо с питанием. Питание привозили на маленьких лодках. Было приказано собрать подполковнику Герасимову оставшихся бойцов и командиров, выйти в район реки Царица на командный пункт дивизии. К этому времени командный пункт дивизии находился на р. Царица.

Это был самый интересный бой. Сейчас бы я его не повторил. Это был самый тяжелый, кризисный момент, думаю: не буду жив, люди придут, расскажут. <...>

Получив распоряжение от командира 35-й гв. дивизии, я послал связного позвать комиссара. Комиссар в это время находился в подразделении. Пришел комиссар. Собрались в блиндаже. Пришел ко мне заместитель командира 131-й дивизии, командир 20-й стрелковой бригады. Вместе поужинали, выпили, ко-

нечно. К этому времени привезли нам арбузов, сметаны, курочек, яичек, водки, яблок свежих на лодке, старший лейтенант Кулинич. (Т.е. полк А.А. Герасимова находился непосредственно на берегу Волги! - В.Ш.) Мы покушали хорошо, выпили, начали обсуждать вопрос, каким образом будем выходить. Нам нужно было пробиться на расстояние 400 метров через боевые порядки немцев...

*Командир 101 гв. сп 35 гв. СД гв.
подполковник Герасимов Александр
Акимович*

Поскольку приказ был передан мне, выходом и выводом этих четырех штабов руководить должен был я. Я и принял командование по выводу остатков людей и этих трех штабов... Мне в то время командиры предлагали делать выход отдельными группами по 10-15 человек. Мы были окружены, отрезаны от своих частей, противник вышел и на левый фланг по Волге, и на правый, и с фронта был. Через боевые порядки нам нужно было пробиваться.

Я не соглашался выводить штабы по группам. Можно было погубить остатки боевой силы. Решили выход делать только с боем, строя, главным образом, свой план на внезапности. Почему исходил из этого? У меня было меньше сил, чем у противника. У него было около 200 человек с минометами, пулеметами, а у меня со всем комсоставом человек 70. <...> Собрал всех оставшихся красноармейцев, комсостав,

рассказал им задачу, и ползком начали выползать к переднему краю обороны противника. На своем левом фланге поставил один станковый пулемет для того, чтобы прикрыть вдоль железной дороги, не дать противнику подбросить подкрепление к Волге.

У пулеметчика было три ленты. Он один был. Второго номера у него не было. Он расположился. Я стал выдвигаться с остатком людей и штабами. Немцы обнаружили нас, открыли сильный пулеметный и ружейный огонь, начали освещать ракетами, открыли сильный минометный огонь. Еле заметны люди. Я впереди стал отдавать распоряжение быстро приблизиться к боевым порядкам немцев. Подходим. Пришлось поднимать бойцов, толкать вперед, не идут некоторые. Я сам выбежал вперед вместе с комиссаром, зарядил две гранаты.

Что нас спасло? Сзади боевых порядков немцев горел один вагон, и нам они были видны, а нас было плохо видно, потому что немцы смотрели оттуда, со света. Я воспользовался этим и сразу поднял всех в атаку, выбежал с комиссаром вперед, схватил пистолет, крикнул: «В атаку, за родину, вперед!», бросил лозунг: «Товарищи, ни шагу назад, только вперед!» Там человек 15 немцев было в воронке большой, образовавшейся после бомбежки. Осталось метров 30. Я бросил одну гранату, потом вторую. Там получился вой, крик. Кричат: «Рус, рус!» Красноармейцы увидели, что я бросил туда гранату, начали бегать <так> Бросать ракеты перестали, минометный огонь прекратился, была только стрельба из автоматов, и пошли в ход ручные гранаты.

Когда я выбежал вперед, все красноармейцы и комсостав бросились за мной. Все сразу переменялось, и немцы, и наши, в рукопашной схватке. Уже началась штыковая схватка. Темно было: подбегает, ви-

дит — свои, бежит дальше. Если в куртке, значит, немец. Тут и гранаты в ход пошли. Они очень в нас сыпали гранатами ручными, но и мы крепко били. Тут мы побили их больше ста человек. Все перемешалось, не поймешь ничего. Кто кричит: «За родину!», кто кричит: «За Сталина!», кто матерится. Я все время кричал: «Вперед, от меня не отставать, ближе к Волге». У немцев визг пошел, раненые стонут. Наши говорят: «Я ранен, меня захватите». Немцы орут раненые. Какой-то кошмар был.

Когда я пошел в атаку, огонь из винтовок и автоматов прекратился со стороны немцев, начался бой только ручными гранатами и штыковая схватка, видимо, не заряжено оружие было, патроны израсходовали, а в атаке некогда перезаряжать. Тут и наши патроны были на исходе. Помню, у одного лейтенанта от ППШ оторвался ремень, он берет его за конец и по головам лупит. Немцы бросились бежать. Мы — за ними. Сзади меня пристроился один немец и бежит. Старший лейтенант Кулинич говорит:

— Товарищ командир, немец.

Я как из автомата дал, тот повалился. Немец бежал даже без винтовки. Здесь погиб младший лейтенант Паничкин.

Когда я бросил две гранаты, вижу, что начинается такая схватка, выхватил третью гранату из кармана, взял пистолет в левую руку, взвел гранату. Там была еще группа человек 5-8 немцев. Только развернулся, хотел бросить гранату, немец бросил ручную гранату, и она мне попала в грудь. До разрыва от нее какая-то искра появляется, детонатор горит. Она отскочила от груди, метрах в пяти стукнулась. Я только успел закрыть лицо руками. Нужно было лечь, но я немножко растерялся. В это время произошел взрыв, граната ударила меня в предплечье правой руки —

два осколка — и в левую ногу выше колена.

В это время комиссар крикнул: «Ура!», и в этот момент ему в рот влетела пуля, задела язык, сшибла зубы и вышла в подбородок. Вторая пуля попала в левую скулу. Он крикнул мне:

— Александр Акимович, я ранен.

Я говорю:

— Я тоже ранен. Ты можешь идти?

— Давай выходи, а я буду вытягивать людей.

Старший лейтенант Кулинич тоже крикнул, что ранен.

О красноармейце Гулюткине нужно рассказать. Когда у меня 8-го числа пропал без вести адъютант Шиханов, я к себе адъютантом взял автоматчика Гулюткина. Маленький, невзрачного вида, такой худенький мальчишка, 1921-го или 1922-го года рождения. Должен сказать, что все бои — три раза я до этого ходил в атаки — он все время следовал за мной, ни на одну минуту не оставлял, все время предостерегал, напоминал:

— Вы, товарищ подполковник, рискуете жизнью, вас могут убить, хуже будет, если потеряется руководство.

В одной из атак, когда мне подбросили на подкрепление в район лесозавода саперную роту товарища Назарова, я приказал атаковать противника. Командир роты не поднимает людей — сильный огонь из минометов, пулеметов и автоматов. Дело было к вечеру. Дома горят. У меня слетела фуражка — ветер был. Я стал бегать без фуражки и спрашиваю: «Почему не идете вперед?» Выхватил пистолет.

— Вперед, — кричу, — немедленно атаковать, — потому что противник на 150 метров подошел.

Не идут. Я выбежал впереди роты, остановился с пистолетом в руках:

— Товарищи, за мной, вперед, в атаку, ура!

Они посмотрели. У всех какая-то улыбка на лицах появилась. Все поднялись, и вся рота побежала за мной в атаку. Красноармеец Гулюткин говорит:

— Вы не выбегайте вперед потому, что пулеметный огонь.

Он все время бежал со стороны огня противника, защищал своим телом меня. Потом увлекся, видит, что я кричу: «Вперед!», тоже поднял ППШ, кричит: «Вперед!», потом опомнился, говорит:

— Дальше Вам идти нельзя, здесь опасно.

Я вижу, что дальше мне делать нечего, вышел на командный пункт.

Когда я выводил штабы, он, чтобы не потеряться, уцепился мне за рукав левой руки, одной рукой держит ППШ и закрывает меня своим телом. Он был ранен в обе руки. Одной гранатой ранило нас вместе. Когда я рассказываю про него, не могу его не вспомнить, это исключительно преданный человек.

Когда нас обоих ранило, он не говорит, что его ранило, а спрашивает:

— Вы, товарищ подполковник, живы?

— Жив, — говорю.

Когда меня ранило, я упал. Он думал, что меня убило. Говорю:

— Жив, а Вы?

— Мне, — говорит, — немного ранило руку.

С раненой рукой он все время бежит со мной, старается прикрыть меня. Я уже рассердился, говорю:

— Иди от меня, руководить мне мешаешь.

А он говорит:

— Нет, нужно Вам вперед идти.

Все начали пробиваться вперед, соединяться с матросами. Я раненый руководил боем минут 40 без перерыва. Выбежал, часть людей уже вышли, а часть ведет

бой. Я выбежал к матросам. Встретил меня командир станково-пулеметного взвода из 92-й бригады. Спрашивают, где люди. Собрали человек 18 людей, направил (так!) обратно с командиром взвода. Они вернулись назад, вступили в бой и под прикрытием этих людей вывели остальных и вытащили всех раненых.

Тут я почувствовал себя слабым, потому что минут 40 без перевязки прошло. Кричу, а глотка сохнет после ранения, пить хочется. Мне матрос принес в каске воды, она пахнет нефтью, так я почти полную каску выпил воды. Тут вызвали лекпома (лекарского помощника), меня перевязали. Наши соединились со своими. Мы стали отходить на командный пункт дивизии. Я уже идти не мог. Меня и комиссара тащили на руках. Пришел на командный пункт, доложил командиру дивизии о том, что штаб отошел. Докладывал через посыльного, потому что идти туда нужно было еще с полкилометра. Получил разрешение эвакуироваться...

А теперь представим на суд читателя информацию о действиях в элеваторе отделения ст. сержанта Павленко из 101-го гв. полка 35-й гв. дивизии.

**Письмо Андрею Осиповичу Хозяинову от
Павленко Александра Андреевича**

Крым, 30.03.70.

Дорогой и уважаемый Андрей Осипович, здравствуй-те!

Получил Ваше письмо. Читал его, и сердце стучало так же, как и в те дни. Каждая строка волновала меня и хотелось кричать от радости, что есть братья по оружию и испытаниям.

Сообщите адрес ст. лейтенанта Степанова, ведь я до армии учился там и, быть может, мы знаем друга друга по призыву и элеватору.

Обстрел сталинградского элеватора с южной стороны. Справа здание, где был расположен опорный пункт 29 немецкой моторизованной дивизии. Немецкая хроника

Итак, о себе.

В то время я, ст. сержант 101 гв. стр. полка, 35-й гв. стр. дивизии, прибыл на элеватор, а через 2-3 часа прибыли и Вы. Элеватор обороняли наши бойцы 100 полка. Комиссар этого полка Красносельский Владимир Алексеевич был ранен до нашего прихода и сейчас живет в г. Сочи. Я прибыл с группой (отделением) в 10 человек. Это были разведчики и бойцы охраны штаба полка. Сейчас помню одного из них — бойца Красильникова. Когда прибыла Ваша группа, он шутил и первый начал бросать немецкие гранаты, подхватывая их на лету. Это в то время, когда немцы гранатами прочищали себе дорогу со стороны насыпи и консервного завода.

Что было на элеваторе, Вам не стоит рассказывать. Но я со своими орлами в основном держал проемы и люки нижнего этажа, у главного входа, где ле-

жали кучи немецких трупов и горящего зерна в последний день.

Это десантники-парашютисты, которые были с голубыми петлицами и финками. Да и наши друзья по дивизии были похожи на нас. Правда, копоть всех сделала похожими, но нашивки на петлицах все же виднелись.

У маршала Советского Союза т. Чуйкова В.И. написано, что выход начали в ночь на 21 сентября, но, насколько я помню, мы выходили на четвертый день, т.е. 22 сентября. Когда мы вышли, то в этот день были тяжело ранены наши командир и комиссар полка, и нам с Красильниковым пришлось и здесь здорово поработать. Как сообщил мне комдив т. Дубянский Василий Павлович, то мои сроки подтверждаются всеми фактами, которые я знал в день выхода.

Как же мы вышли?

Я прикрывал с группой тыл нашего выхода, т.е. шли последними. Когда нарвались на минометные расчеты, то мы дальше встретили упорное сопротивление. Решили отходить снова к элеватору и там умереть, но, когда вернулись к насыпи, то по нашему первому следу пошло три немецких танка. Это и подсказало мне план выхода. Беру командование на себя, и перебежками, вдоль насыпи идем к мосту, затем под мостом и к (размыто, не удалось прочитать). У Волги нарвались на заслон. Бросаем три трофейных гранаты и, расстреливая последние патроны, бросаемся в рукопашную. Буквально по головам, орудуя прикладом и финками, вырываемся к Волге.

Всего нас вышло 9 человек (подчеркнуто).

Когда припали к Волге, то трое уже не могли встать — они были тяжело ранены. На плотиках отправляем их за течением, а сами сначала берегом, а затем по-над берегом, против течения, плывем к своим. Не доплыв

р. Царица, нас обстреляли и, когда выбрались к своим, то двоих не досчитались. Из наших остались мы с Красильниковым, а двое было из Ваших. Мы распрощались по-братски и пошли в свои части. Когда я доложил у себя, то мне не поверили, и ст. лейтенант наговорил столько глупостей, что мы после молчали. <...> Я написал свои воспоминания об обороне, и неплохо будет, если мы объединимся и скажем свое слово за наших братьев, павших в элеваторе. Этого требуют от меня командиры и наши товарищи. Комдив заставил меня послать свои воспоминания В.И.Чуйкову и в Волгоградский музей.

*Защитник Сталинграда
Павленко Александр Андреевич,
писарь 101 гв. сп 35 гв. СД*

Элеватор на совести нашей дивизии, и генерал-майор т. Дубянский сейчас работает над этим. Пишите все и до мелочей, кого Вы помните из своих товарищей. Больше фамилий, и мы восстановим имена наших друзей. Спасибо за родное и доброе письмо. Вы пишете, что мое письмо было опубликовано в Вашей газете. Пришлите эту газету. О всех новостях буду сообщать по ходу работы.

Обнимаю Вас по-братски, Ваш /подпись/.

Из данного письма А.А. Павленко проступают претензии 35-й гв. дивизии во главе с ее бывшим командиром В.П. Дубянским, на которого в своих пись-

мах А.О. Хозяинову ссылается Александр Андреевич, на ведущую роль 35-й гв. СД в занятии и защите элеватора. Правда, сам Василий Павлович Дубянский нигде не озвучил свои претензии, затаившиеся до выхода в свет (в 1982 году) книги Н.И. Афанасьева «От Волги до Шпрее», о которой еще будет идти речь в данном повествовании.

Так или иначе, но в начале 70-х о претензиях 35-й гвардейской стало известно от Павленко Александра Андреевича многим оставшимся в живых бойцам и командирам 92-й морской бригады во главе с бывшим начальником штаба соединения Н.Ф. Емельяненко...

Выдержки из письма Н.Ф. Емельяненко А.О. Хозяинову от 5 августа 1975 г.

Уважаемый Андрей Осипович! Привет из Днепропетровска! Письмо Ваше получил. Большое спасибо, что не забываете меня. <...>

...А вот на счет боевых действий в элеваторе мне стало теперь совсем непонятно. Уж очень много появилось участников, и показания они дают противоречивые. А особенно если сравнить с архивными документами. Некоторые говорят, что документы — это чепуха (бумага, бюрократизм). Главное, мол, живые свидетели. Но я думаю, что это не так. Ведь это тоже свидетели — допустим, оперсводку 35-й гв.сд от 10.00. 18.9. подписал нач. штаба и комиссар штаба дивизии. Почему мы не должны верить этим ответственным лицам. А они пишут, что 35-я гв. сд обороняла на 10.00. 18.9.42. рубеж от консервного завода до берега Волги. Что касается элеватора, то они сообщают в этом же официальном документе, что рубеж Элеватор, (иск) консервный завод обороняет 10-я стрелковая бригада.

То, что в районе элеватора и в самом элеваторе действовала 10-я сбр, а не 35-я гв.сд, подтверждает и **свидетельство командира этой бригады майора Лотоцкого и нач.штаба майора Софонова**, которые подписали так называемое **краткое описание боевых действий 10-й сбр**.

В разделе 4-м «Бои в районе элеватора» они пишут: *«После боев в районе Садовая бригада, понеся большие потери, отошла в район элеватора... К исходу 15.9.42. заградотряд бригады во взаимодействии с 11-м сп 10-й сбр контратаковал противника, занявшего элеватор, овладел им и устроил там опорный пункт».*

Дальше описывается, как **элеватор несколько раз переходил из рук в руки, пока окончательно там не утвердилась группа бойцов из 10-й сб под командованием Полякова**. А Поляков описывает все отдельно. Так почему мы не должны верить командиру и нач. штаба 10-й бригады? Ведь это тоже свидетели. Возможно, они тоже живые, как и другие. А Поляков в своей объяснительной записке, озаглавленной **«Из опыта боев за элеватор 17-22.9.42.»** пишет, что когда он получил задачу овладеть элеватором, последний был полностью в руках противника (следовательно, наших там не было никого, не считая, возможно, укрывшихся в подвале отдельных раненых бойцов, прикинувшихся мертвыми). Далее Поляков описывает, как он, имея в своем подчинении 27 бойцов, создал три группы и с разных сторон атаковал и захватил элеватор. На 2-м этаже осталось несколько немцев, не успевших отойти из здания. Они были уничтожены. Это было утром 17-го. А под утро 19-го в элеватор явился Ваш пулеметный взвод. *(О котором Поляков, кстати, ничего не написал. — В.Ш.)*

Так откуда, спрашивается, в элеваторе могли появиться целые полки 35-й гв.сд, а тем более 42-й стр.

осбр (которая воевала 2 км северней, аж за р.Царицей) и тем более 154-я стрелк. морск. бригада (которая воевала в те дни в составе 64-й армии, от которой мы были отрезаны).

Ветераны 42-й стр. и 154-й стр. <бригад> сами не претендуют на участие в обороне элеватора, т.к. они воевали совсем в других местах. Так зачем же мы их будем притягивать «за волосы» против их воли в элеватор?

В общем, исходя из того, что я прочел в **боевых документах, подписанных людьми не менее авторитетными и честными, чем мы с Вами**, и из того, что я услышал от Вас, у меня сложилась такая картина боев за элеватор: наши войска 62-й армии, отсеченные от 62-й армии, до 14-15 сентября вели бои с превосходящими силами врага на подступах к южной и юго-западной окраинам Сталинграда. Западней Сталинграда километрах в 4-5-ти, на северном берегу р.Царицы (у опытной станции) действовала 42-я сбр (у которой только один 4-й осб был из моряков Беломорской военной флотилии). Слева от 42-й осбр на южном берегу р. Царицы держала оборону 244-я сд.

Еще левее вела оборонительные бои 10-я сбр. Ее левый фланг перехватывал железную дорогу, что идет от Воропоново на Сталинград, у станции Ельшанка.

Пригород Минина обороняла 131-я сд, и, наконец, на фронте от Ельшанки до Купоросное, что на правом берегу Волги, вела бои 35-я гв.сд.

14-го или 15-го сентября враг, располагая превосходящими в десятки раз силами, большим количеством танков и, имея полное господство в воздухе, нанес мощные удары по упоминавшимся выше соединениям левого крыла 62-й армии.

В итоге этих ударов 42-я осбр и 244-я сд попали в окружение, а 10-я сбр вынуждена была откатиться

ускоренным драпом до элеватора, который немецкие танки с десантом пехоты захватили раньше, чем туда отошли разрозненные группы 10-й сбр.

35-я гв.сд и 131-я сд тоже подверглись таким же мощным ударам авиацией и артиллерией, и тоже вынуждены были отходить (иначе им угрожало окружение, ведь 10-я сбр, правый сосед, отскочила к элеватору на высоких скоростях). Но 35-я отходила медленней 10-й сбр, и о ней штаб армии сведений не имел. Поэтому 10-й сбр было приказано оборонять чрезмерно большой для нее рубеж: от вокзала Сталинград-II, элеватор, консервный завод и до берега Волги южнее этого завода.

Ком-р 10-й сбр, собрав свои, отходившие в беспорядке остатки частей, привел их кое-как в порядок, своим заградотрядом прихватил часть бойцов, отходивших в беспорядке, не только из своей бригады, но и из других соединений. Затем он выбил из элеватора не успевших закрепиться немцев, а в район консервного завода выдвинул свою саперную роту.

Несколько позже к этому рубежу подошли 131-я и 35-я гв. сд. Командарм, чтобы не иметь дела со множеством небольших по количеству личного состава соединений, 16-го сентября подчинил в оперативном отношении командиру 35-й гв. сд 131-ю сд и 10-ю сбр (их остатки по 60-80 бойцов в каждой).

35-я гв.сд насчитывала к 18.9.42. 200 бойцов (активных штыков).

После этого весь рубеж обороны был распределен так: 131-я сд получила рубеж от вокзала Сталинград-II до элеватора исключительно, 10-я сбр от элеватора до консервного завода исключительно, и 35-я гв. сд от консервного завода до берега Волги (это далеко от элеватора — не менее километра).

Командиру 10-й сбр было приказано овладеть

элеватором, который все время переходил из рук в руки, и прочно его удерживать. Вот тогда и была создана **группа Полякова, которая в ночь с 16-го на 17-е сентября захватила элеватор**, имея в своем составе 27 бойцов и двух лейтенантов (их фамилии я, кажется, упоминал уже в прошлом письме к Вам).

Перед тем, как *группа Полякова* овладела элеватором, в нем были немцы, и только одни немцы (я, конечно, не исключаю, что кое-кто из наших раненых бойцов укрылся, при предыдущем отходе наших подразделений из элеватора. Они могли прикинуться убитыми и находиться где-либо в подвале).

Тяжело раненая Хмельницкая могла тоже остаться в траншее забытой (при отходе из элеватора перевязочного пункта). Ее немцы могли принять за убитую и не трогали.

Откуда же появилось так много капитанов? Вы, я думаю, согласитесь, что они пришли в элеватор не с группой Полякова. На 27 бойцов не было нужды посылать 8 капитанов. Очевидно, это были командиры, потерявшие свои части (в ходе беспорядочного отхода явление возможное).

Они, видимо, вышли на элеватор, когда им овладела группа Полякова. Один из них застрелился. Это тоже вполне объяснимо. Командир потерял свои подразделения, они отошли, оставив порученный рубеж. Что он скажет своим начальникам?

И человек решил, что лучше самому покончить с собой, чем ждать, пока это сделают по приговору военного трибунала (тем более, что тогда был издан приказ Сталина № 227, в котором говорилось «ни шагу назад», кто отходит без приказа, является предателем Родины, с ними надо и поступать, как с предателями). Очевидно, этот капитан рассудил, что согласно этому приказу он тоже теперь является предателем Родины.

Что касается участия двух полков 35-й дивизии в обороне здания элеватора, то это не подтверждается фактами.

Ведь все источники, в том числе и Вы, как участник, свидетельствуют, что гарнизон элеватора состоял не более чем из 50-ти бойцов. Кто же они? 27, а с офицерами 30 человек — из группы Полякова 10-й сбр, 18 краснофлотцев пришли в элеватор с Вами. Всего получается 48 человек. Да 8 приблудившихся капитанов. *(К сожалению, информацию о 8 капитанах автору так и не удалось отыскать. - В.Ш.)*

А где же 100-й и 101-й полки 35-й гв. сд? Ведь в этих двух полках было не меньше 120-130 бойцов (активных штыков). (пометка на поле: *а в первом письме ко мне Павленко пишет, что в элеваторе погибло 100 человек 101-го гв. сд, не считая раненых. А раненых бывает в 2 раза больше, т.е. 200 человек. А всего, значит, 300 чел.). Кроме того, кто же оборонял рубеж от консервного завода до берега Волги, который поручено было оборонять 35-й гв. сд? Не считаете ли Вы не естественным, чтобы командир дивизии 2/3 своих сил снимал с рубежа, за удержание которого он отвечает головой, и перебрасывал их на усиление соседа, который лично отвечает за оборону элеватора. И это в то время, когда оборона и без этого еле-еле держится, превосходящие в 10 раз силы врага нападают, и каждый человек на счету. Я что-то не верю в такую благотворительность.

Что касается свидетельств таких участников боев за элеватор, как Павленко, то им трудно поверить, т.к. они в своих рассказах о своем участии уж очень много путают, их заявления не соответствуют, а иногда противоречат и свидетельству боевых документов, подписанных их же начальниками по горячим следам (в сентябре 1942 года). Я о Павленко расскажу потом.

А сейчас хочу закончить картину боевых действий на южной и юго-западных окраинах города. Когда противник 14-го или 15-го сентября прорвался в стыке между 10 сбр и 244-й сд, он прорвался и на правом фланге 42-й осбр, вклинившись глубоко в нашу оборону, вплоть до вокзала Сталинград-I. В итоге 244-я сд и 42-я сбр непосредственно у западной окраины города, по обе стороны р. Царицы попали в окружение (244-я на ее южном берегу, 42-я осбр на северном). В ночь на 18-е сентября (в эту же ночь переправлялись 1-й и 2-й осб нашей бригады), 244 сд и 42 сбр прорвали кольцо окружения и вышли в район северней железнодорожного моста через р. Царица. Своими растрепанными и сильно обескровленным частями они начали занимать оборону вдоль жел. дороги от вокзала Сталинград-I до ж.д. моста через р.Царица. Намечалось 911-м сп 244-й сд занять оборону по жел. дороге и далее на юг (до вокзала Сталинград-II), но в 911-м сп набралось всего народу, вышедшего из окружения, не более нескольких десятков. Поэтому участок от р. Царицы до элеватора остался совершенно открытым для противника. Он сюда и устремился силами до двух с половиной дивизий (ночью и утром 18-го сентября). Сюда же вышли ночью и утром 18-го наши 1-й и 2-й батальоны с задачей выйти на рубеж жел. дороги между Царицей и элеватором и занять там прочную оборону. Кроме того, бригаде была поставлена задача овладеть элеватором и прочно его удерживать. **Получилось встречное столкновение 92-й с противником, уже выходящим в тыл 35-й гв., 131-й сд и 10-й сбр.**

Бригада, как известно, вышла на указанный рубеж, потеснив противника. Но понесла очень большие потери при этом. А в элеватор успели протолкнуть только Ваш пул. взвод. **За элеватор (вне его) вела бои (совместно с остатками 10-й сбр) 2-я рота**

2-го батальона 92-й (она тоже была впоследствии окружена и погибла, сражаясь до последней возможности, не отойдя ни на шаг).

Кроме того, в здание элеватора была послана несколько позже Вас одна рота пульбата, но она не дошла (не успела дойти до него), попала под мощный удар врага, тоже сражалась в окружении и тоже, очевидно, целиком погибла. Вот такая картина, таков был ход событий, о которых рассказывают документы, написанные людьми, заслуживающими доверия больше, чем Павленко и ему подобные. Кроме того, они писали по свежим следам, а не через 30 лет. Это тоже кое-что значит.

А Павленко путает, спешит навязаться в побратимы к Хозяинову. Я заявляю об этом не бездоказательно, не без оснований.

Дело в том, что в феврале-марте 1973 года Павленко вступил со мной в переписку (пару писем я от него получил). Главным их содержанием была попытка доказать, что чуть ли не вся 35-я гв. сд дралась в здании элеватора. Все соседи, с которыми воевала 35-я гв. сд, по его мнению никудышные соединения, трусы, способные только ударяться в панику, показывать зад противнику и оставлять все время 35-ю гв.сд на произвол судьбы. Только о 92-й осбр он не отзывался плохо (хоть и хорошего о ней ничего не сказал), потому, что писал мне — ветерану этой бригады.

После первого же письма я не стал верить всему тому, о чем он писал, так как обнаружил в его письме через каждые два слова на третьем искажение истины, явное (... неразборчиво...) вранье.

Вот, пожалуйста, я уже писал Вам, что Павленко утверждает, что они берегли моряков из взвода Хозяинова. Вы сами пишете, что это чепуха. В те дни

речь шла не столько о сбережении, сколько о выполнении задачи. Да и что могло побудить к сбережению? Возможно, Павленко просто угодить хотел мне, как человеку, принадлежащему к 92-й и этим завоевать мое расположение? Очевидно, так оно и было. Стремясь доказать, что он осведомлен о ходе событий лучше, чем кто-либо, он пишет мне: *«Разведчикам (в том числе и ему. — Н.Е.) было лучше известно, что делается на передовой и в наших штабах»*. Явное преувеличение. Что мог знать разведчик, тем более рядовой, о том, что делается в штабах? Да ничего. А что он знал о передовой? Тоже очень мало, т.к. он выходил на передовую один или два раза в месяц, когда было приказано захватить пленного. Но и тогда разведчики знали, что делается на передовой не на всем фронте дивизии, а на небольшом участке, где они проводили поиск.

Зачем-то он пишет, что: *«Теперь победы делят военнoначальники, бросаются к архивам, стирая в порошок живых участников событий, восхваляя себя и умаляя заслуги других»*. Кого он имел в виду под военнoначальниками, бросающимися к архивам и стирающими в порошок живых участников, я так и не узнал. Но пострадавшим участником Павленко, безусловно, считает себя. Очевидно, он обижен тем, что его даже свои ветераны не признают участником боев за элеватор.

Он заявляет, что я, якобы, не прав, когда утверждаю, что 35-я сд 20 сентября сдала свои рубежи 92-й осбр и переправилась на левый берег. Он утверждает, что его дивизия не переправилась, а отошла 20-го и заняла оборону по правому склону р. Царицы. Он заявляет, что командир и комиссар 101-го гв.сп 24-25-го сентября были ранены в рукопашной схватке у железнодорожного моста через р.Царицу. **Это он рассказывает мне, нач-ку штаба бригады, который орга-**

низовал и осуществлял прием рубежей от 35-й гв.сд, на глазах которого происходили все эти события, а он (по его же словам) в это время воевал в здании элеватора (20-го сентября) и понятия не имел, что и как делает 35-я гв.сд.

Между тем такой авторитетный человек, как зам. начальника политотдела 35 гв.сд, политрук Юдин, в политдонесении от 26 сентября сообщал, что остатки 35-й гв.сд благополучно переправились на левый берег Волги в две ночи (на 22-е и 23-е сентября) и сосредоточились километрах в 20-ти от Сталинграда в хут. Зональный.

Спрашивается, как 25-го могли быть ранены к-р и комиссар 101-го сп, если вся дивизия переправилась на левый берег Волги 23-го?

Но Павленко этого вранья мало. Он заявляет, что они вынесли 24-го или 25-го сентября раненых ком-ра и комиссара полка и отправили их в тыл. А он лично и его соратники, они оборонялись, якобы в районе дома Голдобина. Какой молодец. Успел и в здании элеватора повоевать, и в доме Голдобина героизм проявить.

Но это еще не все. Дальше Павленко пишет: *«Дня через два-три участвую в бою на улице, где были (и сейчас остались) две гостиницы. Группой командовал капитан Кваша и, как сейчас помню, обгорелое дерево.*

Мы с боем отходили к переправе, и тут нас сменили воины 13-й гв.сд...»

Тут что ни слово, то охотничий рассказ. Если 25-го были ранены командир и комиссар полка, а через 2-3 дня Павленко еще воевал, и боевые действия продолжались, т.к. их сменили воины 13-го гв.сд, то это было по его рассказу 27-28 сентября (25+2 или 3).

Но ведь остатки нашей бригады оставили правый берег ночью 26-го, и утром 27-го там были немцы.

Кроме того, как могли появиться на р. Царице вои-

ны 13-й гв.сд, если мы были отрезаны от 13-й гв.сд противником еще 21-го сентября.

Павленко утверждает, что 10-я сбр не обороняла элеватор. Но куда денешь оперсводку, боевые донесения, подписанные самим Дубянским, его нач. штаба, куда денешь объяснительную записку Полякова из 10 сбр, куда денешь боевые донесения командира и комиссара 10-й сбр?

Он пишет, что на элеватор шли 94-я пд, 14-я тд, 29-я мотодивизия немцев и 514-я пд румын. Здесь Павленко показывает и свою бесшабашную фантазию, и свою военную безграмотность. Ну как это на элеватор шириною 100, от силы 200 метров могли идти 4 дивизии врага? Где они могли там поместиться? И кто наступал тогда на консервный завод и вдоль берега Волги, а так же против 92-й и 42-й осбр? По оценкам и Вашим, и Полякова, и командира 10-й сбр в атаку на элеватор не шло больше пехотного батальона, усиленного танками с арт. и авиацией. Разве этого мало? Но Павленко увлекается и врет прямо как на охоте. А 514 пд румын в самом городе Сталинграде вообще не было.

Далее Павленко заявляет, что 92-я сбр была придана 35-й гв.сд. Это уже наглое вранье. Врал бы кому-нибудь другому, но врать такое начальнику штаба 92-й осбр, который, конечно же, об этом знает больше, чем к-р взвода разведки Павленко, надо иметь или смелость, или рассчитывать, что у меня сильный склероз.

Я ему ответил на это, что шубу никогда не пришивал к пуговице, а наоборот.

Бригаду шеститысячного состава никак не могли подчинить дивизии, имевшей в своем составе 200 человек.

Тогда Павленко ответил, что бригаду в целом возможно не подчинять, а вот взвод Хозяинова был нам подчинен. Выкрутился.

Перекур артиллеристов. Осень 1942 года

В письме к Рукавцову Павленко пишет, что «Уже 9 сентября 100 гв.сд организовал в элеваторе НП, откуда ежедневно поступали точные сведения о перемещении войск. А к 9 сентября немцы заняли Вороново».

До Вороново 11 км от элеватора, и сомнительно, что с такого расстояния можно было увидеть перемещения войск противника, которые могли происходить еще дальше (т.к. на передовой перемещаться под огнем пр-ка никто не будет).

В письме Рукавцову Павленко пишет, что в его взводе с ним было 11 человек плюс 40-50 воинов, которые оборонялись в элеваторе с первых дней. Всего, значит, 50-60 человек. Да 11 погибших, да около 200 раненых — всего, получается, 350-360 человек. Но в те дни в 35-й гв. сд было не больше 200 человек. Вот как неумело врет человек.

Много по поводу вранья товарища Павленко можно говорить. И о том, что есть донесение Дубянского, в котором он доносит о ранении к-ра (командир

101-го полка Герасимов, согласно его рассказу И.И. Минцу, был ранен в ночь на 21 сентября при выходе из окружения. - В.Ш.) и комиссара 101-го полка еще 16-го сентября (а не 24-го-25-го, как утверждает Павленко), и о том, что нач.политотдела дивизии погиб не в бою за элеватор, как считает он же, а при отражении атаки на КП дивизии у берега Волги (возле водокачки), далеко от элеватора 17 сентября, когда Поляков со своей группой из 10 сбр, ворвавшись в элеватор, добивал немцев на 2-м этаже, и многое другое. Вот, например, можно привести боевое донесение 35-й гв.сд, подписанное Дубянским и Лисичкиным от 16.00 16.9.42. В нем командир и комиссар дивизии со всей (неразборчиво) им ответственностью сообщали, что: «У элеватора обороняются 10-я мотострелковая бригада и 131-я сд, ведут упорный бой». А Павленко, очевидно, считает, что Дубянский и Лисичкин в боевом донесении ввали, и считает, что 10-я сбр была правее 102-го гв.сп (оказывается, 102 гв. сп оборонялся правее элеватора, т.е. все три полка 35-й сд, вся дивизия была в районе элеватора, а кто оборонял рубеж дивизии, указанный в приказе (от консервного завода до берега Волги), неизвестно. Хотя во всех донесениях командования дивизии речь идет о том, что она воюет именно на этом рубеже.

Павленко в письме ко мне самоуверенно заявил: *«Именно 100-й полк оборонял элеватор, комиссар батальона этого полка и по сей день жив — это Красносельский В.А. Он лучше нас знает, что было с элеватором до 17 сентября, а с 17-го я был сам там вместе с Хозяиновым».*

Он как бы ссылается на авторитет Красносельского и на Вас.

Но ветеран 35-й гв. сд Василий Полиенко, который, если Вы помните, был в Волгограде на празд-

новании 30-летия разгрома немцев под Сталинградом в январе-феврале 1973-го года (он жил в том же общежитии, что и мы, и посещал все мероприятия вместе с нами), так этот Полиенко в апреле 1973 г. писал Рукавцову: *«Я получил письмо от бывшего комиссара 3-го сб 100-го гв.сн Красносельского В.А. Он был возмущен решениями, принятыми на собрании ветеранов 35-й гв.сд в Чертково. Ему выслали протокол, где было принято решение: «Утвердить список защитников элеватора» в том числе: Красносельского, Павленко и других. Он (Красносельский) спрашивает: «Кому это нужно? Павленко? Так он там даже не был, и пусть он не врет. Кто он такой? Он многое себе приписывает. Ветераны его не знали ни по Сталинграду, ни по другим боям».*

Вот как отозвался о Павленко тот, на авторитет которого он ссылался. И что это за смехотворное утверждение списка участников боя за элеватор? Видно, много у них претендентов.

Вот так обстоят дела с вопросом: кто участвовал в обороне здания элеватора.

Сперва я тоже считал, что 35-я гвардейская участвовала в ней. Но, вникнув в вопрос поглубже, я пришел сейчас к твердому убеждению, что с 17-го сентября элеватор оборонялся группой Полякова из 10-й сбр. Они располагали небольшими силами (несколько больше 20-ти человек, т.к. начинали атаку 27 человек, а ведь были и потери, вероятно, не менее 7 человек).

В ночь на 19 сентября (перед утром) в гарнизон элеватора влился Ваш взвод. Я считаю, что он был основой обороны, т.к. по количеству людей у Вас было почти равенство с группой Полякова, а по вооружению Ваш взвод был гораздо сильнее группы Полякова. Но дело не в этом, а в том, что никаких полков

35-й гв. сд в элеваторе не было. Им хватало работы на рубеже консервный завод — Волга, который приказано было оборонять этой дивизии.

Конечно, в составе гарнизона элеватора могли быть бойцы и командиры других соединений, в т.ч. и 35-й гв.сд (они могли быть задержаны заградотрядом 10-й сбр и направлены в группу Полякова, могли выходить из окружения и примкнуть к защитникам элеватора, могли остаться наблюдатели и мед. работники медпункта, располагавшихся до этого в элеваторе; после захвата немцами элеватора они могли укрываться в подвале или в близлежащих помещениях, а потом, когда появились наши, они вышли из укрытий). Но все это отдельные лица, а не подразделения, представляющие свои части и соединения. Если они и сражались за элеватор, то под флагом группы Полякова и взвода Хозяинова. Они не имели сколько-нибудь решающего значения. Возможно, и взвод Павленко был послан на помощь (в чем я сомневаюсь). Но это пока не доказано. Наоборот, многое из известного нам исключает такой факт, а большая лживость заявлений Павленко усиливает недоверие к нему и его утверждениям.

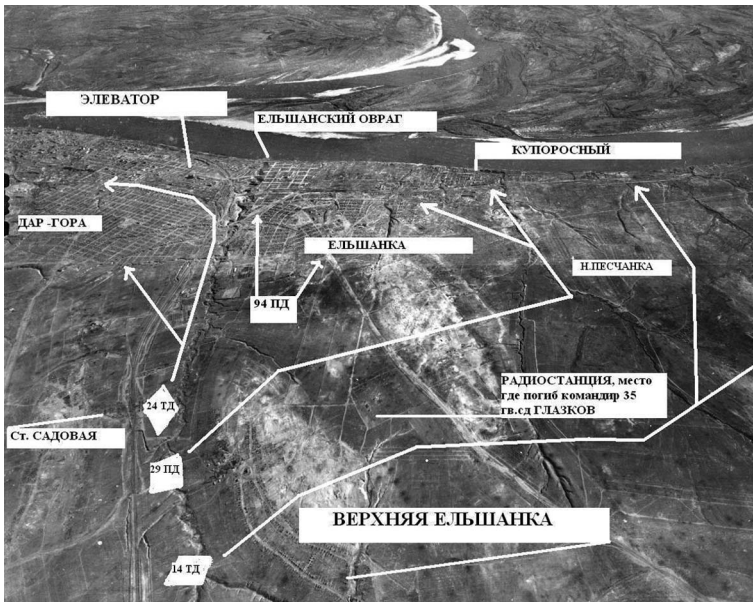
Андрей Осипович, Вы хоть помните этого Павленко? Можете Вы уверенно сказать, что видели его в элеваторе?

На этом закончу рассуждения об элеваторе и о Павленко...

В данном рассказе Николай Федорович Емельяненко, увлекаясь критикой Александра Андреевича Павленко, забывает, что тот честно выполнял свой долг солдата, находясь на правом берегу. А.А. Павленко не прятался за спины товарищей как начальник артиллерии 92-й ОСБр Петр Семенович Кереселидзе и др.

*Переправа артиллерии на десантных лодках А-3.
Осень 1942 года*

*Направление ударов немецких дивизий 4-ой та Гота с 8.9 по
14.9.42 в районе Верхняя Ельшанка- Купоросное*

Рассказ танкиста

Выдержки из книги Израила Зинделевича Посталовского «Мгновения войны. Сталинград и далее»

Июль—сентябрь 1942 года, Калач—Сталинград

В июле 1942 несколько наших танков были брошены в станицу Калач. Наши разведчики узнали, что через станицу на Сталинград хочет прорваться большая стая немецких танков. А чтобы легче это было сделать, враг решил сперва разбомбить Калач. Так и случилось. Но как только улетели немецкие бомбовозы, появились мы. У нас был строжайший приказ: замаскироваться и отбить врага. Над станицей еще стоял дым пожарищ, смешанный с тучами пыли, а мы уже маскировались. Сделать это было нетрудно. Развалили и обломков было полно. Быстро обложили мы машину досками, обломками стен. Даже если близко подойдешь, и то не догадаешься, что здесь затаилась грозная для немцев машина. Конечно, перед пушкой и пулеметами убрали все, чтобы легче было стрелять. Сидим в машине и ждем. Стоит такая тишина, хоть уши затыкай. Так часто бывает перед боем. И вдруг рядом, совсем рядом, снаружи раздалось плачущее «мяу». Мы удивились: разве в этом аду могло что-нибудь живое выжить? Просящее, тревожное «мяу» повторилось уже с другой стороны танка. Наш радист, Володя Смилга, заерзал внизу на своем сиденье: «Командир, может, возьмем? Животное ведь». — «Я тебе дам кошку! Тут что — зоопарк?» И снова «мяу». На этот раз не выдержал наш водитель, Саша Серебряков. Ему тогда было всего 23, а был уже седым. От границы отступал. За год войны успел дважды гореть, заикался после контузии и, наверное, поэтому не любил говорить. На этот раз он выдавил из себя: «Командир, разреши!»

— Ну, хорошо, Володя, айн — цвай — и отгони от машины эту плаксу.

Эти два немецких слова наш командир говорил лишь в случаях, когда хотел подчеркнуть важность выполнения задания. Кажется, это были единственные немецкие слова, которые он вообще знал. «Айн — цвай» действительно получилось. А вот отогнать усатую плаксу не удалось. В переднем люке появился Володя с черным красавцем котом. Мы обомлели и рассматривали его, как выходца с другой планеты. «Может, оставим, командир?» — «Погибнет он с нами. Что ему в железной коробке делать? Мышей нет...» Володя на прощание прижал к себе кота, а тот вдруг лапками обхватил шею своего спасителя. Мы обомлели. «Родной мой, Черныш!» Судьба кота была решена. Каждому из нас казалось, что с Чернышом (так за ним это имя и осталось) к нам пришла частичка нашего нежного далекого дома. А тогда нам это нужно было больше всего. Пару дней Черныш страшно мучился. Особенно в первый день, когда немцы ринулись на нас, и пришлось много стрелять, а Черныш совсем не выносил стрельбы.

Спрятать его от начальства нам не удалось. Через два дня вечером на своем КВ к пункту сбора подъехал сам комбат Иванов, человек суровый и грубый. Он за что-то отчитал командира соседней машины и затем подошел к нам. О Черныше он, оказывается, уже знал. Иванов нагнулся над тряпками около гусеницы, на которых спал Черныш, совершенно измотанный прошедшим днем непрерывного боя. Я увидел, как он нежно погладил кота. Мы стояли вокруг, ожидая страшного «Убрать!». А Иванов встал и, помолчав, тихо сказал: «Жаль, пропадет он у вас». Мы поняли, что Черныш для него тоже не просто случайно подобранное, бездомное животное. Для нас всех этот кот не был

уже пустяком. Но что же делать с ним? На следующий день Черныш сам неожиданно подсказал ответ. Конечно, он об этом даже и не подозревал. А случилось вот что.

Мы стояли в Сальской степи, километрах в трех от 74-го разъезда Сталинград—Котельниково. Все помогали Серебрякову: что-то не ладилось с двигателем. Володя сидел на своей башне с верным другом Чернышом. Вдруг тот, как будто чем-то испуганный, вырвался из рук своего благодетеля, нырнул к нам в башню и забился в свою гильзу, где он обычно прятался во время стрельбы. Володя сперва удивился поведению своего друга, но через полминуты из степи вынырнули три немецких «мессершмитта», расстреливая все живое вокруг. Стало ясно: Черныш как-то учуял появление самолетов до того, как они показались. Володя немедленно доложил нам об этом.

Через несколько дней соседние машины уже следили за нами. Красный флажок на башне означал: Черныш нырнул в убежище и надо ждать «гостей». Осечек не бывало. Была тревога и пехота вокруг нас. Все уже знали историю со странным котом. Черныш стал нашим постоянным вахтенным. Думаю, что многие солдаты обязаны ему своей жизнью. В короткие перерывы между атаками мы ломали себе голову над тайной поведения Черныша. Потом сошлись на одном: во время бомбежки в Калаче он (возможно, со своим хозяином) стал жертвой нападения «мессершмиттов». У этих немецких истребителей своеобразный свистящий звук двигателя. Кот слышал этот звук гораздо раньше людей. Видно, сильно досадил ему «мессершмитт» тогда, в Калаче. Звук самолетного двигателя стал для Черныша сигналом приближающейся смерти, ужаса. Вполне возможно, что так оно и было. Кошки ведь существа очень разумные, с тонкой психикой.

Шли дни с непрерывными боями. К Чернышу мы стали относиться не покровительственно, а как к своему боевому товарищу. Володя его вообще боготворил. Кот платил тем же. Когда Чернышу становилось особенно тоскливо, он прижимался к Володе. Мы завидовали обоим: такую любовь и преданность не часто встретишь. Конечно, было очень неприятно смотреть, как во время стрельбы из нашей пушки Черныш забивался в свою гильзу и дрожал там. Но мы его понимали. Ему просто не надо было скрывать своего страха перед смертью, как нам. В этом была вся разница. Но после боя кот успокаивался и ходил по машине, как по своему дому.

Весь июль и август мы воевали в одном экипаже с отважным Чернышом. Были подбиты и горели другие КВ из нашей бригады, а мы, как заколдованные, выходили невредимыми из ада танковых атак. Но все чувствовали, что долго так продолжаться не может и скоро настанет наш черед. Ведь войну не обманешь. Чувство предстоящей беды не покидало нас, особенно в страшные сентябрьские дни 1942 года. Володя попытался отправить Черныша в штаб с тыловиками, привозившими нам ночью воду, еду, снаряды и горючее для танков. Но было уже поздно. Город горел, а дорога к нам стала совсем опасной. Иногда снабженцы приползали к нам, таща за собой ящики со снарядами, мешки с едой. Многие не доходили. А потом... Потом случилось то, чего и следовало ожидать.

В ночь на 14 сентября немцы прорвались, и мы оказались в их тылу. Через сутки попытались отойти к переправе, но попали в засаду. Нас обстреливали. Снаряд угодил в переднюю часть КВ. Смилга, Серебряков и Черныш погибли сразу. Машина вспыхнула. Меня, раненого, и заряжающего вытащили из горящей машины

подоспевшие откуда-то пехотинцы и понесли с собой в сторону, где шел бой. Во главе группы стоял лейтенант. Группа остановилась в доме на перекрестке каких-то улиц и стала поспешно закрепляться. К утру дом был окружен немцами, которые пытались нас любой ценой уничтожить. Бой шел целый день. Из семнадцати человек к вечеру осталось семь. Боеприпасы закончились. Решено было прорываться к Волге. Под утро нам это удалось.

Много месяцев провалялся я в госпитале. Он находился на другом берегу, недалеко от города. Однажды в феврале, когда немцев наконец доби́ли в котле, отпросился я на сутки в Сталинград. Я уже встал на ноги и мог уже через месяц-полтора снова идти на фронт. Поэтому мне и разрешили съездить на могилу моих товарищей. Тем более что в город отправлялась госпитальная машина с врачами. Среди развалин в районе элеватора я с трудом нашел обгоревшую коробку нашего КВ. Постоял, погоревал. А потом рядом поставил заранее изготовленную в госпитале дощечку с надписью: «Люди, поклонитесь этому месту. Здесь погибли отличные парни: техник-лейтенант Александр Серебряков, сержант Володя Смилга и наш боевой друг Черныш». Пехотинец, который помогал мне устанавливать памятную дощечку, спросил: «А имя-то какое у Черныша? Не годится быть солдату без имени». Я отвернулся. У меня не было права на слезы. Ведь до конца войны было еще очень и очень далеко...

Немцы ворвались в город. Из нашей бригады, судя по рассказам проби́вшегося к нам разведчика, осталось машин 5-6. Разбросаны они по всему периметру прорыва немцев. На них опираются часто отдельные сопротивляющиеся группы пехоты. Ничего конкретного о судьбе наших товарищей разведчик не знает. Пробрался

он к нам с большим трудом. А как нашел в темноте — просто загадка. Он смеется: «У меня нюх на ваши КВ».

Впрочем, ему было лучше не смеяться. Он ранен в плечо, а напарник, с которым он полз к нам, был убит недалеко от места, где мы стоим. От разведчика узнаем много для нас полезного. С помощью осветительных ракет немцы пытаются сейчас создать впечатление, что их фронт — сплошной и что те из наших, которые остались у них в тылу и сопротивляются, все равно отрезаны безвозвратно. Но это не совсем так. Во всяком случае — на сегодняшнюю ночь фронт еще не сплошной. Устный приказ нашего комбрига Родина — действовать по обстановке. Главное — без приказа не отходить. Если нет снарядов, — просить, хоть немного, у наших артиллеристов. Одна батарея 76 мм орудий должна быть где-то рядом. Возможно, что в нашем районе имеются также подбитые «тридцатьчетверки». Забрать у них снаряды. Особенно рекомендуется беречь горючее. Понадобится для прорыва. К утру ждать сигнала атаки с целью деблокирования двух наших окруженных групп пехоты. Сигнал — серия зеленых ракет по линии фронта в направлении движения. Приказ был почти фантастическим и совсем не похож на то, что обычно приказывал наш комбриг. Как мы могли в темноте, наполненной немецкими частями, искать наших артиллеристов или подбитые «тридцатьчетверки»? Немецкие колонны непрерывно шли к передовой, а мы в своем могучем на вид «КВ» почти, безоружны. Ни одного снаряда, а на три наших пулемета — семь дисков. Но приказ есть приказ. Только никого и ничто мы уже не искали.

Это бесполезно. Мы ждали зеленых ракет. Не дождались. Так мы еще на один день остались в нашем магазине. Да, в обычном магазине. Дело в том, что вчера вечером мы сменили свои позиции и задним ходом

вломилась в широкие окна какого-то здания. Нам повезло — оно было построено без подвального помещения и с нами не случилось то, что произошло с соседней машиной из первого батальона. Она провалилась в глубокий подвал, наполненный водой. Экипаж даже не успел открыть люки. Все утонули. Об этом мы узнали только вечером, когда помочь уже нельзя было. Впрочем, что значит «повезло — не повезло». Все это на войне относительно. Нам тоже не очень повезло — мы оказались в магазине, но только в обувном, а не в продуктовом, как нам нужно. Со всех сторон нас окружали полки с кирзовыми сапогами, летними сандалиями и обувным кремом. А мы, между прочим, уже второй день сидим голодными. Значит, судьба так захотела. Мы <должны> исправить ее промахи.

В обувном зале довольно уютно. Быстро замаскировали пролом, сделанный танком в стене, и тщательно замели гусеничные следы, которые могли бы навести на нас немцев. На втором этаже лейтенант приказал устроить что-то вроде наблюдательного пункта. Первым пошел туда Володя.

Его задача — обо всем важном, что происходит вокруг, немедленно докладывать. Все остальные члены экипажа должны спать. Но через 15 минут наш наблюдатель появился и разбудил нас всех. В его руках была корзина со всякой снедью, которую он нашел на втором этаже. Из корзины торчали также две бутылки водки. Лейтенант, прежде всего, вынул бутылки и выбросил их в люк. От принесенного вскоре почти ничего не осталось.

Одну буханку хлеба молча отложили как неприкосновенный запас, на всякий случай. Володя снова ушел наверх. Спали мы всего час-полтора.

Незадолго до утра мимо нас по улице прошла толпа беженцев. Некоторые были с тачками, набитыми по-

клажей. Много женщин с детьми на руках. Шли они молча, сосредоточенно, как на похоронах. Даже совсем маленькие дети на руках матерей молчали, будто боялись плачем выдать свое присутствие. Люди шли в сторону переправы. Минут через 15 мы услышали пулеметные очереди из того направления, куда ушли беженцы. Назад никто не возвратился. А мы сидим в своем «КВ» и молчим. Сон как рукой сняло.

Мы тоже боимся выдать себя. Но на это у нас приказ. Наш час еще придет. Как только какой-нибудь захудалый «фриц» нас обнаружит, мы помчимся, возможно, тоже навстречу своей смерти. Безропотно мы к ней не пойдём.

Все-таки у нас семь пулеметных дисков и широкие гусеницы, которыми не раз давили не только самих пришельцев, но и сталь их орудий.

Мимо промчалась колонна немецких бронетранспортеров, а за ними, как на параде, с открытыми люками шли средние танки. Их — штук 15. Где-то впереди идет бой. Судя по сигнальным ракетам — километра два от нас. Это уже ближе к Волге, чем было вчера. Санитарные машины идут с передовой наполненные своим грузом. Нет, нелегко достается фрицам Сталинград, очень нелегко. В сторону фронта мимо нас мчится новая колонна танков. Среди них замечаем также тяжелые. Сегодня под вечер или завтра утром немцы, судя по всему, сделают попытку наконец прорваться к Волге. С передовой два трактора тащат несколько исковерканных бронетранспортеров. За ними — небольшая группа санитаров. Их — человек <>

Во главе два офицера. Они останавливаются напротив нас. Слышу — один из офицеров обращается ко второму: «Господин майор! Может, осмотрим этот трехэтажный особнячок? Тут мы сможем оборудовать перевязочный пункт». Майор молчит. Представ-

ляю себе, как он окидывает оценивающим взглядом наше здание, которое выделяется на фоне горящего где-то дома.

Если бы он знал, что в эти секунды решает не только нашу, но и свою судьбу! «Нет, дом выделяется среди других. Русские батареи с того берега его быстро засекут. Поищем дальше». Второй офицер, наверно не очень доволен отказом. Дурачок! Ему бы молиться на своего майора! После моего перевода диалога наш командир, наконец, решается: «Если к вечеру нас не обнаружат, то в 10 часов уходим. Ориентир — элеватор. Вечером наши Илы отбомбились в 500-600 метрах от него. Там — передовая». Мы молчим. Значит, скоро снова будем играть в лотерею войны, почти всегда проигрывающую, во всяком случае, здесь, в Сталинграде.

Часов в 9 вечера. Темь с отблесками ближнего пожара. Володя докладывает: «По улице идет одинокая фигура. Видимо — солдат или офицер». Наш лейтенант решает: «Надо захватить. Нам нужны дополнительные данные о передовой». На эту операцию направляется наш водитель. Кулак у него тяжелый. Когда человек проходит мимо нас, Серебряков бросается на него, глушит и тащит в обувной зал, где в дальнем углу, за машиной, мы уже ждем свою добычу. Горит свеча. На солдате униформа вермахта, но без всяких отличий. Человек приходит в себя, хотя, видимо, совсем не осознает, в чьи руки он попал. Мы ведь все в комбинезонах и танкошлемах. Допрашиваю я. Пленный почти кричит и не слушает моих вопросов.

Перевозжу: «Я — доброволец. Подносчик патронов. Я верен нашему фюреру. Не убивайте меня. Я свой». Странный, очень странный акцент. «Ты — немец?» - «О нет. Я русский. Я — из Рязани. Но я доброволец». Володя не выдерживает и кричит: «Так говори же по-

русски, сволочь». Мы ошарашены. Сам пленный тоже только сейчас начинает понимать — кто мы. Лейтенант уже по-русски уточняет с ним, где проходит линия фронта.

Выясняется еще, что недалеко отсюда, квартала три-четыре, обороняется одна группа наших солдат. Этой ночью с ними решено покончить.

Лейтенант вдруг теряет всякий интерес к пленному и мимоходом говорит водителю: «Пристрели эту мразь из Рязани». Через минуту в пистолете Серебрякова становится на один патрон меньше.

10 часов вечера. Мы снимаем доски и створки вырванных дверей, которыми прикрыта передняя часть «КВ» в проломе стены. По предложению Володи мы набрасываем для маскировки на дуло бесполезного уже орудия большой кусок ткани, найденной в магазине. В темноте наша машина похожа теперь на какое-то непонятное лязгающее гусеницами чудовище. Менее всего в нем можно угадать контуры «КВ». Пока немцы разберутся, что перед ними, мы, возможно, выиграем время и сделаем то, что должны сделать. Медленно, как будто нехотя, двигаемся с открытыми люками туда, куда указал «доброволец из Рязани», к дому, который еще сражается. По дороге не трогаем группу немцев, видимо связистов, идущих нам навстречу со стороны передовой. Они с удивлением смотрят на нашу зачехленную громадину с необычно широкими гусеницами. Подъезжаем к дому, где засела наша пехота. Часть его уже в огне. Немцы ведут интенсивный обстрел трассирующими пулями. Из второго и третьего этажей изредка раздаются ответные пулеметные очереди. По подвалу бьют ранцевые огнеметчики. Дом обстреливается со всех сторон. Сбрасываем маскировку и, стреляя из всех пулеметов, делаем круг вокруг осажденного дома, давя по пути все, что только по-

падает. Под гусеницами оказываются несколько машин с запасами горючего для огнеметов и мелкие группы немцев, ошалевших от неожиданного нападения из темноты. Многие в панике убегают. Стрельба прекращается. Осажденные сперва ничего не понимают, а потом выбираются из дома и бегут к нам. Лейтенант кричит: «Где раненные? Сколько их?» — «В подвале. Их много». Немцы, кажется, приходят в себя. Откуда-то из темноты по машине начинает бить пулемет. Пока пули несутся только над нами. Но скоро пристреляются. Надо спешить. Взрыв снаряда.

Еще минут пять, и мы отсюда уже не уйдем. Лейтенант кричит: «Кто может — на броню. Уходим!» Позади, за башней и на ней — человек 8-10. Это много, слишком много. Удержатся ли на броне? Мы вырываемся в темноту и проносимся по какой-то узкой улочке. Потом с грохотом пересекаем перекресток. Мы все сейчас, видимо, думаем об одном: «Раненых оставили. Могли бы мы поступить иначе?» А ведь у меня еще остался целый диск для ДТ. Немецкие ракеты то впереди, то сзади. Идет ожесточенный ночной бой, да еще в горящем городе Вспышка справа. Сидящих на броне сметает на землю. Вторая вспышка уже внутри машины. Автоматически фиксирую — попадание в передний правый борт. Теряю сознание от страшной режущей боли в правой ноге. Скоро прихожу в себя. Огонь рвется из передней части, а уйти от него наверх не могу. Что-то держит мою левую ногу. Ее уже гложет огонь. Кричу от боли. Какой-то солдат вырывает меня из западни и выталкивает через люк. Другой человек подхватывает меня и несет от машины. Рядом со мной ведут моего заряжающего. Он, видимо, контужен и шатается. «Где лейтенант? Неужели Володя и Серебряков погибли?» Эти вопросы в голове. Несущего меня солдата спрашиваю: «Куда идем?» —

«Сейчас узнаешь, дружище. Командир, подойди!» Мелодичный спокойный голос. Говорящего не вижу. «Хорошо, что ты пришел в себя, танкист. У нашего взвода боевое задание — оборонять дом на том углу. Сейчас мы спешим туда. Тебя и твоего друга мы вытащили из горящей машины. Оставлять вас там нельзя было — там уже немцы. Мы решили вас взять с собой, в наш дом. А завтра, если выживем, отправим за Волгу. Так что ни о чем больше не спрашивай. Мы наш дом будем оборонять до конца. И тебя с твоим другом заодно. Договорились?»

Через тридцать минут мы прибыли в какой-то полуразрушенный четырехэтажный дом. Он стоял на углу двух не очень широких улиц. Рядом горящее строение освещало все вокруг. Нас вытащили на второй этаж, в комнату, где размещалось ядро группы. Немедленно началось «благоустройство» новой позиции. Командовали всем лейтенант и его помощник — старшина. Их слушали беспрекословно. Выставлены были караулы. Окна, выходящие на улицу, забаррикадировали мебелью и всяким домашним хламом, могущим задержать пули. Два солдата были посланы в разведку в подвал. Они пришли минут через двадцать и доложили, что подвал в одном месте полузатоплен, но у одного окна подвала, выходящего на улицу, есть хорошее сухое место для единственного в группе противотанкового ружья. Солдаты также узнали, что в подвале соседнего дома, прячется небольшая группа женщин и детей. Они не успели уйти.

Настало утро. А потом началось... Лучшие не вспоминать, как прошел этот проклятый день. Его итоги мы подвели вечером, оглохшие и вконец измученные непрерывной стрельбой и взрывами. Выбить нас из дома немцам не удалось. Собственно говоря, и дома-то уже не было. От него остался один наш подвал, с огром-

ной кучей битых кирпичей над ним. Но подвал остался нашим. Перед домом стоял чадающий немецкий танк, подбитый нашим ПТР еще днем. Из 17 человек, пришедших ночью в этот дом, осталось только 7.

Остались лейтенант, раненый в левую руку, старшина, эвенк и еще несколько солдат, не считая, конечно, нас — остатков экипажа «КВ». А эвенк оказался просто замечательным парнем. Из обычной линейной винтовки он выбивал немцев даже на расстоянии полкилометра. Когда немцы попытались применить пехоту с ранцевыми огнеметами, он просто расстрелял их до того, как они успели сделать первый выстрел. Помогал он и мне, когда немцы стали нажимать в секторе моего окна, где я лежал с автоматом. Всего враг потерял около дома за один день солдат 28-30. Но патронов уже почти не осталось. Было решено ночью пробиться к своим. Самой большой проблемой оказался я, со своей ногой. Пришлось тащить. Под утро мы все-таки пробились к нашим. Нас дошло 5 человек. В самом конце, когда уже виднелась Волга, погиб эвенк. Автоматная очередь прошила его грудь.

Стрелявшего немца тут же прикончили. Но нам стало совсем скверно без нашего эвенка.

Повсеместно вспыхивают султаны взрывов от наших батарей, которые хорошо пристрелялись к немецким позициям и не дают им покоя. Не будет им покоя, не будет у них Победы...

Командир танка КВ-1 Владимир Смилга согласно ОБД погиб 16 сентября 1942 г.

15 сентября немецкие войска подошли к никем не занятому элеватору. Однако данные о захвате элеватора в этот день не были отражены в немецких донесениях и картах

Немецкие пехотинцы 295 пд на южных склонах Мамаева кургана. Сентябрь 1942 г.

О 131-й стрелковой дивизии

(ф. 131 сд, оп. 1, д.3, лл. 2-5 об.)

В составе 1-й резервной армии (зам. командующего генерал-лейтенант В.И. Чуйков) 131 дивизия 12 июля из Тульской области выбывает под Сталинград, где с 19 по 24 июля 1942 года (в составе 64-й армии) находясь в резерве Сталинградского фронта вблизи г. Калач, приступает к оборонительным работам на рубеже: Калач — Аверинский.

С 7 августа 131-я СД переходит в состав 62-й армии Юго-Восточного фронта, где ведет упорные оборонительные бои на правом и левом берегах Дона на подступах к Сталинграду и в итоге 8 сентября оказывается вблизи юго-западной окраины города южнее станции Воропоново в районе Песчанки и Стародубовки. Правым соседом является 35 гв. СД, защищающая ст. Воропоново. После отхода 35 гв. сд полоса правее 131 сд никем не прикрывалась, противник имел возможность беспрепятственного выхода к Волге в районе пристани Купоросное.

Для прикрытия от проникновения противника в южном направлении дивизия имела незначительный заслон в количестве 50-60 активных штыков на полтора-два километра, поддержанных артиллерией дивизии /10 орудий/. Артиллерия своим огнем воспрепятствовала продвижению противника в восточном и южном направлениях.

В конце дня 9.9.42 г. противник танками и мотопехотой прорвал линию фронта на стыке с соседом слева 204-й сд.

743 сп и правофланговый полк 204 сд в результате сложившейся обстановки были окружены в р-не южнее Стародубовка. Из окружения вышли лишь отдельные группы бойцов и командиров.

482 и 593 сп в течение 9.9.42 г. и в ночь на 10.9.42 г., находясь в полуокружении, вели упорные оборонительные бои с наступающим противником, поддержанным танками и авиацией.

К 10.00 10.9.42 г. 432 и 593 сп с боем вышли из полуокружения и сосредоточились в районе свх. Горная Поляна, Бекетовка.

Противник после прорыва обороны 35-й гв. СД и после отхода частей 131-й СД из района Песчанка, Стародубовка к исходу 9.9.42 г. овладел Купоросное и вышел на берег Волги, разрезав фронт между 62 и 64 армиями. 131 сд оказалась отрезанной от состава 62 армии.

432 сп дивизии, пополненный за счет спецподразделений и артполка до 350 активных бойцов и штыков, после тщательной разведки в ночь на 11.9.42 г. атаковал прорвавшегося в район Купоросное противника. В результате ожесточенного боя с 3-м батальоном 71-го пп 29-й мд противника Купоросное было занято.

К исходу 11.9.42 г. 432 полк перешел к обороне по линии ж.д. зап. Купоросное, установил стык 62-й и 64-й армий и вошел в тесную связь с частями 62-й армии — 100-м сп 35-й гв. сд и 126-й сд.

В ночь на 13.9.42 г. 131 сд сдала обороняемый рубеж у Купоросное частям 35 гв. СД и к 6.00 13.9.42 г. заняла оборону: зап. окраина Ельшанки, Ниж. Ельшанка с задачей: не допустить противника в Сталинград.

Бои 131-й СД на южной окраине Сталинграда

С 13 по 15.9.42 г. 131 сд продолжала упорно оборонять рубеж в районе Ельшанки.

Противник танками и пехотой неоднократно переходил в атаки на передний край дивизии и, не-

смотря на превосходство в живой силе и технике, не имел успеха.

С утра 15.9.42 г. противник возобновил атаки, бросая в бой танки и автоматчиков... Сражение постепенно перешло в ожесточенные уличные схватки. Особенно ожесточенные бои 593-го сп дивизии совместно с частями 10-й СБр и 244-й СД развернулись восточнее ст. Садовая в районе кожзавода. В итоге противник занял ст. Сталинград II и вдоль ж.д. вышел к мосту через р. Царица. В районе кожзавода попали в окружение остатки 593 сп /40-50 чел./ вместе с командиром и штабом полка, на Дар-горе оказались в окружении части 244-й СД.

В этот же день штабу 131-й СД пришлось непосредственно отбивать атаки на КП дивизии вблизи лесопильного завода.

16.9.42 г. остатки 131-й дивизии — 482 сп и 409 ап в составе 60-70 активных штыков отошли в район элеват ора, где продолжали вести упорные уличные бои, сдерживая натиск противника, не допуская его продвижения в глубь Сталинграда.

22.9.42 г. 131 сд сдала занимаемый рубеж обороны 92-й морской бригаде и вышла в резерв фронта. Последние самые напряженные бои 131 сд вела под командованием замкомдива 131 подполковника Русина Леонида Константиновича, который по приказу замначальника штаба 62-й армии комбрига Елисеева в ночь на 23.9.42 г. эвакуировал раненых с правого берега и переправил остатки дивизии на левый берег.

24 сентября 1942 г. по представлению начальника ОО НКВД 131 СД лейтенанта госбезопасности Ханиса Наума Львовича Л.К. Русинов был осужден ВТ 62 армии на 10 лет ИТР и согласно его УПК ЦАМО РФ вышел из заключения ровно через 10 лет — 25 сентября 1952 года.

Из воспоминаний Русинова Леонида Константиновича

(Фонд музея-панорамы «Сталинградская битва».

Волгоград. Инв. № 2799 н/вдо п.561)

Русинов Леонид Константинович, род. 1 декабря 1898 г в г. Путивль, Курская обл. Сын офицера из крестьян. В 1916 г. после окончания Полтавского реального училища пошел добровольцем на фронт, откуда был направлен на учебу в Михайловское артиллерийское училище, которое окончил 15 февраля 1917 и в чине прапорщика поступил в действующую армию... В Сталинградской битве беспартийный подполковник Русинов участвовал с 25 июля по 24 сентября 1942 г. в должности заместителя командира 131 стрелковой дивизии.

...Дивизия формировалась в Кирове (Вятка) и при- была на западный берег излучины Дона, где 62-я армия приняла первый удар немцев. Я в этих боях не участвовал, а прибыл в дивизию в момент отступления дивизии к Калачу и переправе ее через Дон. Я прошел весь боевой путь этой дивизии от Дона до Волги. За это время полнокровная дивизия неоднократно пополнялась, но к 22 сентября в ней оставалось всего несколько сотен бойцов. По приказу 22.09.1942 г. командования, части дивизии, оборонявшие южную окраину Сталинграда, сменила прибывшая в Сталинград морская бригада, а 131 сд была выведена на левый берег Волги для переформирования.

Дивизией командовал полковник Песочин, убитый в конце Отечественной войны. Комиссар дивизии старший батальонный комиссар Нестеров также не дожил до победы. Начальником особого отдела был Ханис Наум Львович 1915 г.р., он сейчас подполковник запаса, живет и работает в Днепропетровске. Т.к. воспоминания писались в 1958 году, память не сохранила фамилии многих сослуживцев, а архив СА в

присылке документов мне отказал. И так, писал лишь то, что помню. Никого из 131 сд я затем не встречал, и хотел бы встретить лишь тех, кто до последнего времени защищал Сталинградскую землю, а не прятался под тем или иным предлогом в обозе за Волгой. Пусть судьей им будет история и их совесть.

Главная военная прокуратура в 1959 году проверяла работу Ханиса и не нашла достаточных оснований для привлечения его к уголовной ответственности...

В июле сорок второго выйдя из Сталинградского госпиталя, я отправился за Волгу в отдел кадров фронта, где получил назначение заместителем командира 131-й сд полковника Песочина. В дивизию приехал во время ее переправы через Дон у Калача — наши войска отступали, старались не попасть в окружение.

Противник старался вклиниться между нашими частями. Немецкий воздушный флот непрерывно бомбил нас, пытаясь прижать к земле. При отступлении к Сталинграду штаб нашей дивизии с его начальником и комиссаром попали в окружение, но на вторую ночь штаб самостоятельно вышли на участок соседей. На подступах к Сталинграду под поселком Ельшанка командный пункт со штабом дивизии расположился в балке. Дивизия таяла, несмотря на пополнения, у нас уже не было непрерывного фронта. Один из наших полков расположился впереди вправо, а два других — впереди влево. Перед штабом был наступающий противник. Немцы подтягивали силы, обстреливали нас минометным, артиллерийским огнем и бомбили с воздуха. Особенно нагло вел себя двухфюзеляжный самолет-разведчик, прозванный «рамой».

Перед наступлением темноты немцы возобновили атаки, прорвались к Волге на стыке нашего право-

флангового полка с полком НКВД. С наступлением темноты я отдал приказ штабу отходить за наш левый фланг, что граничил с 64-й армией — в общем направлении на Бекетовку. На рассвете в лесу мы встретили отходящие остатки нашего левофлангового полка. Основная его часть с командиром и штабом была окружена и попала в плен. Теперь в дивизии оставалось два стрелковых полка, один из которых отошел на южную окраину Сталинграда в свою 62-ю армию, а другой — с командованием, штабом дивизии попал в 64-ю армию.

*Замкомандира 131-й сд
подполковник Русинев Леонид
Константинович в ночь на 23.9.42
вывел остатки дивизии на левый
берег, эвакуировал всех раненых.
24.9.42 г. ОО НКВД 131-й сд был
осужден на 10 лет ИТЛ*

Больной командир дивизии созвал совещание, на котором согласился с моим предложением: всеми силами пробиваться в свою 62-ю армию. Я принял командование дивизией. Полк перешел в наступление во фланг прорвавшемуся противнику, оттеснил его от берега Волги, выбил из поселка Купоросное и занял позиции на южной окраине Сталинграда. Вслед за полком туда же перешел штаб дивизии. 131 сд опять заняла свое место на левом фланге 62-й армии, но уже без одного полка. *Песочин вновь вступил в командование.*

Трудно вспомнить весь ход боев. От полнокровной, неоднократно пополняемой дивизии на передовых позициях оставалось едва 2000 человек. «Линия

фронта» была занята отдельными опорными пунктами. Штаб дивизии расположился в блиндаже неподалеку от берега Волги. Враг обстреливал и бомбил с раннего утра до позднего вечера. С наступлением темноты авиабомбежка прекращалась, но обстрел продолжался. Однако наше сопротивление нарастало с каждым днем. Противник шел уже с опаской: побомбит, постреляет, попытается продвинуться. Встретив сопротивление, остановится, опять бомбит и обстреливает. И так изо дня в день — круглые сутки. Немцы сбрасывали такое количество авиабомб, что их стало не хватать. Тогда начали сбрасывать с самолетов рельсы, бочки из-под бензина с проделанными в них отверстиями. Такая бочка летела со страшным ревом. Их бомбардировщики перед бомбежкой выстраивались в круг, производя бомбометание с пикирования. Перед пикированием включалась сирена, и самолет с воем шел в пике, затем следовал бомбовый удар. Если это в 1940-м году сломило слабонервных французов, то никакой вой в 1942-м на нас уже не действовал. С рассветом появлялись над нашим расположением эти «свистуны» или «музыканты», и так каждый день до позднего вечера. Единственно, чего мы боялись — это наших зажигательных снарядов, так называемых «катюш». Они стреляли с левого берега, и кое-когда по ошибке попадало и нам...

Через несколько дней я был послан в штаб 62-й армии, который помещался на северо-западной окраине города. Пришлось проехать на автомобиле через весь город. Вдоль улиц стояли обгоревшие стены домов, лишь кое-где уцелели отдельные небольшие постройки. Город был пуст. Переправа была забита! На ней было много женщин с детьми и домашним скарбом. Окраины города сохранились лучше. *Кое-где среди обгоревших домов торчали очаги (печи), вок-*

Жительница Сталинграда топит печь в своем разрушенном доме на окраине города. Трофейное немецкое фото

руг которых копошились их хозяева. Люди на окраинах жили в примитивных «убежищах», которые никак не могли спасти от прямого попадания самой маленькой бомбы или снаряда.

Когда наша дивизия с юга подошла к окраинам города, то большинство домов там было еще цело, хотя весь центр города был уже выгоревшим.

Во время движения дивизии от Дона к Волге дивизия потеряла 80% первоначального состава, мне пришлось несколько раз быть на командном пункте 62-й армии. За этот небольшой промежуток времени сменились несколько командармов. Первым из них

был генерал-майор Колпакчи, тогда еще молодой, веселый, стройный. Его я встретил на переправе через Дон, когда мы с членом Военсовета Гуровым инспектировали оборонные мероприятия — это было еще до боев. Колпакчи делился со мной своими оперативными планами «предмостной обороны». Моста не было, вместо него ходил паром.

Армии пришлось, понеся большие потери, отойти за Дон. Колпакчи сменил генерал-майор (Лопатин - В.Ш.), фамилии которого я не помню. Когда я был у него в штабе, то он был какой-то растерянный. В.И. Чуйков в своих мемуарах не называет фамилию своего предшественника, но отмечает: «этот генерал хотел отвести армию за Волгу, за что и был отстранен от командования». *Генерал-майор Крылов, начальник штаба армии, на моих глазах вступил во временное командование армией, лично от него я получил приказ на контрнаступление.* После выхода 131-й сд в резерв для формирования, я был с докладом у вновь назначенного командующего 62-й армией генерал-лейтенанта В.И.Чуйкова. Его КП помещался в обрыве оврага недалеко от западного берега Волги на севере Сталинграда.

Немцы вышли к Волге к северу и югу от города, нарушив «плечевую связь» 62-й армии с ее соседями. 131-я стрелковая дивизия составляла левый фланг армии. В развалины города на южную его окраину начали просачиваться автоматчики противника.

Огромные потери нашей дивизии не могли возместить пополнения, которые с таким трудом получал начальник 4-го отделения штаба дивизии, энергичный майор. *Получилась очень большая диспропорция между некомплектом в полках на передовой и полным комплектом в тылах дивизии за Волгой. В этих условиях командир дивизии решил произвести*

«чистку тылов» за Волгой, поручив ее мне. Нажим со стороны немцев все возрастал. Комдив, полковник Песочин, был нездоров, мне часто приходилось его замещать. В этих условиях я не считал возможным ехать за Волгу и чистку тылов поручил заместителю по тылу.

Противник продвигался шаг за шагом, сжимая полукольцо и стремясь сбросить нас в Волгу. Его автоматчики, пользуясь отсутствием у нас сплошной линии фронта, заняли ряд обгорелых зданий и развалин в нашем расположении. Мне часто тогда думалось: будь мы на месте немцев — давно сбросили бы врага в Волгу! А немец осторожен: засыпает нас минами, непрерывно бомбит, обстреливает, забрасывает листовками.

Все думает, как бы потерять меньше, все выгадывает — хитрит! Много лет спустя, читая «Поход на Сталинград» немецкого генерала Дерра, я понял, почему «хитрил» немец — у него не было резервов для наращивания ударов, он охватил необъятное. Я знал, что немцы воюют «цепочкой»: без достаточных резервов. Но чтобы это носило характер такой авантюры я все же не мог себе представить.

В середине сентября (18 — зачеркнуто) мне с подполковником, помощником комдива по артиллерии, и дивинженером майором Никитиным, пришлось проверять организацию обороны полков. После окончания этой работы я отправил артиллериста и инженера в штаб дивизии для доклада комдиву, а сам решил еще раз побывать на участке правофлангового полка, которым командовал майор Егоров — у него я был ночью — так как на его участке с рассветом немцы начали наступление — разгорался бой.

В этом бою Егоров был ранен, и мне пришлось принять командование полком. До полка Егоров был на-

чальником разведотделения штаба дивизии, он был хорошим штабным офицером, как командир полка он также был на своем месте. Полк, несмотря на многократное превосходство противника, держался стойко, хотя нес большие потери.

Полоса нашей дивизии в глубину теперь измерялась сотнями метров, а в тылу у нас была глубокая и широкая Волга.

Мне запомнился такой эпизод: огонь немцев был так силен, что нельзя было приподнять голову, а в это же время солдат во весь рост несет на своих плечах раненого. Мы долго наблюдали эту картину, пока они оба не скрылись в прибрежных постройках. Особенно сильным был нажим на наш правый фланг и на нашего правого соседа — противник рвался к центру города. По телефону я доложил обстановку в штаб дивизии и сообщил о ранении Егорова. К часу дня на мой командный пункт явился капитан Стариков — начальник штаба артиллерии дивизии. Он имел предписание вступить в командование полком вместо Егорова.

Сдав командование Старикову, я перешел на командный пункт нашего артиллерийского полка. Полком командовал подполковник Большаков, там же был и комиссар полка. Наблюдательный пункт был тут же, на втором этаже уцелевшего здания школы. С него отлично было видно наступление немецкой танковой части. Действие нашей артиллерии подавлялось непрерывной бомбежкой.

Бессонная ночь давала себя знать. Позавтракав у артиллеристов, я под весь этот грохот проспал два часа. Меня разбудил командир полка, доложив: *«понеся огромные потери, наша пехота отходит. Коман-*

Гражданское население Сталинграда в самодельных укрытиях в районе Ельшанки. Осень 1942 года

дир дивизии Песочин перенес свой командный пункт к самой Волге. Со штабом дивизии связь пока есть, мы — штаб артполка, также будем сниматься». Я взял телефонную трубку. Песочина в штабе уже не было. Начальник штаба мне сообщил: «Командир и комиссар уже на берегу, сейчас переходит туда штаб». Я проинформировал его об обстановке и больших потерях, сообщил что капитан Стариков вступил в командование полком, а также о том, что теперь считаю целесообразным отправиться во второй эшелон «чистить тылы», чтобы пополнить остатки наших полков. Начальник штаба со мной согласился и обещал доложить об этом командиру дивизии. К вечеру части дивизии отошли к элеватору, командный пункт был оборудован в трубе под полотном железной дороги. Наступила темная сентябрьская ночь...

В этом месте Волга текла по двум руслам: старому и новому, с островами между ними, ширина каждого русла было около километра, фарватер реки проходил около города, у островов была отмель. Берега

островов поросли густым лозняком, который переходил в лес. Течение реки у города было быстрым с водоворотами, чем ближе к островам, тем спокойнее становилась река. В городе по берегу валялся лесоматериал: бревна разных размеров.

Моя охрана состояла из двух автоматчиков, один из которых был опытным сплавщиком. Он соорудил из бревен плот... К утру мы, со значительным сносом, добрались до острова. На противоположном берегу город был окутан облаком дыма и пыли, на него с воем и свистом пикировали вражеские бомбардировщики, слышно было разрывы бомб, мин, снарядов, пулеметную и ружейную трескотню.

На островах было спокойно, начало осени во всей ее прелести: тронутые золотым багрянцем деревья. Щебет птиц. Так разителен был контраст жизни здесь на острове и смерти там в городе. На этом острове наших тылов не было. Пришлось переплывать через проток на следующий остров, южнее нашего. Этот остров находился против берега Волги, занятого немцами. В бинокль было видно, как привольно они себя там чувствовали. В поселке на острове располагался второй эшелон дивизии. В одном из домиков квартировали: заместитель командира дивизии по тылу, дивизионный инженер и начальник артиллерии дивизии (фамилию не помню). Они доложили мне, что тылы уже «почищены», и все. Все, кого только можно было собрать, отправлены в город. Отдохнув после двух бессонных ночей, я с одним автоматчиком отправился в обратный путь. Второй сержант был оставлен на острове с тем, чтобы постирать белье и запастись продовольствием. Он должен был через сутки также возвратиться. К 17 часам подошла лодка с ранеными. Среди них был адъютант командира дивизии, который доложил: *«атака немцев от-*

бита, наши части заняли прежнее положение. Убит подполковник начальник штаба дивизии, а он, адъютант, ранен. Второе ранение получил сейчас при переезде через Волгу в лодке».

Этой лодкой мы с автоматчиком поплыли обратно в Сталинград. Еще до начала темноты наша лодка причалила к Сталинградскому берегу, где у элеватора занимала оборону 131 стрелковая дивизия. Своим левым флангом дивизия, вернее ее остатки, упиралась в Волгу, а правее оборонялся прежний наш сосед, полк внутренних войск НКВД, тот самый, что был правее нас у Ельшанки. Я застал командира дивизии полковника Песочина и комиссара дивизии старшего батальонного комиссара Нестерова на командном пункте в трубе под железной дорогой. Там же были командир и комиссар артполка. *Уцелевшие орудия полка были уже за Волгой.* Глубина обороны дивизии измерялась сотнями метров и упиралась в Волгу. Песочин и Нестеров обрадовались моему прибытию. *Песочин сообщил: «Есть приказ Военного Совета армии вывести нашу дивизию за Волгу для формирования».* Песочин и Нестеров торопились, темнота быстро наступала, обстановка усложнялась, лодка грузилась ранеными и ее могли угнать.

В городе был слышен упорный бой — противник рвался к реке. На ходу к берегу Песочин сказал: **«Как только части дивизии будут сменены частями морской бригады, уже прибывшей в город, выводите все что осталось на восточный берег. Принимайте командование дивизией. Связь с армией пока есть. Нам с Нестеровым нужно ехать в Военный Совет, чтобы подготовить кадр к отправке на формирование».** *(По всей видимости, это было 18 сентября. Комдив и политрук дивизии спешили любой ценой уехать*

Вид на элеватор и расположенный севернее квартал многоквартирных домов на берегу Волги. На переднем плане частная застройка на Дар-горе. Осень 1942 г.

на левый берег. За подобный проступок 25 сентября были расстреляны командир 92-й бригады подполковник Тарасов и комиссар Андреев. — В.Ш.) Они вскочили в лодку и через несколько минут скрылись в темноте. Молодой лейтенант связи, это все что осталось у меня от штаба дивизии, доложил: «Связь со штабом армии прервана, немцы правее нас вышли к Волге».

В это же время усилилась автоматная стрельба на участке полка НКВД — враг пытался расширить прорыв. Мы были в полукольце, упершись в реку. **Командир и комиссар артиллерийского полка попросили у меня разрешения уехать за Волгу, так как никакой связи со своими орудиями они не имели и о своем отъезде они, как видно, договорились с Песочиным. Я разрешил.** Наступила ночь. На нашем участке было сравнительно спокойно. Мне рассказали все, что здесь произошло днем:

После авиационной, артиллерийской и минометной подготовки, немцы перешли в атаку. Наш полк побежал к реке. Из железнодорожной трубы — командного пункта дивизии — выскочили начальник штаба, который тут же был убит. За ним бросились к реке комдив Песочин и комиссар дивизии Нестеров с адъютантом. В это время навстречу бегущим с револьвером в руке бросился заместитель начальника особого отдела, фамилию которого я не помню, а с ним — три автоматчика с автоматами наперевес. С криками «Куда? Назад!» они повернули в контратаку бегущих. «Ура!» и превосходящий в силе противник побежал обратно, бросая своих убитых и раненых. Наши части заняли свое прежнее положение у элеватора. В этом бою были ранены: проявивший героизм заместитель начальника особого отдела и адъютант командира дивизии. Их эвакуировали. После этого никого из контрразведки при командовании дивизии не осталось, все были вместе со своим начальником Ханисом на восточном берегу Волги. Вступив в командование, я послал распоряжение Ханису прибыть на мой командный пункт, но он это распоряжение не выполнил. Так я стал единоначальником всех находившихся в полукольце войск на южной окраине Сталинграда.

Ночь тянулась. На нашем участке противник не наступал. В городе шел ночной бой. Мы располагали лишь легкими огневыми средствами, даже к батальонным минометам у нас не было мин. Весь наш район находился под сильным артиллерийским и минометным огнем, а с утра и до вечера еще и бомбился.

Раненых сносили в две уцелевшие постройки на берегу. Не было не только врача или фельдшера, но даже медицинской сестры или санитаря, способного оказать им первую помощь. Люди умирали не только от ран, но и от гангрены. Когда я посетил раненых, то услышал

мольбы об эвакуации, мольбы не бросать их. «Лучше пристрелите». У меня нет таланта описать эту душераздирающую картину, но это самое страшное, что я видел в жизни! А за Волгой был наш медико-санитарный батальон в полном составе, его возглавлял военврач III ранга Данилов. Там же за рекой находился и начальник медицинской службы, врач по фамилии Могила. Конечно, не фамилия и место красят человека, но фамилия начсандива, даже для многих легкораненых, оказалась роковой здесь раненые говорили: «Нам поможет только доктор Могила» — какая печальная игра слов!

Горсточка бойцов, оставшаяся от полнокровной 131 стрелковой дивизии, продолжала еще несколько дней отстаивать каждую пядь Сталинградской земли, поливая ее своей кровью.

За ночь противник выйдя к берегу Волги еще и в центральной части города, прервал нашу сухопутную связь с армией, а водную взял под перекрестный обстрел. Таким образом, связь с тылом была прервана. Бомбежка и обстрелы до того усилились, что многие не выходили из укрытий даже по естественным надобностям. Немцы подошли к нашему расположению на 100 метров и кричали в рупор: «Рус, рус, капут, Волга! Переходи к нам!». Но все их попытки перейти в атаку отбивались нашим огнем и контратаками.

Немецкие самолеты сбрасывали не только бомбы, рельсы, бочки, но и листовки. Падая с небольшой высоты, листовки ложились на землю пачками и использовались для курения, для естественных надобностей и конечно читались. На листовках был «пропуск в плен». За чтение таких листовок, особенно за их хранение, при других обстоятельствах, полагался расстрел. В большинстве листовки были грубы, похабны и не могли оказать никакого вли-

яния на советских людей, но попадались и остроумные.

Итак, впереди в ста метрах враг, позади глубокая, быстрая и широкая река, которую немцы обстреливали перекрестным огнем. С каждым днем боеприпасов становилось все меньше и меньше, а наш ответный огонь слабее. Затем они подошли к концу. Медикаменты и продовольствие кончились раньше. В таких условиях мы держались еще трое суток. Когда мы потеряли всякую надежду, неожиданно пришла помощь. **Это было около 12 часов дня. Передовые части морской бригады Северного флота сбили вышедшего к Волге врага, и берег реки правее нас оказался опять в наших руках. Восстановилась связь со штабом 62 Армии. Вскоре на мой командный пункт явился командир батальона морской пехоты и доложил, что ему приказано сменить наши части, другой батальон моряков принимал участок сильно потрепанного полка НКВД. Замену частей я назначил с наступлением темноты.**

Но к вечеру противник опять перешел в наступление и начал яростные атаки, опять прорвался к Волге в центре города, опять отрезав нас и полк НКВД от соседей и штаба армии.

Замену частей пришлось отложить. Имея подтверждение штаба 62 Армии о выводе нас на формирование, командный состав собрался на совещание в блиндаже командира полка войск НКВД. Это было *под вечер 22 сентября 1942 года*. Замена остатков наших частей моряками к тому моменту была закончена. Горели прибрежные постройки. Немецкие автоматчики пытались наступать на нас вдоль берега с севера на юг.

На совещании присутствовали: командир, комиссар и начальник штаба полка НКВД, командир пол-

ка нашей дивизии капитан Стариков, исполнявший должность комиссара полка старший политрук (фамилию не помню), старший уполномоченный особого отдела полка Филин, командир саперной роты, лейтенант-командир роты связи, исполнявший также обязанности моего начальника штаба по совместительству. Как старший по должности на совещании председательствовал я.

Совещание решило: с наступлением темноты, когда противник будет ослеплен горящими на берегу постройками, попытаться достать на восточном берегу лодки. В первую очередь эвакуировать за Волгу всех раненых 131 стрелковой дивизии, полка НКВД и морской пехоты. В 24 часа полку НКВД, на участке которого немцы вышли к Волге, сделать попытку прорваться вдоль берега на север. Вслед за этим полком или переправляться на восточный берег, в зависимости от обстоятельств и наличия к тому времени переправочных средств. В случае неудачи осуществить прорыв, полк НКВД переправляется через Волгу вслед за 131 дивизией, для чего я обязался доставить в его распоряжение с восточного берега все лодки.

С наступлением темноты я получил в свое распоряжение несколько лодок. Саперы приступили к изготовлению из подручного материала плотов. Эвакуация раненых началась немедленно. В 24 часа, когда мы заканчивали погрузку последней партии раненых, на участке полка НКВД усилилась автоматная и пулеметная стрельба. Вскоре прибежал наш офицер связи доложил: «После короткого боя полк НКВД прорвался на север». Я приказал комиссару полка лично проверить, все ли раненые погружены в лодки. Старший политрук проверил и доложил: «Остались лишь умершие от ран». Выставив заслоны, я начал погрузку остатков дивизии сначала на плоты. Лодки с ранеными отплыли на восток, за ними двинулись плоты.

Лодки делали рейс за рейсом. Когда чуть забрезжил рассвет, я вошел в последнюю лодку. Лодка была настолько перегружена, что вода чуть ли не достигала бортов. На западном берегу никого из нашей дивизии не оставалось. Яркий свет от догоравших прибрежных построек стал меркнуть. Перегруженная лодка тронулась. Каждая, даже вблизи разорвавшаяся мина могла быть для нас роковой. Противник вел по реке неприцельный огонь. Я спустил с плеч шнель и снял оружие. Снять сапоги мне было стыдно.

Когда наша лодка причалила к берегу острова, уже порядочно рассвело. Утро 23 сентября. **На острове нас встретили автоматчики, пулеметчики, минометчики, боеприпасы, продовольствие, даже медицинская сестра с медикаментами. На мой вопрос «Что вы здесь делаете?» получил ответ: «Мы прибыли к вам на пополнение, но несколько дней не можем переправиться на западный берег».**

Если мы смогли переправиться на восточный берег, то конечно можно было все это пополнение переправить на западный. Но зачем посылать пополнение, если дивизия идет на формирование в глубокий тыл? Остров встретил нас чудным сентябрьским утром золотой осени.

На противоположном берегу над развалинами го-

*Командир 131-й сд полковник
Песочин Михаил Александрович
(1907-1945)*

рода стоял дым и пыль, слышались разрывы, а также вой сирен пикирующих бомбардировщиков врага. А здесь было тихо, щебетали птицы, ощущалась вся прелесть жизни! **Можно было, «находясь на фронте», получать звания, ордена и «выслугу» по разному: там, в этом окутанном дымом и пылью городе, от которого остаются одни развалины, и за Волгой, среди замечательной русской природы, в это лучшее время года, когда собираются плоды земли.**

Устарела русская пословица: «Или грудь в крестах, или голова в кустах», как устарели и кресты. Мертвым не нужны ни ордена, ни медали. Да и кто из нас о них думал, если не знал, будет ли жив сейчас? Раненых эвакуируют и в большинстве забывают о них и их подвигах. Да и разве есть время и возможность запомнить всех, кто проявил героизм, при таких огромных потерях? Среди командиров взводов, рот, батальонов были такие же большие потери, как среди солдат. А здесь за Волгой все имело свой строгий учет: и выслуга, и заслуга, и «проявленный героизм».

Сталинград остался позади. 131 стрелковая дивизия, прибывшая на фронт и занявшая оборону на западном берегу Дона в составе свыше 13000 человек, теперь тянулась через островок к старому руслу Волги, насчитывая всего лишь несколько сот человек.

Через такое же широкое русло Волги нас перевезла баржа, буксированная пароходом. За Волгой в лесу у села Батраки или Бобыли нас встретил комиссар дивизии Нестеров с колонной автомашин.

Час спустя я сидел в блиндаже начальника особого отдела Ханиса. Блиндаж был оборудован по всем правилам инженерного искусства, в три наката. В блиндаже было просторно. Вокруг, среди молодого леса, были разбиты палатки второго эшелона дивизии.

В блиндаже, кроме хозяина, был командир дивизи-

**ДОНЕСЕНИЕ о численности и боевом составе
131 СД на 20.9.42 г. (ф. 131 СД, оп. 1, д.22, л.13)**

:Нач.состав:Мл.начсост:Ряд состав: Итого

: по штату: факт: по штату: факт: по штату: факт: по штату: факт

Упр. :	82	:	58	:	30	:	14	:	71	:	29	:	183	:	101
див. :		:		:		:		:		:		:		:	
593 сп:	239	:	11	:	746	:	12	:	2395	:	38	:	3380	:	61
743 сп:	239	:	14	:	746	:	3	:	2395	:	15	:	3380	:	32
482 сп:	239	:	11	:	746	:	18	:	2395	:	43	:	3380	:	72
409 ап:	117	:	13	:	213	:	10	:	800	:	25	:	1130	:	48
97 отд:		:		:		:		:		:		:		:	
зен.арг:	7	:	-	:	17	:	-	:	55	:	2	:	79	:	2
бат-н :		:		:		:		:		:		:		:	
492 разв:	6	:	-	:	15	:	-	:	91	:	3	:	112	:	3
рота :		:		:		:		:		:		:		:	
218 отд:	23	:	3	:	25	:	2	:	180	:	13	:	228	:	18
сап. б-н:		:		:		:		:		:		:		:	
154 ОБС:	23	:	3	:	35	:	2	:	120	:	9	:	178	:	14
76 авто:		:		:		:		:		:		:		:	
рота :	13	:	12	:	20	:	16	:	60	:	37	:	93	:	65
225 :		:		:		:		:		:		:		:	
МСБ :	30	:	31	:	19	:	18	:	54	:	44	:	103	:	93
407 пхп:	4	:	3	:	6	:	2	:	86	:	43	:	96	:	48
869 :		:		:		:		:		:		:		:	
ДВЛ :	3	:	3	:	-	:	-	:	8	:	4	:	11	:	7
штабная:		:		:		:		:		:		:		:	
батарея :	6	:	-	:	11	:	-	:	56	:	2	:	54	:	47
НАД :		:		:		:		:		:		:		:	
96 рота :	26	:	-	:	66	:	-	:	120	:	-	:	212	:	-
химзащ:		:		:		:		:		:		:		:	
182 :		:		:		:		:		:		:		:	
ИПТД :	30	:	4	:	61	:	7	:	150	:	4	:	241	:	15
Заград. :		:		:		:		:		:		:		:	
бат-н :		:		:		:	1	:		:	4	:		:	5
Учебн.:		:		:		:		:		:		:		:	
бат-н :	43	:	-	:	64	:	-	:	493	:	-	:	600	:	-
ИТОГО:	1138	:	170	:	2832	:	116	:	9563	:	347	:	13353	:	633

У элеватора в конце сентября 1942 г. Едва закончились бои, к громадному зернохранилищу потянулись местные жители. Его продукция, как и продукты расположенного рядом консервного завода, позволила пережить жестокую зиму 1942—1943 годов многим жителям Сталинграда

Немецкие пехотинцы на перекуре. Сталинград, сентябрь 1942 г.

зии Песочин, комиссар Нестеров, вскоре туда прибыл новый заместитель Ханиса, он же старший следователь Зурахович. Стол был уставлен бутылками, кроме водки были вина, закуска тоже не оставляла желать лучшего. Играл патефон.

После моего доклада, Песочин приказал мне: взять всех людей, которые прибыли со мной, включая пополнение, и везти их обратно, но уже на северную окраину Сталинграда. Там сдать людей, включая командира полка капитана Старикова на пополнение дивизии, номер которой я забыл. Вскоре нам, только что прибывшим из-за Волги, были вновь поданы автомашины и мы поехали на переправу.

Через несколько дней кадр 131 стрелковой дивизии был посажен в ж.д. вагоны и отправлен в Вологодскую область на формирование, после чего 131 стрелковая дивизия воевала уже на Ленинградском фронте в составе 55 армии...

Выдержки из УПК с отметками за 1942 год:

1. ФИО - *Русинов Леонид Константинович*, 2. Родился - *1 декабря 1898 г.*, 3. национальность - *русский*, 4. какими языками владеет и в какой степени - *слабо немецким и французским*, 5. место *рожд. г. Путивль Курской области*, 6. Соц. полож. профессия до призыва в воор. силы - *учащийся, сын офицера из крестьян*, 7. партийность - *б/п*, 8. образование военное - *Михайловское Артиллерийское училище 1917 г. в г. Петроград, курсы при 4-м управлении штаба РККА 1930 г. в г. Москва*; 9. присвоение воин. зван. - *подполковник, ЮЗФ, приказ № 029 от 9.1.42 г.*, 10. Участие на фронтах Отеч. войны: 1) *с 2 июля 1941 г. по 9 января 1942 г. командир 178 армейского запасного стр. полка Юго-Западного фронта*, (этот полк участвовал в защите Киева, затем в боях под Харьковом - В.Ш.), с

25 марта по середину июля 1942 года исполнял должность зам. командира 248-й стр. дивизии 23-й армии; с 19 июля по 24 сентября, будучи заместителем командира на самом деле руководил 131-й стр. дивизией 62-й армии Сталинградского (Юго-Восточного) фронта; 24 сентября 1942 г. арестован лейтенантом госбезопасности начальником ОО НКВД 131 сд Ханисом Наумом Львовичем (вх. № ГУК 030060 от 22.10.42 г.) после чего отсутствовал в СА до 25.9.1952 г.

В конце УПК Русинова Л.К. от руки вписано, что считался заместителем командира 131 СД вплоть до 25 сентября 1952 г. (то есть, находясь в ИТЛ, служил в армии) и от руки же написано мелким 1942 г. почерком: «считать уволенным из кадров СА в запас с 25.9.52 г. по ст. 59 п. «б» (по болезни)».

В графе 11 об участии в гражд. войне сказано: «участвовал в боях с немцами, с Деникиным, с белополяками, бандитизмом с 1918 по 1921 г., 4 ранения: в 1918, 1921 и 1942 г.»

Небольшое послесловие

1. С первых дней войны вместе с майором Л.К. Русиновым стал воевать и его 14-летний сын Георгий Леонидович, ушедший добровольцем на фронт. Отец и сын принимали непосредственное участие в боях при обороне города Киев, в весеннем наступлении 1942 г. на Харьков и в обороне Сталинграда.

За этот период Георгий получил три ранения. После обороны Сталинграда был направлен в Забайкальский военный округ и после освобождения г. Киева приехал к себе на Родину.

В 1950 году закончил институт, в 1954 — аспирантуру и стал работать в Укргипроречтранс в должности главного инженера проектов портов. Его дочь (внучка Л.К. Русинова), закончив школу с золотой медалью поступила в университет».

2. Выдержки из УПК ЦАМО РФ на **Ханиса Наума Львовича**: *родился 11 апреля 1915 г. в г. Николаев, в РКП (б) с 1939 г., образование: 9 классов в 1933 г., школа переподготовки руковод. состава МГБ СССР г. Харьков, вечерний универс. марксизма-ленинизма ВВ г. Киев 1949 г., владение ин. языками: слабо немецким. Воинские звания: л-т госбезопасн. - 2.4.1942 г., ст. л-т госбезопасн. — 26.1.43 г, майор (без приставки госбезопасности) — 26.1.43 г., подполк. — 19.2.47 г.,*

Нач-к ОО НКВД 131 сд, 62 А
л-т госбезопасности Ханис
Наум Львович

Прожхождение службы: ст. оперуполн. ОО НКВД МВО прик. НКВД № 2930 от 7.12.41, нач-к отдела ОО НКВД 131 сд прик. НКВД ЮЗФ № 31 от 3.3.42 г., нач-к отделения ОО НКВД 2 резервн. армии — с 3.10.42 г., нач-к отделения Окр СМЕРШ 63 А — с 6.1.43 г., врид нач. 2 отделения Окр СМЕРШ КВО — с 27.10.44 г.. Приказом нач-ка контрразведки МГБ в/ч — 49430 № 414 от 6.9.52 г. из органов МГБ уволен по сокращению штатов с передачей в кадры СА.

Далее: *Замнач. политотдела 36 полка воздушного наблюдения с 11.9.52 г., зам по политчасти начальника склада авиационно-технического имущества 54 ВА ДВО — с 30.11.55 г. Приказом Главкома ВВС от 14 августа 1957 г. уволен из кадров СА в запас по ст. 59 «В» — (по сокращению штатов).*

Кто из офицеров 10-й ОСБр стоял во главе отряда, защищающего элеватор с 17 по 22 сентября 1942 года

Теперь, имея на руках некоторые материалы о 35-й гвардейской и 131-й дивизиях, мы можем более объективно рассмотреть дошедшие до наших дней сведения о 10-й отдельной стрелковой бригаде и ее командире майоре С.С. Лотоцком.

Пользуясь информацией из ЦАМО СССР, бывший начштаба 92-й ОСБр майор Н.Ф. Емельяненко пришел к выводу: до прихода в элеватор вечером 18 сентября 1942 г. моряков 92-й бригады во главе с мл. л-том А.О. Хозяиновым зернохранилище защищала группа бойцов 10-й стрелковой бригады под командованием ст. л-та М.П. Полякова. Эти данные Николай Федорович почерпнул при чтении архива МО СССР (ф. 8 гв. А, оп. 5487, д.10) и поделился ими с самим А.О. Хозяиновым. К сожалению, мы не знаем (и, наверно, никогда не узнаем) ответ Андрея Осиповича на критические и хорошо аргументированные замечания полковника в отставке Емельяненко в адрес 35-й гв. СД. Ведь у А.О. Хозяинова к тому времени уже были получены процитированные нами ранее письма из Алма-Аты от Бориса Аркадьевича Степанова, в которых командир роты автоматчиков из 10-й СБр утверждал, что именно его рота заняла элеватор и держала его с самого начала без всякого подкрепления до прихода А.О. Хозяинова «со своими морячками». При этом честно сообщалось, что самого Андрея Осиповича Борис Степанов плохо запомнил, но давалась яркая характеристика двух ребят, детали обороны: станковый пулемет на втором этаже, ведущий огонь по наблюдательному пункту

немцев на водокачке: «Вот Вас вспомнить никак не могу, туманно отдельные эпизоды наших с Вами разговоров и действий, а вот отдельных Ваших бойцов помню, и кажется, узнал бы при первой встрече. Хорошо помню раненого снайпера-матроса и его снайперскую винтовку с разбитым прикладом. Он был ранен в лицо, кажется, на третий или четвертый день после Вашего прихода.

Бывший командир 10-й ОСБр с 01.9 по 20.9.42 г. майор Лотоцкий Семен Сергеевич (1907-1976)

Как сейчас помню высокого русоволосого матроса-пулеметчика, который все старался побольше отвернуть лацканы армейской шинели, чтобы было видно тельняшку, а бескозырку держал на груди под шинелью. Умирать собирался матросом — форма парадная. Вспоминается станковый пулемет на втором этаже, и кажется, мы с вами стояли у окна, через которое он вел огонь по НП фрицев на водокачке».

А это строчки из письма Степанова за 19 января 1968 г.: «Вот Вы пишете, что в путеводителе исторических мест Волгограда есть и «Элеватор» и фамилия. Ну я долго вспоминал эти фамилии и не могу припомнить. **Кажутся знакомыми фамилии Назаров, Михайлов...**» Далее Борис Аркадьевич уточняет (см. процитированную выше полную версию письма), что Назаров и Михайлов не были в элеваторе в момент его обороны бойцами роты Степанова и взвода Хо-

зяинова, а пришли туда позднее. (Возможно, Б.А. Степанов вместе с Назаровым и Михайловым шел из штаба бригады в элеватор, а потом, будучи раненым, отстал от них. — В.Ш.)

Далее Б.А. Степанов утверждает, что в элеваторе вместе с ним и Хозяиновым был командир взвода с украинской фамилией, начинающейся на «По» из его роты автоматчиков. С этим офицером лейтенант Степанов был вместе еще под Воронежом.

Далее Б.А. Степанов, прочитавший присланный ему А.О. Хозяиновым путеводитель, сообщает, что часть указанных фамилий была из войск НКВД.

Остался в памяти Б.А. Степанова и такой момент (из письма за 10 марта 1970 г.): *«Да, Героem ты удиви-вил, и откуда он взялся, от каких войск? Может быть, это герой из войск МВД, которые там дей-ствовали вокруг элеватора?»*

В элеваторе их не было. В элеватор первый с ротой попал я, а затем подошел ты с морячками...»

Тот факт, что Борис Аркадьевич, проведший полгода в изоляторе под Сталиногорском, недолюбливал внутренние войска следует из доверительно рассказанного им А.О. Хозяинову эпизода: *«Я помню очень хорошо фамилию Фарбер — это в Воронеже был у меня политруком, когда пришли в Сталинград и заняли оборону, то он ушел в тыл проверять старшину, и через недели две я его увидел, он уже был в командирской роте политруком и предлагал мне пойти в эту роту командовать взводом комендантским при военном трибунале. Конечно, я отверг все его предложения. И мне сейчас кажется, что этот герой жив (подчеркнуто) (конечно, если случайно за спиной не погиб)...»*

Как и в рассказе подполковника А.А. Герасимова академику И.И. Минцу в повествовании Б.А. Степанова присутствуют мелкие характерные подробнос-

Советские пехотинцы отражают немецкую атаку на подступах к Сталинграду. Сентябрь 1942 года

Пулеметный расчет меняет позицию во время боя на подступах к Сталинграду. Сентябрь 1942 года

Верхняя Ельшанка, впереди пригород Минина и Средняя Ельшанка, где 15 сентября в районе сада больницы дрался 390-й сп 10-й ОСБр при поддержке остатков 2-го батальона 271 сп 10-й СД НКВД

Немецкие пехотинцы на подступах к элеватору с юго-западной стороны. Приблизительно 15 сентября 1942 года. За сараями ближе к элеватору с 17 сентября начнут держать оборону бойцы 10-й СБр и 131 СД

ти, чего нет в составленных за р. Волгой документах майором Лотоцким.

О расположении 390 сп 10-й СБр на 15 сентября

Нач-ку 1 отделеления штаба 10 СД НКВД подполк. т. Хитрову Донесение о положении 271 сп 2 р. ведет бой в окружении на старом месте. Связь прервана в 13.40.

Оставшиеся 20-25 чел. 2 б-на дерутся в составе 390 сп РККА в районе сада больницы.

1 р. (берег Волги) утром наседавшего противника контратакой отбросила — положение восстановлено.

Приняты меры к задержанию всех бежавших и направлению их на передовые линии.

Район КП простреливается просочившимися отдельными автоматчиками противника на берегу Волги. <...>

Зам. командира полка майор Романенко.

15.9.42 г.

То есть 15 сентября одна рота 272 сп 10-й сд НКВД вместе с 390-м сп 10-й СБр защищала 7-ю больницу в Средней Ельшанке, а другая — берег Волги.

Части 10-й СБр с 13 по 16 сентября тоже были разбросаны в разных местах. У командира соседней справа 244-й сд Афанасьева (Боевое донесение 21 штадив 244, виадук южн. трампарка им. Фрунзе 16.9.42 г. «10.00») складывалось впечатление, что находящаяся на его левом фланге 10-я СБр:

«в количестве 70 человек сдерживает наступление противника из направления консервный завод и на 9.00 занимает оборону: водокачка, элеватор, р. Волга».

А теперь рассмотрим сохранившееся в ЦАМО РФ составленное в декабре 1942 г. в штабе вновь созданной 9.10.1942 г. 160-й стрелковой бригады:

Краткое описание б/д 160 (10) ОСБр за период с 24.8 по 20.9.42 г. по защите Сталинграда
(ф. 62 А, оп. 5487, д.56, лл. 1-27)

1. Справка о формировании

На основании приказа Военного Совета Сталинградского фронта № 003145 от 23.8.42 на базе 10-й Запасной СБр была сформирована в роще, что восточнее 2 км с. Красная Слобода, 160 (10) ОСБр в составе:

Командир бригады полковник ДРЯХЛОВ И.Д., военком бригады — ст. бат. комиссар Белорусский Д.А.

Нач штаба — майор Косенко И.П., военком штаба — бат. комиссар Зубов И.М.

Зам. командира бригады по артиллерии — полковник Телегин М.А., замкомбриг по тылу — интендант 2 ранга Воропаев В.Н.

Нач. политотдела — ст. бат. комиссар Храпов В.А.
63 (11) СП — ком. полка подполковник Головин, военком полка — бат. комиссар Бенгус З.Г.

85 (390) СП — ком. полка подполковник Черномырдин, военком полка — бат. комиссар Носков.

Отдельный пулеметный батальон — комбат — л-т Семенов, военком — политрук Титов.

Отд. рота связи — ком роты — ст. л-т Сумский, военком — ст. политрук Бухаров.

Отд. саперная рота — ком. роты — ст. л-т Джабиев, военком — ст. политрук Куликов.

Отдельная разведрота — командир роты мл. л-т Олешко, военком — политрук Дворник.

Отдельная медсанрота — ком роты — военный врач 3 ранга Чуйченко, военком — политрук Скачко.

Отдельный артдивизион и авторота подвоза сформированы не были за неимением матчасти.

Бригада также была недоукомплектована за счет минометов, гранат и других боеприпасов и полнос-

Утро 15 сентября. Танки PzKpfw 24 td III группы «Эдельсхайм» у Верхней Ельшанки выезжают к железной дороге для атаки в направлении Максимовского развезда, где держала оборону 10-я ОСБр

тью отсутствовала полковая и противотанковая артиллерия и противотанковые ружья.

К 18.00 24.8.42 года бригада была сформирована и в ночь на 26.8.42 г. переправилась на правый берег Волги в районе Сталинграда и сосредоточилась в районе свх. Горная Поляна, где поступила в распоряжение 64 армии Юго-Восточного фронта.

<...>

В период с 28.8.42 г. по 1.9.42 г. бригада по приказу замкомандующего ЮВФ генерал-лейтенанта Голикова, усиленная 504 ИПТАП, 3/85 гв. ГАП, 176 и 173 ОАПБ, вела оборонительные бои в районе Варваровка, Нариман, (иск. Ивановка), имея передний край обороны по северному берегу р. Червленная, с задачей: не допустить мотомехчастей и пехоты противника в направлении Бекетовка, Сталинград. <...>

2.9.42 г. бригада распоряжением командарма 64 сосредотачивается в резерве армии в районе Бекетовка, Старая Отрада. Участок обороны передается частям 36 гв. СД.

Насыпь у консервного завода. Вдали слева Волга. Справа выделен подбитый 15 сентября KV-1 из 133 ТБр. Фото из «Военного альбома»

В этот день командование бригадой принял майор Лотоцкий С.С., полк. Дряхлов командармом 64 освобожден от занимаемой должности.

Потери за дни боев в районе Нариман составляют: убитыми, ранеными и пропавшими без вести 2420 человек.

Потери материальной части: винтовок — 2153, пулеметов — 84, ПТР — 4, минометов 50 мм — 6, минометов 82 мм — 18, пушек 45 мм — 2. <...>

3. Бои в районе ст. Садовая и западной окраины пригорода Минина

<...>

К исходу дня 8.9.42 г. бригада получила приказ командарма 62 выйти в район пересечения Воропоновского шоссе с высоковольтной линией с задачей — перейти в наступление в направлении ст. Садовая, Верхняя Ельшанка.

Бригада в 8.00 выступила в новый район и к утру 9.9.42 г. одним полком (11 сп) вышла в указанный район.

Противник в течение 8 и 9.9.42 г. незначительными силами демонстрировал наступление в направлении ст. Садовая.

<...>

14.9.42 г. бригада на основании распоряжения командарма 62 в 12.00 перегруппировалась и заняла рубеж для обороны — ж.д. полотно 1 км восточнее ст. Садовая, шоссе — западная окраина пригорода Минина.

63 (11) СП в течение дня вел огневой бой с противником и уничтожал мелкие группы автоматчиков, просочившихся в тыл.

85 (390) СП к исходу дня, имея 60 штыков, ведет бой с двумя батальонами противника, удерживая занимаемый рубеж.

15.9.42 г. противник к исходу дня до ПП с танками прорвал передний край обороны в направлении ст. Сталинград 2 и вдоль шоссе на восток от западной окраины пригорода Минина.

В 17.00 прорвавшиеся группы противника захватили элеватор, распространяясь по шоссеиной дороге в город и к р. Волга. *(В немецких сводках за 15 сентября ничего не сказано о занятии элеватора. — В.Ш.)*

Бригада до 16.00 удерживала занятый рубеж, ведя борьбу с превосходящими силами противника, имея всего 210 штыков. К исходу дня, понеся большие потери от авиации, мин. огня и огня автоматчиков, ведя непрерывно бой, была отведена в район элеватора *(на тот момент уже занятого немцами? — В.Ш.)*, не имея связи с соседями.

За время боев бригада получила **пополнение в количестве 200 человек и батальон от 55 (4) СП в количестве 200 штыков.**

Потери бригады за период боев в районе ст. Садовая: убитыми, ранеными и пропавшими без вести составляют около 950 человек...

Бои 10-й ОСБр в районе элеватора

После упорных боев в районе ст. Садовая и на западной окраине пригорода Минина бригада, понесла большие потери, отошла в район элеватора и от штарма 62 получила задачу — оборонять полосу: справа ж.д. (ст. Садовая, ст. Сталинград 2), слева р. Волга.

К исходу дня 15.9.42 г. заградотряд во взаимодействии с 63 (11) СП контратаковал противника, занявшего элеватор, овладел им и устроил там опорный пункт. *(Два противоречия: 1) Послание представителя ОО НКВД Селивановского в Москву гласит, что на 24.00 15.9 элеватор находится у противника; 2) Донесения и карты противника за этот день ничего не говорят о занятии немцами элеватора. То есть и про атаку, и про заградотряд майор Лотоцкий выдумал задним числом. — В.Ш.)*

Бригада **16.9.42 г.**, распоряжением штарма 62, подчинена 35 гв. СД и заняла район обороны: сад — 200 м севернее элеватора, элеватор, имея соседа справа 270 СП в составе несколько десятков штыков.

Противник делает попытку прорваться к ж.д., идущей к депо.

В 4.00 противник предпринял атаку в стык полков. Атака была отбита. В 13.30 автоматчики противника предприняли атаку на элеватор, но контратакой положение было восстановлено. Весь район обороны в течение **16.9.42 г.** подвергался сильному арт-мин обстрелу со стороны противника.

В течение **17.9.42 г.** противник пытался несколько раз переходить в атаку, но каждый отбрасывался с большими потерями.

В ночь на **18.9.42 г.** противник несколько раз пытался захватить элеватор, но каждый раз отбрасывался на исходные позиции.

В 12.00 противник повел наступление в нескольких направлениях, но все его атаки были отбиты.

В боях за **18.9.42 г.** совершенно выведены из строя из-за убийства личного состава: рота связи, разведроты, саперная рота и заградотряд.

19.9.42 г. противник перед фронтом бригады продолжает сосредотачиваться под прикрытием авиации и арт. мин. огня пытался несколько раз прорываться к элеватору, но все его попытки не увенчались успехом.

Численность бригады к утру 19.9.42 г. составляет 200 человек вместе с полученным пополнением, ощущается недостаток в боеприпасах.

В 23.00 19.9.42 г. участок обороны бригады был передан 92 МСБ, но ввиду напряженной обстановки и открытого правого фланга, распоряжением командира 35 гв. СД, остатки личного состава бригады оставлены в боевых порядках.

(В данном абзаце Лотоцкий опять сказал неправду: 1) актов передачи у него нет, 2) распоряжение командира 35 гв. СД об оставлении остатков 10-й СБр у элеватора он не видел, т.к. поспешил переехать на левый берег 20.9. Не знал Лотоцкий, что распоряжение № 8 написал комбриг Елисеев 21.9 из Дворца Пионеров. — В.Ш.)

Бои 10-й ОСБр 20 сентября

20.9.42 г. в течении дня, остатки бригады с двумя стрелковыми взводами, ротой ПТР и 5 станковыми пулеметами 92 МСБ, вели упорные бои с превосходящими силами противника, поддерживаемым массированным огнем минометов и артиллерии, имея открытый фланг от линии ж.д. западной до берега р. Волга. К исходу дня противник, при поддержке двух танков и одной бронемашины, просочился и занял берег р. Волга от второго моста северо — восточнее элеватора до дамбы с причалами. *(Про два стрелко-*

вых взвода, роту ПТР и 5 станковых пулеметов 92-й бригады Лотоцкий опять выдумал, потому что, зная такие подробности, он должен был указать место совместных боев. А этого места у сбежавшего не левый берег командира 10-й бригады как раз и не указано. Зато указан невнятно «открытый фланг от линии ж.д. западной до берега р. Волга». — В.Ш.)

Потери за время боев в районе элеватора убитыми и ранеными составляют 345 человек.

За эти же дни противник потерял более 600 солдат и офицеров, несколько станковых и ручных пулеметов, уничтожено несколько машин и повозок с пехотой и боеприпасами. (Похоже, писал все Лотоцкий, находясь в прострации. При этом не указал два подбитых немецких танка, появившиеся в других его донесениях за этот же период. — В.Ш.)

Бои в районе элеватора носили особенно ожесточенный характер. В этих боях особенно ярко выявилась стойкость и упорство наших бойцов и командиров.

Группа бойцов, под командованием мл. лейтенанта ПОЗДНЕВА из 63(11) СП, прикрывая левый фланг обороны у элеватора, отразила две атаки противника, при этом уничтожила до 30 гитлеровцев.

Под натиском превосходящих сил противника, группа бойцов была вынуждена оставить **один из обороняемых домов**. Коммунист МОНИН мобилизовал небольшой отряд бойцов, вместе с ними с лозунгами "Нам отступать больше некуда, позади Волга", "Вперед за Сталина, за Родину, за Сталинград" — бросился в атаку. В течении 30 минут группа смельчаков выбила противника из занятого дома. (Лотоцкий опять не указал мест совершения подвигов Позднеева и Монины и необходимых подробностей. — В.Ш.)

Внутри элеватора оборонялась группа в количестве 40 человек под командованием старшего лейтенанта

ПОЛЯКОВА. (Почему только 40 человек, а где 130 человек из группы лейтенанта Листопадова, который, также, как и А.О. Хозяинов, не фигурирует в отчете Полякова. — В.Ш.)

Противник неоднократно пытался захватить элеватор, ведя непрерывный огонь прямой наводкой из артиллерии, минометов и танков. Автоматчики противника окружали элеватор со всех сторон. Но все атаки противника **в течении 7 дней** отбивались с большими потерями для противника. (В разных местах своего описания Лотоцкий говорит: то о 5-ти, то о 6-ти, а то даже о 7-ми днях защиты элеватора. — В.Ш.)

Далее Лотоцкий говорит о красноармейце Хвостикове, старшине Каталюке и писаре 1 батальона 85 (390) СП — комсомольце Бирюкове, уничтоживших множество фашистов и заканчивает свое повествование: **«20 сентября 1942 года бригада вышла из боя и дислоцируется в хуторе Красном.**

Приложение: эпизоды отдельных боев на 5 листах, схемы на 7 листах. Командир 160 (10) ОСБр майор. /Подпись/. Лотоцкий. Начштаба майор /Подпись/. Сафонов. 5 декабря 1942 г. хутор Красный».

При внимательном анализе конца повествования получается, что под вышедшей 20 сентября из боя бригадой, которая передислоцировалась на х. Красный, Лотоцкий подразумевает 3-х человек: себя, политрука Харина и утонувшего вместе с документами бригады писаря. Ведь согласно Боевого донесения № 36 на 7 час. утра 21.9.42 г., приведенного на стр. 126, ни одного человека из 10-й СБр не вышло к назначенному полк. Дубянским на 6 час. 30 мин месту сбора.

Далее в «Кратком описании» идет отдельный рассказ о боях за элеватор ст. л-та Полякова Михаила Петровича, который выложен в интернете.

Отчет М.П. Полякова «Из опыта боев за элеватор в г. Сталинграде 17-22.9.42 г.»

1. Захват элеватора.

Получив приказ о занятии элеватора, захваченного противником, было принято решение выслать разведку для выяснения состава противника, его вооружения и слабых мест обороны.

Разведка доложила, что силы противника в элеваторе незначительны, но имеются ручные пулеметы, автоматы и ротные минометы.

После доклада разведки, имея в своем распоряжении 27 бойцов, я принял решение атаковать элеватор тремя группами с тыла и флангов. В каждую группу входило по одному ручному пулемету, 5 ручных гранат, винтовки и автоматы.

Первая группа под командованием лейтенанта Сатановского отвлекала противника на себя.

Вторая группа под командованием лейтенанта Степанова пошла в обход с тыла и третья группа под моим командованием зашла с фланга.

Выждав удобный момент, группы под прикрытием огня автоматов и винтовок, броском достигли элеватора и забросали противника гранатами через окна нижнего этажа.

Противник был вынужден оставить нижний этаж, не успев выйти из второго этажа и 17.9.42 утром, оставшиеся на втором этаже немцы, были нами уничтожены.

Выбив противника из элеватора, закрепились в нем, выставив прикрытия с флангов — по несколько бойцов в разрушенных домах.

Оборона верхнего этажа элеватора была организована круговая. Вне элеватора были выставлены секреты.

С 18 по 22 сентября 1942 г. элеватор был отрезан от наших войск.

*Немецкие регулировщики на шоссе, проходящем к западу от ж.д., разделяющей Ворошиловский район на две части. Вдали за ж.д. уже занятый противником элеватор.
Фото сделано после 22 сентября 1942 г.*

2. Оборона элеватора.

Противник в течение 18-22.9.42 года по несколько раз в день предпринимал атаки на элеватор, подтянув артиллерию и танки (в том числе и огнемётные), ведя огонь прямой наводкой по окнам элеватора. Пехота противника, под прикрытием огня, неоднократно штурмовала элеватор, но все попытки врага разбивались о стойкость наших бойцов и командиров.

Врагу наносились большие потери, так в боях за элеватор, противник с 16 по 21 сентября потерял убитыми 300 солдат и офицеров, две автомашины и 7 повозок с боеприпасами и продовольствием. Нами захвачены трофеи: 5 ручных пулеметов, несколько винтовок, боеприпасы.

21.9.42 г. были подсланы немцами парламентареры из гражданского населения (Поляков не называет число парламентареров. Похоже, он сам не видел, а только слышал о них. — В.Ш.) с целью уговорить бойцов, оборонявших элеватор, сложить оружие и сдаться в плен.

Этих парламентареров, после того, как они отказались взять оружие и сражаться с нами против немцев, мы расстреляли.

Фото с немецкого самолета южной части города. Вдали посреди Волги остров Голодный. Прямо недалеко от берега роковой элеватор. Внизу - противотанковый ров, за ним разрушенное здание НКВД

К исходу 21.9.42 г. противник предпринял круговое наступление на элеватор пехотой и танками. Атака была отбита. Противник потерял в этом бою большое количество пехоты, два танка и одну повозку с боеприпасами.

3. Выход из окружения.

В 20.00 21.9.42 г. противник, подтянув вплотную к элеватору танки и огнеметы, открыл огонь прямой наводкой по окнам элеватора.

Из-за отсутствия боеприпасов и малого наличия бойцов мы решили, прорвав окружение пробиться к р. Волга на соединение с нашими частями.

Пробиваясь через вражеское окружение, мы нанесли врагу чувствительные удары, так при выходе из окружения, нами было уничтожено: 19 гитлеровцев, одно тяжелое орудие и одна противотанковая пушка.

(Непонятно, как среди ночи ст. л-т Поляков смог подсчитать потери противника? — В.Ш.)

24.09.42 г. я с группой бойцов в количестве 15 человек, прибыл в свою часть.

Капитан Поляков "5" 12. 1942 г.

В рассказе капитана Полякова: 1) масса невнятно-стей: в главе 1 «Захват элеватора» не сказано: кто и когда конкретно отдал приказ, не указана дата, время и направление удара - непонятно: где фронт, а где тыл (похоже, Поляков не знает, где находился его отряд перед штурмом!); 2) ничего не сказано и о подмоге в 130 штыков л-та Листопада и о 18 моряках А.О. Хозяинова; 3) не знает Поляков и дату окружения элеватора противником, поскольку говорит о 18-м сентября, хотя на самом деле это произошло 20-го.

Теперь процитируем лл. 22-23 д. № 56 (ф. 62 А, оп. 5487 ЦАМО РФ) с воспоминанием майора Непокрытых из той же 10-й ОСБр (схемы 5,6 и 7 из отчета приведены на вставке как схемы 16, 17, 18).

Отчет майора Непокрытых «Борьба с автоматчиками противника 18-19 сентября 1942 года»

18.9.42 года в 8.00 из прибывшего пополнения была выделена одна стрелковая рота 100 человек и одна минометная рота — 60 человек в резерв командира бригады.

Вооружение этой группы: 5 автоматов, 10 винтовок СВТ, три 50 мм миномета. Остальные бойцы были вооружены обыкновенными винтовками. Кроме того минометная рота имела 8 шт. 82 мм минометов без мин.

Командир бригады приказал: возглавить указанный резерв и занять район обороны севернее КП бригады 500 м за оврагом (см. сх. 16 приложения - В.Ш.) в готовности контратаковать противника в направлении элеватора и КП бригады. (Здесь видна неувязка схем 16 и 17 с рассказом Полякова и отчетом Лотоцкого, который утверждают, что 18 сентября элеватор уже был окружен немцами. А схема 18 показывает, что еще и 19 сентября линия обороны 10-й СБр проходила южнее элеватора. — В.Ш.)

Сталинградский Дворец Пионеров на Сталинской набережной, где в сентябре 1942 г. находились штабы разных соединений 62-й армии. Отсюда 21 сентября 1942 г. замначальника штаба 62-й армии комбриг Н.С. Елисеев послал в штаб 62-й А внятное боевое донесение № 8 о том, что 100 бойцов 10-й ОСБр во главе с капитаном Назаровым и политруком Носаревым остались в рядах 92-й ОСБр в районе элеватора

Занимать район пришлось с боем, так как группа немецких автоматчиков 30-40 человек, пользуясь разрывом между 10 ОСБр и 244 СД просочилась в район сада и пыталась проникнуть по оврагу к р. Волга. Огнем из винтовок немецкие автоматчики были отброшены в сад и в дома, что в 1 км севернее элеватора, потеряв при этом 6 человек убитыми.

Указанный рубеж обороны был занят взводами (59 человек). Один взвод по приказанию командира бригады был выделен в распоряжение ст. л-та Кузменкова для ликвидации немецких автоматчиков, проникших в район кухни АХО штаба бригады.

Минометная рота была расположена за линией ж.д., проходящей по берегу Волги.

Сталинградский Дворец Пионеров после освобождения города от фашистов. Фото 1943 г.

В 14.00 18.9.42 г. немецкие автоматчики группами в два-три человека стали появляться в тылу нашего расположения, пытаясь проникнуть оврагами к берегу Волги. Огнем из автоматов и огнем снайперов фашисты потеряли 4-5 человек убитыми и <были> вновь отброшены за дома.

В 16.00 того же дня немецкие автоматчики в количестве 25-30 человек, пользуясь прикрытием домов, обошли наше расположение с севера и заняли мастерские, расположенные вблизи ж.д., подвергая последнюю обстрелу.

Получив приказание ликвидировать эту группу, мною был выделен один стрелковый взвод и минометная рота (в качестве стрелков) под общим руководством командира роты.

Вследствие нерешительных действий командира минометной роты группа автоматчиков не была уничтожена, а, потеряв несколько человек убитыми, отошла в район сада.

С наступлением темноты 18.9.42 г. значительная груп-

на немецких автоматчиков со станковым пулеметом и 50 мм минометами сконцентрировалась в районе сада.

Первый и третий взвод резерва по моему приказанию занял полуразрушенные дома (см. схему 17 - В.Ш.), второй взвод и минометная рота оставались на прежних позициях за линией ж.д.

Во второй половине ночи с 18 на 19.9.42 г. противником был открыт ружейно-пулеметный огонь трассирующими пулями, велась стрельба из минометов, местность непрерывно освещалась ракетами.

Эта демонстрация имела целью создать видимость окружения и морально воздействовать на войска.

Часть бойцов резерва, в особенности первого взвода, поддавалась этой «демонстрации», проявив малодушие, и под прикрытием ночи отошла к линии ж.д. (командир взвода был убит).

Таким образом соседние с моим командным пунктом дома были первым взводом освобождены (наверно, точнее сказать: «оставлены»? — В.Ш.) и оказались в руках немецких автоматчиков.

С рассветом 19.9.42 г. немецкая пехота тремя группами, до взвода каждая, начала наступление, имея целью пробиться к берегу Волги (см. схему 18 - В.Ш.).

Огнем из автоматов и снайперами нажим этих групп сдерживался до 8.00 19.9.42 г.

Для обеспечения продвижения этих групп противник открыл огонь по КП. Отдельные снайперы противника пристрелялись по окнам дома, где был расположен КП (имеется в виду КП майора Непокрытых. — В.Ш.). Создалась угроза быть окруженным в этом полуразрушенном доме. После этого КП был перенесен к ж.д. мосту.

Остатки стрелковой и минометной рот заняли оборону вдоль насыпи линии ж.д. В 9.00 осколками мин я был ранен в правую руку и ногу.

До 17.00 19.9.42 г. подразделения резерва занимали оборону вдоль насыпи ж.д.

Выводы:

1. Немецкие автоматчики, пробравшиеся в тыл, не вступали в открытый бой, а применили обходные методы.

2. Вынужденные отходить, они используют тот же путь, по которому пришли, перебегая по 1-2 человека. Организуя на пути отхода засады отдельных бойцов, можно истребить значительное количество гитлеровцев. Так снайпер Михайлов уничтожил 7 гитлеровцев.

3. Для ликвидации групп немецких автоматчиков необходимо выделять бойцов, уже бывших в боях, действовать быстро и решительно.

*Майор /Подпись/ Непокрытых
«5» декабря 1942 г.*

И в конце «Краткого описания» (л. 27) приведен отчет лейтенанта Проходова о боях 10-й СБр за 13 сентября.

Отчет лейтенанта Проходова «Оборона консервного завода 10-й СБр 13.9.42»

13.9.42 г. саперной роте было приказано занять оборону по окраинам консервного завода с задачей: не допустить противника к заводу....

Оборона была организована следующим образом:

В цехе, что находился на берегу Волги был установлен пулемет ДП под прикрытием 3-х автоматчиков. В стене здания прорубили амбразуру и поставили пулемет. Автоматчики были расположены на втором этаже.

Задача пулеметчикам: вести огонь по чердаку здания, где находился ст. пулемет противника, и обстреливать берег Волги в случае наступления противника.

На западной стороне завода находилась огневая точка противника. Там же находились и автоматчики.

К началу дня 14.9 противник в количестве двух взводов предпринял наступление на нашу оборону, ставя своей задачей овладение консервным заводом, с направлением удара на наш опорный пункт — элеватор.

Наступление было приостановлено ружейно-пулеметным огнем.

В 9.00 14.9 противник предпринял второе наступление и подошел к балке (южная сторона завода), пошел в атаку на нашу оборону.

Рота, выйдя в контратаку при поддержке двух пулеметов ДП и автоматчиков, отбила атаку немцев с большими для них потерями. Противник оставил на поле боя более 30 трупов солдат и офицеров.

Лейтенант /Подпись/ Проходов «5» декабря 1942 г.

Из рассказа лейтенанта Проходова вытекает, что уже 13-14 сентября противник проник на западную часть консервного завода.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

после прочтения направленного в штаб 62-й армии «Краткого описания б/д 10 СБр с 24.8 по 20.9.1942 г.»

1. Все оперсводки и боевые донесения 10-й СБр за период с 24.8 по 20.9.42г. штабом бригады были потеряны, иначе не пришлось бы их составлять задним числом заново.

2. Судя по названию «краткого описания» уже 20 сентября 1942 г. сам майор Лотоцкий и его ближайшее окружение поспешили уехать на левый берег.

3. Все исходные данные о прибытии пополнений и потерях отсутствуют, поэтому в «кратком отчете» цифры измеряются «сотнями», в лучшем случае «полусотнями» с приставкой «около».

4. В своем «кратком описании» майор Лотоцкий скрыл от штаба 62 армии факт участия в защите элеватора и прилегающей к нему территории военного

комиссара 10-й СБр ст. батальонного комиссара Белорусского Дмитрия Афанасьевича, погибшего 22 сентября при выходе из зернохранилища. Похоже, что именно военком бригады Белорусский Дмитрий Афанасьевич, военком 11 полка бат. комиссар Носарев Александр Михайлович 1914 г.р., начальник НО-1 бригады капитан Назаров Яков Яковлевич, политрук роты Михайлов Борис Натанилович 20 сентября проникли

Назаров Яков Яковлевич, начальник НО-1 штаба 10-й Сбр 21.9.42 был оставлен комбригом Елисеевым во главе группы из 100 бойцов в районе элеватора в подчинении 92-й ОСБр, где и погиб. (1914-22.9.1942)

через тогда еще не очень плотные позиции противника к элеватору для более стойкой организации защиты здания. При этом сопровождавший их лейтенант Б.А. Степанов, попав под огонь противника, сначала был ранен в ногу, а потом при попытке добраться до зернохранилища оврагом получил еще и ранение в позвоночник. В итоге был спрятан местными жителями в подвале здания, где и отлеживался несколько дней, а после был переправлен через Волгу на левый берег. УПК Степанова Б.А. гласит, что он находился на вражеской территории с 20.9 по начало октября 1942 г.

А Белорусский, Назаров, Носарев, Михайлов смогли благополучно добраться до элеватора и еще более

суток держали там оборону, подбадривая остальных защитников. При попытке прорыва кольца окружения поздним вечером 21 сентября Д.А. Белорусский, Я.Я. Назаров, А.М. Носарев были убиты, Б.Н. Михайлов попал в плен. Гибель всех выше указанных лиц была хорошо известна Лотоцкому, но он замолчал факт их участия в обороне элеватора, потому что **ему надо было протолкнуть «наверх» свою версию защиты зернохранилища группой старлея Полякова.** От этого, собственно, зависела жизнь Лотоцкого, который сбежав на левый берег 20 сентября, оставил в выходящем к Волге овраге пришедшее утром 18-го пополнение в 160 человек. При этом, представил 20.9 перед полковником Дубянским свою бригаду в количестве трех человек: себя, замполита Харина и писаря с мешком документов, заявив: *«Остатки 10 СБр частью находятся в боевых порядках 92 сбр, а частью разошлись по тылам. Матчасть также не сдали».*

Очень похоже, что для оправдания перед военным трибуналом потери двух рот пополнения в 160 человек 20.9.42 г. Лотоцкий и написал 5 декабря «сагу о защите элеватора» ст. л-м Поляковым, который «вывел из элеватора 15 человек». Однако при этом не была указана ни одна фамилия бойца (кроме самого Полякова), которым за геройскую защиту тоже полагались награды. Это означает, что бойцы из «взвода Полякова» не были в элеваторе и скорее всего являлись собранными по тылам дезертирами.

5. Вместо «Краткого описания б/д 10 СБр» Лотоцким дано «краткое описание» не существующей в природе в сентябре 1942 г. 160 (10) СБр.

Вместо внятного написания: «10-я бригада», бывший секретарь сельсовета ставший майором Лотоцкий в силу какой-то «сельсоветской хитрости» в свой «описании» употребил новый термин: «160 (10) бри-

гада»; вместо «11-й полк» — «63 (11) полк; вместо «390 полк» — «85 (390) полк», как-будто вновь созданная в октябре 1942 г. 160-я бригада с ее вновь созданными 63-м и 85-м полками могла иметь какое-то отношение к боям уничтоженных противником прославленных 11-го и 390-го полков.

Цель такой «подмены» видится только одна — запутать следы пропажи 10-й стрелковой бригады, от которой при переезде на левый берег остался лишь во время покинувший правый берег сам майор Лотоцкий и его ближайшее окружение в лице замполита В.А. Харина и писаря. Ведь согласно приказа комбрига Елисеева переезд на левый берег Лотоцкого должен был состояться вместе с остатками своей бригады, после того, как «остатки» передадут свои позиции подразделениям 92-й морской бригады, составив соответствующий акт приема-передачи, на котором должна стоять и подпись командира 10-й бригады.

Этой, прикрывающей от трибунала «бумажки» у Лотоцкого с Хариным не было. Вместо «бумажки» от 20.9.42 г. было составлено 05.12.42 г. «Краткое описание б/д не существующей в природе 160(10) бригады».

6. Для получения же настоящего акта приема-передачи позиций надо было еще какое-то время оставаться на правом берегу. Но Семена Сергеевича на левом берегу ждали срочные дела, ради которых он перед полковником Дубянским оболгал бойцов своей бригады: *«Остатки 10 СБр частью находятся в боевых порядках 92 сбр, а частью разошлись по тылам. Матчасть также не сдали...»*

7. **В итоге в штаб 62-й армии пришло (ф. 8 гв. А, оп. 5487, д.56) фальшивое «Описание б/д 160 (10) СБр с 24 августа по 20 сентября 1942 г.» вместе с фальшивым отчетом ст. л-та Полякова «Из опыта боев за элеватор в Сталинграде 17-2 сентября 1942**

г.», в котором: 1) Поляковым ни слова не сказано о прибывших вечером 18 сентября на помощь защитникам здания 18 моряках под руководством мл. л-та А.О. Хозяинова и о находящейся там с самого начала боев роте автоматчиков родного Полякову 11-го полка под командованием хорошо известного ему лейтенанта Бориса Аркадьевича Степанова.

2) Написан явный вымысел о потерях противника: *«Врагу наносились большие потери, так в боях за элеватор, противник с 16 по 21 сентября потерял убитыми 300 солдат и офицеров, две автомашины и 7 повозок с боеприпасами и продовольствием. Нами захвачены трофеи: 5 ручных пулеметов, несколько винтовок, боеприпасы»*. Возникает вопрос, как могли находящиеся в окруженном элеваторе защитники подсчитать потери противника?

При этом описанный в наградном листе на «защитника элеватора Полякова» подвиг, достойный звания Героя Советского Союза, далек от реальности. Поэтому никто в штабе 62-й армии тогда, осенью сорок второго, не поверил в описанные там фантазии, в итоге М.П. Поляков был награжден только медалью «За отвагу».

Единственная зацепка за нахождение ст. л-та Полякова поблизости от элеватора — это расстрел 20 сентября посланных немцами парламентаров. При этом Поляков: 1) не указывает их точного количества, 2) не знает, что немцами на переговоры были посланы военнопленные. Получается, что сам Поляков этих парламентаров не видел, иначе бы смог подсчитать их количество и, конечно же, определить в них сдавшихся в плен наших солдат.

Главное, неоспорим факт — никакой ведущей роли в защите элеватора и его окрестностей Поляков не играл, и не мог играть, потому там находились: сна-

чала л-т Б.А. Степанов, потом военком Белорусский и другие значительные люди: капитан Назаров, батальонный политрук Носарев и т.д. (Об этом говорит донесение немецкого 48 тк 4 та на 21.9.42 г. *«Насчитывающему едва ли одну роту боевому составу так упорно обороняемого в течение дня бетонного здания сдать мешают только лишь комиссар...»*)

8. Выбор майором Лотоцким Полякова на роль героя защиты элеватора объясняется только тем, что ст. лейтенант привел с собой в распоряжение штаба бригады 15 бойцов. Это было все, что удалось собрать по тылам за период с 21-го по 24-е сентября. При этом ни один «боец отряда» Полякова не подходил на роль защитника элеватора, иначе был бы назван по фамилии.

9. Вышедший на день позднее (вечером 22 сентября) из района элеватора подполковник Русинов уже утром 23 сентября вместе с несколькими сотнями своих бойцов оказался на левом берегу.

Почему же ст. лейтенанту Поляков с 15-ю бойцами на ту же самую операцию потребовалось трое суток? Очень похоже, что переправа самого ст. л-та Полякова на левый берег происходила полулегально, на подручных средствах в обход заградотрядов. Поэтому плот группы Полякова снесло далеко вниз по течению, из-за чего и пришлось так долго добираться до хутора Красный.

Ко всему прочему

Ко всему прочему при переправе через Волгу штабом 10-й стрелковой бригады оказались потерянными почти все карты, боевые донесения и оперсводки, так и не отправленные в штаб 62 армии. Поэтому в дальнейшем при расследовании деятельности руководства 10-й ОСБр нельзя было установить по числам ни мест нахождения штаба бригады, ни точ-

ных данных о потерях и трофеях. Главное, невозможно было понять, куда пропало прибывшее вечером 17 сентября пополнение в количестве 100 пехотинцев и 60 минометчиков без минометов, которые были использованы в качестве стрелков.

Утром 19 сентября это пополнение еще вело бои с немецкими автоматчиками в овраге, выходящем к волжскому берегу. К вечеру же 19 сентября от этих, 160 плохо обученных бойцов перестала поступать информация. Что, похоже, только обрадовало сидящих под железной дорогой в своем убежище Лотоцкого и Харина, которые тут же поспешили к командиру сводной группы из остатков 10-й бригады, 131-й и 35-й гв. СД полковнику Дубянскому с докладом: *«Остатки 10 СБр частью находятся в боевых порядках 92 сбр, а частью разошлись по тылам. Матчасть также не сдали»*. То есть 160 человек пополнения, утром 18 сентября оставленного майором Лотоцким в своем распоряжении, в докладе Дубянскому были названы *«разошедшимися по тылам вместе с матчастью»*.

Сам спешащий в тыл В.П. Дубянский дал «добро» остаткам 10-й бригады, состоящим из майора Лотоцкого, политрука Харина и бригадного писаря с чемоданом документов, на переезд на левый берег. После чего «тройка» заскочила в заранее подготовленную лодку и от устья р. Царицы помчалась в сторону о. Голодного. При этом, похоже, что «средство переправы», не доходя сотню метров до острова Голодный, перевернулось «от разорвавшегося рядом снаряда». Лотоцкий и Харин чудом остались живы. А не умеющий плавать писарь ушел ко дну вместе с документами.

Поэтому из-за пропажи всех документов историю боевой жизни бригады с 24 августа по 20 сентября бывшему секретарю сельсовета Лотоцкому пришлось составлять заново.

При этом в отчетности вместо четкого написания номера бригады — «10» Лотоцкий везде нацарапал иероглиф — «160(10)». В итоге вместо всем понятного выражения «10-я бригада» получилась двусмысленность: «160 (10) бригада». Все вроде бы просто и ясно, но... только для секретаря сельсовета Лотоцкого. Для обычного же человека никакой ясности не было.

Конечно, четко проследить боевой путь того или иного соединения по боевым донесениям или оперсводкам трудно, но там, как правило, есть зацепки — места и даты написания боевых донесений и оперсводок, с описаниями деталей боев, потерь и трофеев. Здесь же получилось, что самые яркие три дня боев 10-й ОСБр и 92-й отдельной морской бригады: с вечера 19 сентября по вечер 21 сентября командование 10-й бригады в лице майора Лотоцкого и замполита Харина провело на х. Красный вдали от линии фронта. При этом, именно в эти три дня враг был поражен мужеством и стойкостью защитников элеватора.

Тот факт, что 5 декабря 1942 года, составляя свое «Краткое описание б/д 160 (10) СБр...», С.С. Лотоцкий уже знал откуда-то о гибели в ночь с 21 на 22 сентября у стен элеватора цвета 10-й бригады: военкома бригады Белорусского, начальника НО-1 Назарова, военкома 11-го полка А.М. Носарева и т.д. на

сегодня не оставляет сомнений. Знал Семен Сергеевич к этому времени и о проходящем спецпроверку в Сталиногорске лейтенанте Б.А. Степанове, одном из немногих, кто мог пролить свет на его аферу с защитником элеватора старлеем Поляковым. Но 5 декабря 1942 г. лейтенант Б.А. Степанов был совсем не опасен майору Лотоцкому.

Возражения Николаю Федоровичу Емельяненко

Именно наличие массы казусов и несоответствий заставило автора не поверить в «Краткое описание боевых действиях 160 (10) СБр с 24 августа по 20 сентября 1942 г.», составленное бывшим командиром 10-й бригады майором С.С. Лотоцким 5 декабря 1942 года.

Проведение автором описанного выше расследования позволило выявить еще ряд деталей, указывающих на недостоверность представленных майором Лотоцким в штаб 62-й армии в декабре 1942 г. сведений. А ведь это «Краткое описание», начиная с конца 60-х годов, все время являлось определяющим фактором в составлении исследователями Сталинградской битвы списка реальных защитников сталинградского элеватора. При этом некоторые историки до сих пор не теряют надежды найти в архивах ЦАМО РФ более подробные отчеты о защите Сталинградского элеватора героем произведения Лотоцкого ст. лейтенантом Поляковым.

Не избежал увлечения старлеем Поляковым и один из авторов книги «Моряки верны традициям» (Волгоград, 1979) бывший начштаба 92-й морской бригады полковник в отставке Николай Федорович Емельяненко. Поэтому я, проводя анализ приводимых здесь фактов, как бы вел некий спор с Николаем Федоровичем и даже написал свои доводы в письменном виде:

Судя по отчету Дубянского на 7.00 21 сентября и «Краткому описанию» Лотоцкого, уже 20 сентября С.С. Лотоцкий и В.А. Харин оказались на левом берегу в х. Красный и с ними ни одного человека личного состава бригады. Убегая на левый берег, они в докладе Дубянскому обвинили своих бойцов в оставлении позиций без приказа, а, по сути, сами удрали, не удосужившись установить связь с подразделениями, которые 1) сражались в элеваторе и его окрестностях, 2) вели бои с автоматчиками противника, пытающимися через выходящий к Волге овраг выйти в тыл обороняющихся соединений.

Поэтому очень обрадовал комбрига Лотоцкого и полтрука Харина прибывший в хутор 24 сентября ст. л-т Поляков с группой в 15 человек неизвестно где подобранных бойцов. Вскоре стало известно еще и о 12 перевезенных на левый берег раненых 10-й бригады, в числе которых находился покалеченный л-т Листопад.

Тут же у Лотоцкого и Харина появился повод написать представления к наградам «вышедшим из окруженного противником элеватора защитникам». Однако в число награжденных попали только: ст. л-т М.П. Поляков, л-т В.М. Листопад и старшина Д.Х. Каталюк и, возможно, кто-то еще, пока не найденный в архивах ЦАМО РФ...

Боевое донесение № 8 из Дворца Пионеров утром 21 сентября комбриг Елисеев вынужден был написать от своего имени по причине отсутствия к тому времени на правом берегу как командира 10-й бригады майора Лотоцкого, так и его зама по политчасти бат. комиссара Харина. Командир и парторг бригады 20 сентября, не дожидаясь сбора личного состава, переправились на другую сторону реки.

Однако, прибыв на левый берег без воинства, майор Лотоцкий понял, какую ошибку он совершил под влия-

нием страха. Теперь его главной задачей стал поиск хотя бы одного живого человека из своей бригады...

Беспокойство майора было вызвано тем, что его вранье полковнику Дубянскому от 20 сентября: «Остатки 10 СБр частью находятся в боевых порядках 92 сбр, а частью разошлись по тылам. Матчасть также не сдали...» могло быть разоблачено штабом 62-й армии. Ведь кто-то из 160 бойцов брошенного Лотоцким пополнения мог чудом вырваться из того оврага, и весть об этом могла дойти до самого В.И. Чуйкова, беспощадного к трусам и паникерам.

Поэтому бросившему на западном берегу свою бригаду майору Лотоцкому очень было нужно появление хотя бы самого маленького, самого захудалого взводика его солдатиков с правого берега... И бог внял его молитвам - 24 сентября 1942 г. к штабу 10-й стрелковой бригады в х. Красный старший лейтенант М.П. Поляков подвел 15 собранных по тылам измотанных бойцов, чем вдохнул надежду в майора С.С. Лотоцкого и его комиссара В.А. Харина.

От М.П. Полякова Лотоцкий узнал, что при выходе из зернохранилища в ночь с 21 на 22 сентября погибли или пропали без вести офицеры 10-й бригады: военком Белорусский, капитан Назаров, лейтенант Б.А. Степанов, политруки Носарев и Михайлов.

О пропаже этих офицеров 10-й СБр с активным участием Семена Сергеевича в октябре 1942 г. были совершены записи во вновь заполняемые учетно-послужные карты на этих офицеров, которые и поныне хранятся в ЦАМО РФ.

При этом, очень похоже, что при заполнении новых УПК на погибших и пропавших без вести скорбные даты гибели или пропажи этих людей проставлялись Лотоцким по своему усмотрению...

Некоторые подробности о трех наградных листах

О 10-й отдельной стрелковой бригаде, сражавшейся в Сталинграде с 24 августа по 20 сентября 1942 г., в ЦАМО РФ практически нет никаких первичных документов. В штатме 62 сохранился лишь документ, в котором сказано, что на 25 сентября 1942 г. общий численный состав 10-й СБр вместе с тыловыми подразделениями с левого берега составляет 191 человек.

Это означает, что весь боевой состав бригады остался на правом берегу Волги за исключением самого командира бригады майора Лотоцкого, замполита ст. бат. комиссара Харина и 16 человек группы старшего лейтенанта Полякова, прибывших накануне, 24 сентября, в штаб бригады. При этом все 16 человек, с легкой руки майора Лотоцкого и замполита Харина, были отнесены к вырвавшимся из окружения защитникам элеватора.

В этот же день, 24 сентября 1942 г., Лотоцкий и Харин срочно составили и подписали три наградных листа на воинов 10-й СБр. Это: 1) командир батальона 11-го сп 10-й СБр ст. л-т Поляков Михаил Петрович 1911 г.р., 5 классов образования, (жена проживает в Орджоникидзевском крае); 2) начальник штаба 2-го батальона 390-го сп 10-й СБр лейтенант Листопад (в документе написано неправильно — Листопадов) Василий Михайлович 1920 (написано по ошибке 1922) г.р. из Сталинградской области, гражданское образование — 10 классов, военное — академия им. Фрунзе в 1941 г. 19.9.42 л-т Листопад получил тяжелое ранение в плечо разрывной пулей, в результате которого у него был ампутирован глаз; 3). старшина роты 390 сп СБр старшина Каталюк Дмитрий Харитонович 1900 г.р. из Ивановской области.

Место проживания жены ст. л-та Полякова и сведения о его образовании взяты из УПК ЦАМО РФ. Правильная фамилия, точный года рождения и сведения об образовании и ранении л-та Листопада взяты из Представления его к ордену Красной Звезды в 1947 году Алма-Атинским горвоенкоматом.

В предыдущей главе мы уже разобрали хранящееся в документах штарма 62 «Краткое описание боевых действий 160(10) СБр с 24 августа по 20 сентября 1942 года, которое вместе с сочиненными Лотоцким наградными листами и заново перерисованными картами и по сей день запутывает исследователей своими двойственными данными, из которых даже нельзя понять о какой конкретно бригаде идет речь.

Получается нечто похожее на послевоенную повесть Э. Казакевича «Весна на Одере» и снятый по ней художественный фильм, раскритикованный Сталиным, где известные командующие фронтами Жуков, Рокоссовский, Конев и т.д. фигурируют под вымышленными именами.

Понятно, что за неимением других документов о защите и защитниках элеватора, полковник Емельяненко ухватился за подсунутое С. Лотоцким художественное произведение «Краткое описание б/д 160 (10) СБр», найдя в нем подтверждение известной ему, начштаба 92-й бригады, истины — 35-я гвардейская дивизия не участвовала непосредственно в защите элеватора. Но при этом Николай Федорович не заметил, что придуманный Семеном Сергеевичем Лотоцким в декабре 1942 г. «образ командира Полякова», руководившего взятием и защитой элеватора, «шит белыми нитками».

До этого мы только говорили о наградных листах на ст. л-та М.П. Полякова, л-та В.М. Листопада, Д.Х.

Каталюка, сравнивая описанные в них подвиги и взятые трофеи с взятыми из головы данными, которые приведены С.С. Лотоцким в «Кратком описании б/д 160(10) СБр». Отсюда вполне естественен факт, что плоды фантазии в труде Лотоцкого, никак не могли совпасть с плодами фантазии в труде старлея Полякова.

Конечно, внимательный читатель труда Лотоцкого заметит, что Семен Сергеевич в своем «Кратком описании», сначала отдает «пальму первенства» в занятии зернохранилища уже не придуманной им группе Полякова, а уже не существующему заградотряду. При этом Лотоцкий надеется, что сам Поляков не увидит это, посланное в штаб 62-й армии сочинение.

А потом, понимая, что обязан жизнью старлею Полякову, в нужное время собравшему по тылам бригады 15 хлопцев, майор Лотоцкий лебезит перед ним в «кратком изложении подвига» при представлении его к Правительственной награде 24 сентября 1942 г.: *«При обороне Сталинграда 16.9.42 г. на КП батальона напала рота автоматчиков противника. Тов. Поляков, находясь на КП с двумя человеками, подавая ложные команды, как будто с ним целый батальон, чем привел в панику противника и отразил атаку, захватив в плен 4-х солдат и одного офицера и убил до 20 солдат и офицеров. В этот день в 18.00, с группой красноармейцев — 20 человек, получил приказ командира 11-го СП занять зерноэлеватор в г. Сталинграде — один из важных стратегических пунктов. Тов. Поляков приказ выполнил, через два часа элеватор был отбит у противника.*

Получив пополнение до 130 человек, тов. Поляков организовал круговую оборону, отражая ожесточенные атаки пехоты и танков противника. За 6 дней боя уничтожил два танка, пять повозок, убито до 150 солдат и офицеров. При полном окружении эле-

ватора, с боем прорвал кольцо противника и организовал выход бойцов из окружения.

Сам лично уничтожил 3 офицера и до 30 солдат противника, а также организовал вынос раненых бойцов в количестве 12 человек, находившихся в окружении.

Командир 10 ОСБр Военный комиссар 10 ОСБр майор Лотоцкий ст. бат. комиссар Храпов».

Здесь при описании подвига уже ни слова не сказано о том, что «элеватор брал заградотряд, а группа Полякова была дана этому заградотряду в придачу».

Но при этом в наградном листе Михаилу Петровичу Полякову Лотоцкий как бы ненароком навязывает свое потерянное в сталинградском овраге пополнение в 160 человек. Правда, из 160 потерянных им бойцов майор Лотоцкий отпускает в элеватор только 130 человек. Затем эти 130 бойцов у Лотоцкого перейдут в наградной лист тяжело раненого и отправленного в глубокий тыл начальника штаба 2-го батальона 390-го полка Листопада Василия Михайловича. Сам Василий Михайлович, наверно так и не узнал до конца своих дней о своем штурме сталинградского зернохранилища 17 сентября 1942 года.

Вот это, составленное Лотоцким, описание подвига лейтенанта Листопада: «17 сентября 1942 г. немцы вклинились превосходящими силами в район обороны нашего полка. Прибыв на подкрепление полка с ротой бойцов, лейтенант ЛИСТОПАДОВ В.М., увидев, что немцы заняли один из господствующих в обороне пунктов /элеватор/, оценив обстановку и создавшуюся угрозу, лейтенант ЛИСТОПАДОВ с группой бойцов стремительно контратаковал противника, выбил его из занятого пункта, нанося при этом противнику значительный урон в живой силе. Овладев важным пунктом обороны, тем самым исправил положение в обороне полка.

Тов. ЛИСТОПАДОВ энергичный, дисциплинированный молодой командир. В бою проявил героизм и отвагу». Далее подписи Лотоцкого и Харина.

Здесь возникает вопрос: в обороне какого полка исправил положение л-т Листопадов? Т.к. сам Листопадов был начальником штаба 2-го батальона 390 полка, то получается, что элеватор входил в полосу обороны этого, 390-го полка. Но с другой стороны, в элеваторе в этот момент находился ст. л-т Поляков со своим взводом из 11-го стрелкового полка. Причем, судя по описанию защиты элеватора Поляковым, *«немцы 17 сентября не занимали один из господствующих в обороне пунктов /элеватор/, поскольку он был занят накануне группой самого Полякова. Получается, кто-то из двух: Поляков или Лотоцкий при награждении Листопада, говорят неправду? А, может быть, оба врут?*

А это подвиг Каталюка Дмитрия Харитоновича: *«17 сентября 1942 г. немцы перешли в наступление, угрожая интересам наших частей. Очищая занятый участок от прорвавшихся захватчиков, особо отличился старшина стрелковой роты КАТАЛЮК Д.Х., который огнем и штыком лично уничтожил два пулеметных расчета противника, захватил 6 пленных, 5 из них расстрелял, одного привел, а также захватил два ручных пулемета. Своим подвигом тов. Каталюк воодушевил бойцов подразделения, которые стремительно выполнили боевую задачу, поставленную перед ними».*

Как уже было замечено ранее, подвиги, описанные С.С. Лотоцким, достойны звания Героя Советского Союза. Однако награждаемые получили только медали «За отвагу»! Значит, в штабе 62-й армии не поверили художественным вымыслам майора Лотоцкого.

Непонятно, почему во все это поверил майор Емельяненко?

О картах-схемах из отчета майора Непокрытых

А теперь несколько слов о том, почему при переправе на левый берег вместе со списками потерь и трофеев бригады Лотоцкий с Хариным «потеряли» свои боевые распоряжения за 17, 18, 19 и 20 сентября. Ранее было высказано предположение, что Лотоцкий заметал следы пропажи пополнения в 160 человек, которое, как пишет в приведенном выше отчете «Борьба с автоматчиками противника 18-19 сентября 1942 года» майор Непокрытых, командир бригады Лотоцкий без согласия полковника Дубянского направил в свой резерв. Вот этот текст: *«18.9.42 года в 8.00 из прибывшего пополнения была выделена одна стрелковая рота 100 человек и одна минометная рота — 60 человек в резерв командира бригады. <...>*

Командир бригады приказал: возглавить указанный резерв и занять район обороны севернее КП бригады 500 м за оврагом (см. сх. 5) в готовности контратаковать противника в направлении элеватора и КП бригады...»

При этом, рассматривая приложенные к отчету майора Непокрытых схемы 5, 6 и 7 (в цв. приложении это схемы 16, 17 и 18 - В.Ш.), находим еще одно интересное открытие. Оказывается, судя по приложенным картам, 18 и 19 сентября элеватор находился севернее полосы обороны бригады, то есть, в полном противоречии с текстами и Лотоцкого, и Полякова до 20 сентября еще не был окружен противником.

Это является еще одним доказательством ложности «Краткого описания б/д 160 (10) СБр» Лотоцкого, в котором говорится об окружении элеватора противником 18 (17) сентября. Неспроста проникшая в хранящиеся в ЦАМО РФ документы 62 армии фальшивка много лет ставила в недоумение исследователей истории Сталинградской битвы.

**О НЕСКОЛЬКИХ
САМЫХ ТРУДНЫХ ДНЯХ
62-й АРМИИ**

О боях 92-й морской бригады 20 сентября 1942 года

20 сентября гитлеровцы ввели в бой свежие силы пехоты и танков и при поддержке большого количества минометов, артиллерии и авиации вновь перешли в наступление.

По свидетельству начштаба 92-й бригады Н.Ф. Емельяненко, бой как обычно начался с активных действий авиации противника. Рушились окопы и стены уцелевших зданий, заваливая находившихся в них моряков, горели деревянные постройки. Сильным бомбовым ударам подвергся и командный пункт соединения. Многие воины из охраны штаба, связисты, а также некоторые командиры штаба были убиты или ранены. Затем открыли огонь вражеские минометы и артиллерия. На позициях моряков бушевал огненный смерч, их заволокло сплошными облаками дыма и пыли, через которые ничего не было видно даже в нескольких метрах. Люди задыхались, не хватало воздуха. Телефоны замолкли, проводные линии связи были искромсаны осколками бомб, и восстанавливать их в таком аду было бессмысленно. Управление два дня осуществлялось по радио и связными. *(Здесь начштабриг умалчивает, что штаб 62 к вечеру 20 сентября под предлогом недопущения попадания частот связи противнику в момент, когда фашисты перешли в решающую атаку, заблокировал радиосвязь с 92-й бригадой. — В.Ш.)*

В этот день главный удар немцы нанесли севернее вокзала Сталинград-II, в стык 3-го и 2-го стрелковых батальонов. Впереди, широким фронтом, непрерывно строча из автоматов, перебежками двигались немецкие пехотинцы. Их поддерживали огнем танки, которые

действовали рассредоточено, прикрываясь постройками. Фашисты явно рассчитывали на то, что после мощных ударов их авиации и артиллерии на позициях моряков мало кто уцелеет. Но они просчитались.

Как только пехота противника поднялась в атаку, застрочили наши пулеметы, заухали минометы, заговорили противотанковые пушки. Атака захлебнулась. Оставив на поле боя несколько десятков трупов и горящие танки, гитлеровцы отошли.

Во второй половине дня они опять перешли в наступление. Наиболее мощный удар пришелся по подразделениям 3-го батальона старшего лейтенанта И.Т. Коваленко (комиссар — старший политрук Е.В. Жемчужный). Здесь вдоль улиц Академической и Огарева наступало не менее трех пехотных батальонов. Пехоте и танкам гитлеровцев неоднократно удавалось врываться в расположение батальона. И каждый раз североморцы поднимались в контратаку и отбрасывали врага в исходное положение с большими для него потерями.

В тот же день был получен приказ о передаче остатков 10-й стрелковой бригады, 35-й гвардейской и 131-й стрелковых дивизий в состав 92-й отдельной стрелковой бригады. А из обескровленных в боях частей 244-й стрелковой дивизии создавался сводный (914-й) стрелковый полк, который переходил в оперативное подчинение командира 42-й стрелковой бригады. Штабы соединений, передавшие остатки своих частей стрелковым бригадам, ночами были переправлены на левый берег Волги и ушли в районы расположения своих тылов на реформирование.

Передача личного состава этих соединений не усилила 92-ю стрелковую бригаду, так как к ней переходили и оборонительные рубежи, которые те занимали незначительными силами...

Поскольку комбриг Тарасов опростоволосился с первым боевым донесением, следующее донесение пришлось писать знавшему положение дел начальнику штаба бригады майору Емельяненко, которым и была составлена прилагаемая к донесению рукотворная схема обороны 92-й ОСБр на утро 20 сентября 1942 г. (См. схему 7). Донесение подводит итог дня 19 сентября и отображает состояние дел бригады в ночь на 20 сентября 1942 г.

Боевое донесение № 03 штабриг 92 в штарм 62. Скаты на левом берегу р. Царица 300 м сев.западнее устья. 20.9.42 на 7.30.

Части бригады занимают оборону согласно прилагаемой схемы.

В течение ночи противник по всему фронту обороны пытался прорваться к Волге.

Все попытки противника отбиты.

Части бригады в течение ночи понесли потери, которые уточняются.

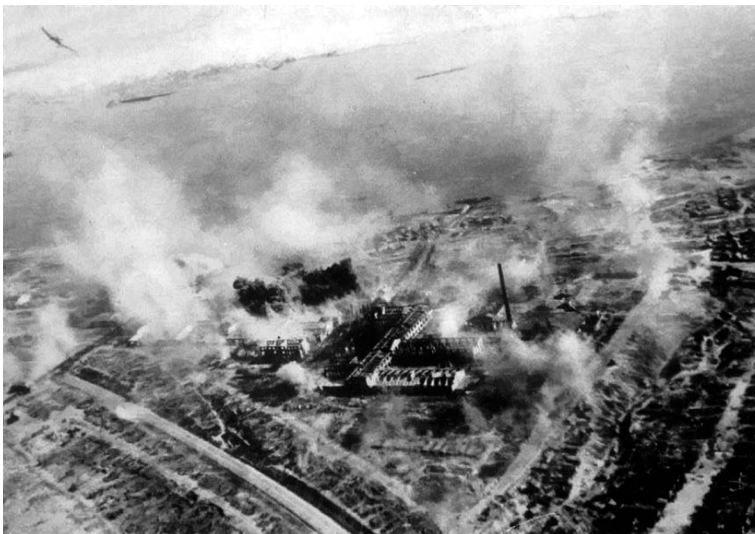
В районе элеватора подбит 1 танк пр-ка.

Подтверждение об этом подбитом немецком танке мы найдем из приведенного ниже письма мл. лейтенанта А.О. Хозяинова В.И. Чуйкову.

За командира 92 сбр расписался сам составитель донесения начштаба майор Емельяненко. За самого майора Емельяненко стоит неразборчивая подпись.

Судя по представленной Емельяненко карте, бригада действовала двумя эшелонами: 1-й, 3-й и 2-й батальоны в 1 эшелоне и 4-й — во втором. Батальон автоматчиков был оставлен в районе впадения р. Царицы в Волгу в резерве командования бригады...

Ближе к концу дня 20 сентября штарм 62 направил в штаб Юго-Восточного фронта следующее послание, в котором опять ни слова про злополучный элеватор.

Бомбардировка консервного завода. На этом рубеже остатки советских частей сдерживали три немецкие дивизии до 18 сентября. Вдали за рукавом Волги остров Голодный

Оперсводка № 162 шторм 62 к 17.00 20.9.42

1. Армия, отбив неоднократные атаки прот, удерживает занимаемые позиции, частью сил продолжая контрнаступление в общем направлении выс. 102.0, МТС.

<...>

Потом идет речь о центре города о 23 тк, 137 тбр, 95-й, 112-й и 13-й гвардейской дивизиях. Все написанное серым карандашом зачеркнуто и сверху опять-таки невнятные записи карандашом синим. Понятно — положение архитяжелое. Немцы лезут на Мамаев курган.

Потом тексты четырех пунктов (с 10-го по 13-й) опять перечеркнуты чем-то синим. И сквозь разводы зачеркнутого проступают слова: «10 сд НКВД с 92-й сбр на левом фланге обороняют ж.д. с ж.д. мостом, занимая позиции 112 сп». И далее: «92 сбр ведет

Противотанковое ружье было главным оружием истребления немецкой бронетехники. Бронебойщики Г.С. Баренник и Я.В. Шептицкий в окопе Сталинграда

Немецкая штурмовая группа в районе завода Баррикады. Октябрь 1942 г

бои с полком пехоты противника вдоль правого берега р. Царица к ж.д. мосту...» И в конце: «92 сбр с остатками 244 сд действуют западнее вокзала...», «35 гв. сд, удерживает позиции от элеватора до берега Волги».

После прочтения подобных донесений любому ясно, что с вечера 19 сентября штаб 62-й армии потерял 92-ю бригаду, ведущую бои с одной стороны «вдоль правого берега р. Царица к ж.д. мосту...», которая с другой стороны «с остатками 244 сд действуют западнее вокзала...»

Кстати В.И. Чуйков и не скрывает этого факта в своих мемуарах...

Хранящиеся в ЦАМО РФ боевые донесения и оперсводки штаба 62 армии, посылаемые в штаб фронта (ф. 345, оп. 5487, д. 39), говорят о том, что штаб 62-й армии, начиная с вечера 19 сентября, плохо представлял ситуацию в соединениях, находящихся к югу от реки Царицы.

При этом и В.И. Чуйков, и его штабисты во главе с начштабром Н.И. Крыловым в донесениях командующему Юго-Восточным фронтом Еременко вынуждены были сочинять еще что-то и о «поддержке 62-й армией начавшегося наступления соседнего Сталинградского фронта».

...Начиная же с утра 21 сентября в написанных очень неразборчиво карандашных донесениях и оперсводках 62-й армии в штаб фронта 92-я ОСБр либо вообще не фигурирует, либо все написанное о бригаде является вымыслом. Очень похоже, что существование 92-й ОСБр уже не интересует штаб 62 армии. С вечера 19 сентября главные события армии Чуйкова начинают разворачиваться вокруг выс. 102.0 на Мамаевом кургане.

Еще через пару дней 92-я бригада, которую в ночь

на 18 сентября перед отправкой на правый берег даже «забыли» покормить прожорливые снабженцы, под предлогом отсутствия информации о местоположении ее частей и штаба совсем выпадет из армейских сводок.

Нереальность защиты отведенного штабом 62 армии для 92-й СБр протяженного района обороны с юга города с самого начала была очевидна командирам и комиссарам всех уровней, имеющим доступ к поступающим из штабштаба приказам. Было ясно, что не сможет бригада численностью пять тысяч штыков без серьезной поддержки боеприпасами и продовольствием удержать участок обороны, занимаемый перед этим тремя боевыми соединениями: 10-й стрелковой бригадой, 131-й и 35-й гвардейской стрелковыми дивизиями.

Поэтому штаб 62-й армии 20 сентября приготовился к тому, что ведущие от элеватора к Волге улицы Иловлинская и Львовская, по которым 19 сентября проходила линия обороны 92-я СБр, уже на следующий день станут находиться в глубоком тылу противника.

Если в оперсводке № 161 штабштаба 62 к пяти утра 20.9.42 (также как и во всех предыдущих сводках) вообще не фигурирует элеватор, но еще каким-то образом отражены планы 62-й армии:

«11. 92 СБр обороняет рубеж непосредственно вдоль ж.д. от ж.д. моста через р. Царица до ст. Сталинград 2-ой, развилка ж.д. 1 км южнее станции и далее по Иловлинской и Львовской ул. до берега Волги.

12. 35 гв. СД с остатками 131 СД, 10 СБр — сдает свои рубежи обороны 92-й СБр и выходит во второй эшелон...<...>

14. Ясно. Видимость 6-10 км. Прошедшие местные дожди на проходимость дорог не повлияли», то ближе

*Немецкие офицеры у трамвайных путей в районе станции
Сталинград II. Вдали справа абрис здания элеватора.
Сентябрь 1942 г.*

*Бегущий в атаку боец в районе завода Баррикады.
Справа будущий «остров Людникова».
Сентябрь 1942 г.*

к полудню этого дня Василию Ивановичу Чуйкову уже очевидно, что 92-я бригада с оставленными в ее расположении остатками 10-й бригады, 131-й и 35 гвардейской дивизий не смогут удержать указанные штабром 62 позиции.

Поэтому элеватор и не указывается, чтоб не отобразить в следующих донесениях факт занятия зернохранилища противником.

А приведенные оперсводки и боевые донесения 92-й ОСБр в штаб 62-й армии говорят о том, что поредевшие батальоны и роты 92-й ОСБр день назад отвоеванные территории с 20 сентября начали с боями сдавать противнику.

Никто в штабе 62-й армии не может сказать, сколько времени еще продержатся остатки боевых групп к югу от р. Царицы. Однако все понимают, что эти, по сути разбитые, части и соединения уже никем из вышестоящих военачальников не воспринимаются как боевые единицы, и поэтому на помощь людьми, боеприпасами и продовольствием с левого берега Волги рассчитывать не могут.

Поэтому **штаб 62 армии**, на всякий случай, по своей инициативе и **отключает радиосвязь с 92-й ОСБр, объяснив это сменой частоты радиопередатчика, которую окруженные противником радисты могут передать в руки противника.**

При этом 20 сентября (без указания времени) командующему фронтом Еременко из штабром 62 посылается явно вымышленное Боевое донесение:

92 СБр на участке ж.д. моста была атакована пехотным полком противника. Атака отбита. Положение в районе моста остается напряженным..

272 сп имеет 3-чу наступать вдоль ж.д. полотна в направлении ж.д. моста и 92 СБр своим правым

*Бои у завода Баррикады в районе улиц Мезенская-Тувинская.
Сентябрь 1942 г.*

флангом наступать по правому берегу р. Царица к ж.д. мосту.

*К 14 час 272 сп и правый фланг 92 СБр, находясь под воздействием сильного ружейно-пулеметного огня пр-ка, **медленно продвигаются вперед.***

Положение остается без изменения.

Чуйков, Гуров, Крылов.

Фраза «медленно продвигаются вперед» нужна Чуйкову для передачи наверх наступательного духа вверенных ему частей и соединений, точного места нахождения которых штаб его армии не знает, но которые, «находясь под воздействием сильного ружейно-пулеметного огня противника», должны «хоть и медленно, но продвигаться вперед».

Сей факт подтверждает **оперсводка № 163 к 5.00 21.9.42 штаба 62 армии в штаб фронта:**

«...42 сбр с остатками 244 сд, 92 сбр, 10 сд НКВД, 35 гв. сд с остатками 131 сд и 10 сбр в течение ночи

ведут уличные бои с противником на прежних рубежах... Крылов»

Интересно, какие «прежние» рубежи представлял в своем воображении начальник штаба 62 армии, составляя это обязательное ежедневное творение, когда накануне завизировал приказ о сдаче 35-й гв. СД с подчиненными ей остатками 131-й СД и 10-й ОСБр своих рубежей обороны 92-й бригаде и выходе во второй эшелон?

Ведь 2-й ОСБ 92-й бригады, судя по карте, составленной в штабе 62-й А старлеем Барановским, к вечеру 20.9 с «прежних рубежей» — из окрестностей элеватора (Балхашская, Белорусская, Иловлинская и Львовская улицы) — переместился вдоль ж.д. на северо-восток до берега Волги в район пакгаузов.

Чтоб уточнить расположение 2-го батальона 92-й ОСБр на 20 сентября 1942 г. обратимся к **воспоминаниям участника тех боев Н.Ф. Емельяненко:**

Противнику, вводившему в сражение новые силы удалось прорваться через поредевшие боевые порядки левофланговых подразделений 3-го батальона и выйти к улице Рабоче-Крестьянской. Пришлось срочно вводить в бой 4-й отдельный стрелковый батальон старшего лейтенанта Я. Н. Козлова (комиссар — батальонный комиссар С.Я. Миньков), и продвижение врага было остановлено.

Подвиг взвода ПТР 4-го батальона под командованием мл. лейтенанта Волкова

Обеспечивая ввод в бой своей части, на танкоопасном направлении недалеко от речного порта действовала рота противотанковых ружей этого батальона.

День 20 сентября бронбойщики провели в жестких схватках с противником. Несколько раз моряки взвода младшего лейтенанта Аркадия Волкова отбра-

сывали врага. Фашистов было в шесть-семь раз больше, их поддерживали авиация, артиллерия, минометы и танки. У краснофлотцев же не было такой поддержки. К тому же боеприпасов было очень мало, их приходилось экономить. Несмотря на это, приказ «ни шагу назад!» моряками был выполнен.

К концу дня от роты осталось 9 человек: замполит-рука Михаил Слепнев, младший сержант Георгий Табанин, краснофлотцы Василий Шушкарев, Яков Пасечник, Андрей Коротков, Виктор Королев, красноармейцы Александр Воробьев и Дмитрий Грибов. Возглавлял эту группу командир взвода мл. лейтенант А. И. Волков. На горстку храбрецов враг бросил до роты пехоты с танками. В первые же минуты боя в ногу был ранен Королев. Преодолевая нестерпимую боль, он тщательно прицелился и выстрелил по танку. Черный смолистый дым застилал поле боя. Затем вспыхнул огонь, и танк занялся жарким пламенем. Кто-то из соседнего окопа крикнул: «Молодец. Витя! Бей их, гадов!» Виктор не отвечал: заметив танкистов, покидавших горящую машину, он сменил противотанковое ружье на автомат и открыл по ним огонь.

— Королев! Танк слева! — раздался громкий голос командира взвода Волкова. — Огонь!

Прогремел выстрел. Но бронебойная нуля, ударившись о наклонную поверхность брони, срикошетила. Почувствовав, что взяты на прицел, немецкие танкисты быстро ушли в укрытие. Волков сам лег за противотанковое ружье. Он подбил еще один танк. А когда в атаку поднялась вражеская пехота, бронебойщики разили ее метким огнем из автоматов и ручными гранатами, пока та не отошла в исходное положение.

Более полутора суток маленькая группа удерживала важный рубеж. Она вывела из строя несколько гитлеровских танков и до 80 солдат и офицеров. За

этот подвиг младший лейтенант А.И. Волков был награжден орденом Ленина, краснофлотец Яков Пасечник орденом Отечественной войны II степени, а остальные, в том числе В. Королев, — орденами Красного Знамени.

Об этом бое 20 сентября сохранилось послание замполитрука Михаила Слепнева в штабриг 92:

***Начальнику штаба 92 бр от мл. политрука роты ПТР 4-го батальона Слепнева Михаила Алексеевича
Рапорт***

20 сентября 1942 г как только выбыл из строя политрук роты т. Логинов, ком-е 4-го бат-на, бат комиссар Меньков поставил передо мной боевую задачу: на берегу Волги южнее Сталинграда занять линию обороны, сдержат натиск прот. и не допустить на Волгу. Наше подразделение роты ПТР занимая линию обороны в теч. целого дня, вело упорные бои с превосход. силами прот, уничтожая его боевую силу и технику. Дело доходило неоднократно до рукопашной схватки. Теснили прот. несколько раз и обращали в бегство, не имея с нашей стороны достаточного подкрепления.

Несмотря на наши большие потери, оставшаяся небольшая кучка краснофлотцев не покинули боевого оружия. Ни шагу назад! Приказ был выполнен.

Необходимо отметить, что особо в этом неравном бою отличились следующие товарищи, которые ком-м 4-го бат отмечены и представлены к правит. награде: мл. л-т Волков, краснофлотцы Табакин, Королев, Коротков, Воробьев, Пасечник, Шишкарев, Грибов и я, мл. политрук роты Слепнев Михаил Алексеевич.

Меня интересует такой вопрос, поступало к вам это отношение от штаба 4-го бат или нет? Я имею сведения, что все оформленные документы во время переправы через р. Волгу секретарем партбюро ст. по-

литруком тов. Коробовым потоплены в Волге, и поэтому прошу Вас этот вопрос уточнить, с тем, чтобы не оставлять эти подвиги наших краснофлотцев не отмеченными.

30/IX 42 г.

*Политрук взвода разведки
мл. политрук /подпись/ Слепнев*

К счастью, письмо политрука взвода Михаила Слепнева дошло до начальника штаба 92-й бригады Н.Ф. Емельяненко и оставшиеся в живых бойцы получили заслуженные награды.

Наступление противника 21 сентября 1942 года

Утром 21 сентября немцы вновь перешли в наступление против войск 62-й армии.

Против 92-й стрелковой бригады действовали части 29-й моторизованной и 94-й пехотной дивизий противника.

Особенно трудно пришлось 2-му батальону. Вражеская пехота атаковала его при поддержке танков во много раз превосходящими силами. Противник пытался прорваться на этом участке сразу в двух направлениях: от элеватора на северо-восток и от консервного завода на север, вдоль берега Волги. Передешие после предыдущих схваток боевые порядки 2-й стрелковой роты этого батальона не отошли ни на шаг. Тогда гитлеровское командование ввело в бой новые силы.

Массированным огнем всех видов и гусеницами танков враг буквально стер с лица земли защитников позиций на флангах этого подразделения и устремился в глубину вашей обороны. Остатки 2-й стрелковой роты во главе с ее командиром лейтенантом З.Г. Зозулей заняли круговую оборону и стояли насмерть. В помощь Зозуле командир батальона бро-

сил в контратаку все, что мог. В этот же район была направлена часть 4-го стрелкового батальона и батальона автоматчиков. (Там же накануне погибла и рота пулеметного батальона майора В.Е. Яковлева)

По свидетельству начштаба бригады майора Н.Ф. Емельяненко, по озверевшим фашистам, рвавшимся к Волге и к реке Царице, нанес несколько огневых налетов дивизион 85-го гвардейского гаубичного артиллерийского полка резерва Верховного Главнокомандования — единственное артиллерийское подразделение, поддерживающее 92-ю бригаду с правого берега. С 20 сентября этот дивизион вел огонь по координатам своих наблюдателей, остававшихся в рядах моряков в течение нескольких суток.

Расхваленная же в послевоенных трудах ряда авторов, оставленная на левом берегу артиллерия самой 92-й бригады в течение сентябрьских боев так и не приступила к работе.

В итоге крупные силы фашистской пехоты и танков, прорвавшиеся в глубину нашей обороны, были остановлены.

Остатки 2-го батальона были выведены из-под фланговых ударов противника к дамбе речного порта, где они прочно закрепились, преградив гитлеровцам путь к Волге.

Некоторые документы из тех далеких дней

т. Тарасову, т. Емельяненко от т. Мальцева

Время 15.00 22.09.42 г. Донесение (л. 6)

Согласно донесения командира 2 роты противник после всех неудачных атак перешел к обороне благодаря чего начинает строить дзоты. В постройке линии обороны помогает местное население, прошу вашего распоряжения о постановки задачи артиллерии унич-

тожить начавшуюся постройку дзот, после чего надо нанести удар с правого фланга.

Ком. б-на автоматчиков Капитан Мальцев

Замкомроту связи л-ту Лелекову (л. 7)

Приказываю: выслать 2-х телефонистов лучших на КП комбрига — стан Ленинград, для дежурства

Приступно невыполнение приказа в восстановлении 2 линии на КП комбрига. К 14-00 требую восстановить.

Нач. связи /подпись/ ст. л-т Ханьгин. Передано через Соловьева

Нач. штаба 92 бр-ды от нач. штаба 1-го батальона

Сообщаю о том, что с расположения первой роты немцы, т.е. противник, захватили одного нашего языка, другого убили.

Первая рота расположилась около реки Царицы.

*Нач. штаба 1-го бат 92 бригады Гурьянов
23-IX-42 г.*

В штабриг от 4-го ОСБ 18.25 № 8 (л 10)

По сообщению из 1-й роты замечены: пехота пр-ка и бронемашина у белого и красного дома в конце площади Чайковского. Наблюдение велось вдоль улицы Аджарского и Кирсановской.

Правый фланг 4 осб — 1 стр. рота.

В конце отчета - рисунок площади Чайковского.

т. Тарасову, т. Емельяненко от Мальцева

Время 1 час 23.09.42 года. Донесение (л. 14)

Доношу, что за 22.09.42 г. по отдельному батальону автоматчиков имею следующие потери:

ранено рядовых — 19 чел.,

убито — 1,

отправлен в госпиталь по болезни 1 красноармеец.

В 1-й роте вечером 22.09.1942 г. дезертировал кр-ц автоматчик Песов с оружием, ранее судился за дезертирство.

За 22.09. уничтожено 30 фрицев, из них 2 офицера. Представить к правит. награде 6 чел.

На уч-ке занимаемом батальоном все без изменения. Комбат капитан Мальцев, комиссар.

Боевое донесение (л. 15)

22 сент. 42 г. Первый бат 92 отд сбр занимает рубеж обороны в районе реки Царицы по ниже перечисленным улицам и кварталам:

линия обороны проходит по улице КИМ между улицами Рабоче-Крестьянская и Казловская на протяжении 3-х кварталов.

С правого угла Козловской улицы линия обороны продолжается по Козловской улице до Бирской, от Бирской до Социалистической, от Социалистической по территории отдельного завода продолжается до реки Царицы. Левым флангом р. Царицы кончается линия обороны. Левый фланг упирается правому флангу 3 батальона. и правый реке Царица. Связь между соседями установлена...

Комиссар 1-го бат ст. политрук Харьков

К этому времени командир 1-го батальона дезертировал вместе с женой из расположения части.

В штабриг от 4-го ОСБ (л.16)

Задача, поставленная штабригом 4-му ОСБ на 22.09.42 выполнена. Подразделения достигли указанного рубежа и окопались согласно приложенной схеме обороны, ожидая дальнейших ваших указаний. Автоматчики ведут поиски в районе площади Чайковского. За истекшие сутки потери 39 человек. Из них убитых 10, раненых — 29.

Комбат Миньков

В этот день 22 сентября 1942 г. командир 4-го ОСБ ст. лейтенант Козлов Яков Никандрович был убит в бою. 1911 г.р., русский, уроженец дер. Липенка Нахоркинского с/с Островского р-на Ленинградской обл. Колхозник, член ВКП (б) с 1939 г. Образование общее 7 классов.

*Командир 4-го ОСБ гв. майор
Миньков Сергей Яковлевич
(1908-1943)*

Потом командиром 4-го батальона стал батальонный комиссар Миньков Сергей Яковлевич, награжденный за бои 20-22 сентября орденом Красное Знамя. Выдержка из наградного листа гласит:

В Красной Армии с 1930 года. Призван Абинским РВК Краснодарского края. Не награждался.

Домашний адрес: г. Алатырь Чувашской АССР, ул. Сурская наб. д. 2. Изложение подвига:

В боях за город Сталина отд. стр. б-н, где замполитом части был тов. Миньков уничтожил 2950 гитлеровцев, около 20 пулеметных точек прот., 4 мином. батареи, подбито 6 танков.

Тов. Миньков в тяжелых уличных боях после выбытия из строя комбата принял на себя командование батальона, был контужен, но не покинул поле боя.

Под его руководством батальон отбил несколько атак превосходящих сил противника. Сам лично уничтожил 10 гитлеровцев. Достоин правительственной награды ордена «Красное Знамя».

«

**Почему моряки и пехотинцы
92-й бригады после войны
были выбраны в качестве
«мальчиков для битья»?**

О книге Н.И. Афанасьева

«От Волги до Шпрее»

(М., 1982, Воениздат МО СССР)

Для начала приведем выдержку со стр. 73: *«Бои за элеватор продолжались днем и ночью. Его защитники несли большие потери. ПТР остались без боеприпасов, кончились гранаты, на исходе были бутылки с горючей смесью. Командир полка А.А. Герасимов понимал, как трудно небольшой группе бойцов вести бой за элеватор. Поэтому он отдал приказ гв. ст. сержанту А.А. Павленко провести на помощь гарнизону элеватора группу бойцов 101-го полка и только что прибывших моряков-североморцев из 92-й стрелковой бригады (ЦАМО РФ, ф. 345, оп. 5487, д. 5, л. 355).*

Старший писарь 101-го полка А.А. Павленко хорошо ориентировался в городе — он неоднократно выполнял задания командира полка. И на этот раз он успешно вывел в район элеватора группу бойцов и моряков. На подступах к элеватору этой группе пришлось принять бой с автоматчиками противника, которые уже окружили элеватор. Линии фронта, такой, как ее обычно представляют, в Сталинграде не существовало. Пехотинцам и морякам с боем пришлось пробиваться к элеватору. А.А. Павленко возглавил атаку и первым ворвался в расположение врага, уничтожив из автомата трех гитлеровцев. Гарнизон с криками «ура» встретил группу А.А. Павленко. За мужество, проявленное в боях на подступах к элеватору, он был награжден медалью "За отвагу"».

Далее на стр. 74 Н.И. Афанасьев продолжает: *«Кровопролитные бои за элеватор подразделения 35-й гв. СД вели по 21 сентября 1942 г., до тех пор, пока командование армии не отдало приказ передать рубеж обороны морякам 92-й стрелковой бригады...»*

Далее Афанасьев приводит выдержки в подтвержд-

дение слов со стр. 129 и 130 из книги В.И. Чуйкова «Сражение века», М., 1975 г.:

В.И. Чуйков писал: «Бои на южной окраине города в районе элеватора по упорству наших людей заслуживают особого внимания (стр.130). А вот как охарактеризовал бои за элеватор командир 35 гв. СД полк В.П. Дубянский. По телефону он докладывал командующему армией В.И. Чуйкову: "Обстановка изменилась. Раньше мы находились наверху элеватора, а немцы внизу. Сейчас мы выбили немцев снизу, но зато они проникли наверх, и там, в верхней части элеватора, идет бой"» (стр. 129 из книги Чуйкова).

Интересно, откуда такая подробная информация, если Чуйков узнал об элеваторе только в 1957 году из письма Хозяинова? Ведь согласно всех донесений 62-й армии в штаб фронта элеватор с 16 сентября находился в руках противника.

Сразу же предложим вниманию читателя выписку из «Исторического формуляра 35-й гв. СД» (ф. 35 гв. сд, оп. 1, д.10, л.3 об.), который не удосужился прочесть литератор Афанасьев: «17.9.42 г. после сильной арт и мин подготовки противник силою до 2-х полков пехоты и до роты танков начал наступление, нанося главный удар вдоль берега Волги, стремясь окружить части дивизии. Все 5 атак противника были отражены. Во время боя настал критический момент, когда противник приблизился на 50-70 м к КП дивизии. Положение восстановили гв. полковой комиссар Лисичкин и возглавлявший политотдел гв. батальонный комиссар Полянский. Они воодушевили разрозненные группы бойцов, подняли в контратаку штаб и политотдел дивизии и решительным ударом отбросили противника. Немцы бежали, оставляя убитых и раненых. Ведя бойцов в контратаку, смертью героя погиб гв. бата-

В атаку идет морская пехота

Яростный бой на улице города. Осень 1942 г.

Встреча ветеранов 92-й ОСБр 2.02.1973 г. Крайний слева рядом с А.О. Хозяиновым его пулеметчик Петр Егорович Манаенков

Пленные немцы проходят мимо покалеченного ими в сентябре 1942 г. элеватора. Февраль 1943 г.

льонный комиссар Полянский. На следующий день начал прибывать 1 батальон 92-й стр. бригады для смены частей дивизии и занятия обороны.

Остатки дивизии в количестве 65 активных штыков продолжали держать оборону, хотя имели санкцию на отход.

22 сентября 1942 г., согласно устного приказа начальника В.П.Ч. 62 армии комбрига тов. Елисеева остатки дивизии переправились через р. Волга и сосредоточились в районе хут. Зональный — Верхняя Ахтуба.

27.9.42 г. по распоряжению 2-го отдела Главного управления формирования и комплектования частей Красной Армии 35 гв. СД, погружившись в эшелоны, отправилась к месту дислокации...»

Получается, что описывая героику будней в Сталинграде 35-й гв. СД, замолит дивизии забывает сообщить про самый главный подвиг соединения — защиту элеватора и невероятные похождения писаря 101-го гв. полка А.А. Павленко?

Вызывает отвращение и опосредованная ссылка автора книги на рецензента — уважаемого человека генерала Валентина Ивановича Варенникова, который во время войны служил в этой прославленной дивизии... с марта 1943 года. Да, Валентин Иванович воевал и в Сталинграде с середины октября 1942 года — только в 138-й СД полковника И.И. Людникова, где бойцы и командиры дивизии в течение двух месяцев сдерживали маленький клочок суши на берегу Волги у завода «Баррикады».

Кстати, обращает на себя внимание и выставленная в интернете любителем небылиц про 35-ю гв. дивизию поддельная карта о положении наших частей на 18 сентября (см. цв. схему 25 и сх. на стр. 313), в которой положение 35 гв. СД и 131 СД поменяно местами: 131-я

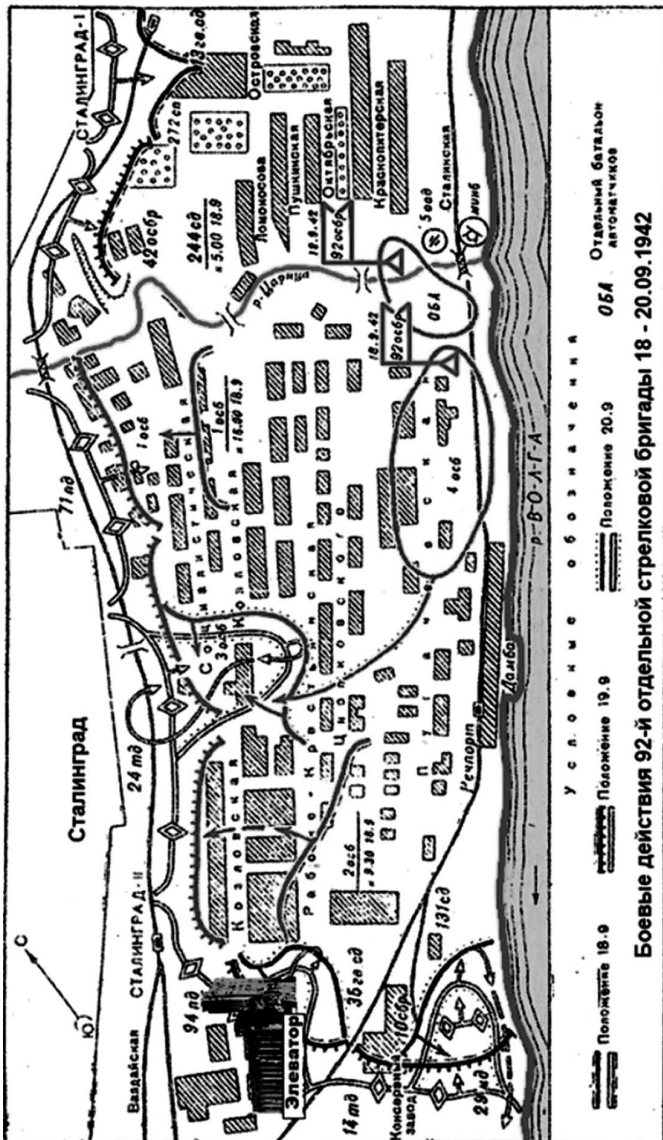
СД перемещена на берег Волги, а 35-я гв. СД передвинута на запад. При этом линия ее обороны поностью охватывает элеватор с юга. 10-я стрелковая бригада, рота автоматчиков которой под командованием лейтенанта Б.А. Степанова 17 сентября заняла элеватор, также указана не на своем месте.

Главное - командир 101-го гв. полка А.А. Герасимов в стенографической записи, данной академику И.И. Минцу 17 декабря 1942 г. четко говорит, что руководимые им остатки 35 гв. СД располагались непосредственно на берегу Волги. Поэтому л-т Кулинич и смог им в ночь на 21 сентября перед прорывом из окружения подвезти на лодке продукты питания.

При этом имеющий доступ к фондам ЦАМО Н.И. Афанасьев мог посмотреть карту штарма 62 за 20-21 сентября (см. на вкладке схему 1), на которой показано расположение 10-й СБр, 131-й СД и 35-й гв. СД.

Оставляет неприятное впечатление от книги и текст на стр. 77: *«Пытаясь нащупать слабые места в обороне дивизии, противник предпринял несколько сильных атак со стороны станции Сталинград-2 с задачей прорваться к реке Царица и разрубить фронт обороны дивизии. Взаимодействуя с подразделениями 42-й стр. бригады гвардейцы дивизии сдерживали наступление крупных сил противника, которые стремились пробиться в центр города также и с юга...»*

Процитированное является пасквилем не только на 92-ю морскую бригаду. Н.И. Афанасьев, прежде чем написать подобное, должен был посмотреть оперативные карты 62-й армии, на которых изображены позиции 35-й гв., 131-й и 244-й дивизий, 10-й, 92-й и 42-й стрелковых бригад. Из карт видно, что 18 сентября между позициями 35-й гв. СД и 42-й ОСБр располагались линии обороны 244-й и 131-й СД, 10-й и 92-й ОСБр (см. цветную схему 1).

Переделанная схема расположения наших соединений к югу от реки Царицы на 18 сентября 1942 года с целью «доказательства» активного участия 35 гв. СД в защите элеватора